

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА
(Самарский университет)

ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

XXIV Всероссийская конференция
молодых историков
(Самара, 7–8 декабря 2018 г.)

Материалы и доклады

Самара
2019

УДК 94
ББК 63.3
П37

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. П.С. Кабытов (отв. редактор);
д-р ист. наук, проф. Э.Л. Дубман;
д-р ист. наук, проф. М.М. Леонов;
д-р ист. наук, проф. Н.Н. Кабытова;
д-р ист. наук, проф. Ю.Н. Смирнов;
канд. ист. наук, доц. В.А. Тюрин (отв. секретарь)

П37 Платоновские чтения: материалы и доклады XXIV Всероссийской конференции молодых историков (Самара, 7–8 декабря 2018 г.) / отв. редактор П.С. Кабытов. – Самара: Самарская гуманитарная академия, 2019. – 227 с.

ISBN 978-5-98996-224-2

Сборник содержит статьи участников XXIV Всероссийской конференции «Платоновские чтения», проходившей в Самарском университете 7–8 декабря 2018 г.

Проблематика материалов сборника представляет собой широкий спектр сюжетов социально-экономической истории, международных связей, истории взаимоотношений власти и общества, а также основных направлений общественной и исторической мысли, истории культуры и этносов России.

УДК 94
ББК 63.3

ISBN 978-5-98996-224-2

© Авторы, 2019
© Самарский университет, 2019
© Центр периодических изданий Самарского университета, оформление, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

XXIV Всероссийские платоновские чтения — 2018 г. 8

Секция I. Социально-экономические, внешнеполитические проблемы истории России

Кусова Е.А. «Длинный дом» эпохи викингов как системообразующая единица культуры Северного региона и его культурная функция	13
Родионова Ю.Р. Первое путешествие Энтони Дженкинсона в Россию в 1557–1560 гг.	15
Крылова А.В. «Бьет — значит любит»? Феномен русской жизни через призму взаимоотношений между женщинами и мужчинами в период Московского государства (XVI – XVII вв.)	17
Заплетин В.В. О роли групповых интересов московских стрельцов в формировании исторической памяти конца XVII в.	23
Кириякова Е.С. Иностранцы учителя Петра I в конце XVII века	26
Евлоева Р.Д. Россия в системе международных отношений: становление русско-американских отношений в конце XVII – начале XIX вв.	29
Чайкина М.В. О важности почтового сообщения в России в XVII веке	31
Ревуцкая Ю.Е. Западноевропейцы глазами русских путешественников эпохи Петра I	33
Калинин М.В. «Учинились ослушны, грозились избить его смертным боем». Из истории натуральной дорожной повинности в XVIII веке	36
Лутохина Т.К. Ресторанные заведения в инфраструктуре г. Самары во второй половине XIX – начале XX вв.	38
Кривова Д.А. Политическая деятельность А.П. Волынского	41
Пискунов А.В. Дело Лопухиных	44
Родин Д.В. «Восточное Локарно» Феликса Циеленса	46

Секция II. Власть и общество в истории России

Аблаев Э.Ю. «Хождение в народ 1874 года: причины поражения по воспоминаниям народников»	49
Кучер Н.С. Россия после Берлинского конгресса 1878 года	51
Разгребельская А.В. Провокаторство в России в начале XX в. (на примере дела Азефа)	53
Парахин А.С. Фракция октябристов в Государственной Думе III созыва (1907–1912 гг.)	56

Романова А.С. Кризис монархической идеи в высших кругах российского общества в конце XIX — начале XX века	58
Токарева Н.Д. Российская императорская фамилия в годы правления Николая II	61
Голева Е.Д. «Пробудить во всех классах народа дух гражданской жизни»: инициативы общественности и администрации Самары в середине XIX в.	63
Телеш Д.Г. Вопросы войны, мира и международной политики первой половины 1910-х гг. глазами провинциальной общественности (на примере Самары)	66
Горбунова О.Е. Деятельность «Комиссии Российской академии наук по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований»	68
Герасимова М.С. Зарубежные высшие военно-научные курсы генерала Н.Н. Головина: формирование военных кадров будущей Русской армии под эгидой РОВС	70
Карпов М.Э. «Истории болезней» самарцев в годы Гражданской войны	72
Павлов Н.С. Оборонительная деятельность ревкомов в Самарской губернии в годы гражданской войны	75
Писарева А.И. Социальные практики выживания в Самаре и Самарской губернии в годы голода 1921-1922 гг.	77
Разина Е.А. Эвакуированные дети на Самарской земле	80
Головачева А.В. Детский дом для испанских детей в г. Куйбышеве	82

Секция III. История общественной и исторической мысли, политических партий, общественных движений и организаций

Ерофеев И.Д. Поляки в «Повести временных лет» и русские в «Хронике и деяниях польских князей» Галла Анонима	85
Моргунов Я.В. Подготовка к празднованию 100-летия Отечественной войны 1812 года как опыт формирования исторической памяти (на примере учебных заведений дореволюционной Самары)	87
Федечкина О.Н. Мемуары А.И. Стрелковой как источник по истории России конца XVIII — первой половины XIX в.	91
Сметанникова А.С. Понятие «художественная интеллигенция» в отечественной историографии	93
Борисова В.А. «Самарская газета» — центр общественной мысли Самары конца XIX в.	95
Полубоярова Е.В. Русские писатели и публицисты пореформенного периода о путях сближения с народом	97
Елисеев А.И. Поволжские депутаты в Государственных думах Российской империи: обзор отечественной историографии	100

Парфирьев Д.С. «Не хуже, чем Романовы»: Павел Милюков и украинцы Галиции в годы Первой мировой войны	102
Пашкова А.А. Мыслители русского зарубежья о кризисе современного искусства	104
Бочарова А.В. Мусульмане Самарской губернии в антирелигиозной компании 1920-х гг.	106
Зыбанова Г.А. Нарратив как метод и средство изучения детской повседневности 1920-х гг.	108
Муллаянов Д.А. Заметки об Антикоминтерновском пакте 1936 г.	110
Мкртчян Л.Г. Армянская диаспора России в зеркале историографии	112
Афанасьева Д.А. Образ ирландской республиканской армии в советской публицистике	114
Сторожиков Н.В. Личные источники в изучении жизни и деятельности основателя куйбышевской школы сосудистой хирургии Г.Л. Ратнера	117

Секция IV. Русская культура, история этносов и повседневность

Имукова П.А. Чайная церемония в России в XIX веке: к вопросу о заимствованиях	120
Елисеева Е.А. «Вызолотить с лучшим мастерством»: оформление иконостаса как предмет декоративно-прикладного искусства в женских монастырях Симбирской епархии во второй половине XIX века	123
Новиков В.А. Торжественное открытие учебных заведений в провинциальном городе середины XIX века как социокультурное явление (на примере Самары)	125
Мишустин Д.В. Создание и деятельность Самарского общества поощрения высшего образования в 1873-1886 гг.	128
Колпакова О.В. Миссионерская деятельность в Пензенской епархии среди раскольников в 1860-1890-е гг.	131
Гривастова А.Н. Благотворительные организации или частная благотворительность? Особенности российской и европейской форм благотворительности на основе деятельности А.К. Карамзиной	133
Мордвинов А.Ю. Национально-религиозный состав торгово-промышленных кругов Саратова по рукописи И.Я. Славина «Саратовское купечество минувшего (XIX) века»	135
Кравченко Е.В. Духовная жизнь Средневековой Руси в художественных образах конца XIX – начала XX вв.	137
Кузнецова М.Е. Отражение быта русского народа в традиционной колыбельной песне	140
Лукьянова Е.И. Визуальный образ Самары в фотографиях XIX – начала XX вв.	142

Негодяева Е.В. Деятельность Московской «Комиссии по церковным и вероисповедным вопросам» в период революционных событий 1905–1906 годов	144
Неманова М.Р. Влияние пропаганды санитарно-просветительских норм на образ жизни населения Самарского уезда в 1923–1928 гг.	147
Лаклаева Г.Р. Политика РСФСР в области партпросвещения женщин-татарок	149
Иванова М.В. Алия в эпоху перестройки (вторая половина 1980-х гг.)	151
Чепурнова Е.И. Городской ландшафт как предмет междисциплинарного исследования	153

**Секция V. История России XX-XXI вв.:
проблемы, поиски решения**

Зубкова А.А. Проблема продовольственного обеспечения тылового населения в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) в источниках личного происхождения	156
Воронкина Н.В. Размещение эвакуированного населения в Пензенской области в годы Великой Отечественной войны	158
Савенков Э.И. Феномен «боевого братства» на фронтах Великой Отечественной войны, на примере курсантов 2-го саратовского танкового училища	160
Сивкова Д.Л. Представлен к званию «Героя Советского Союза»: к вопросу об особенностях наградной системы в годы Великой Отечественной войны	163
Власов А.В. Повседневная жизнь военнослужащих СВАГ в 1945–1949 гг.: поведенческие практики и стратегии адаптации	166
Бахута Н.В. Групповая динамика политической номенклатуры Куйбышевской области (1953–1964)	169
Глотов А.И. Изменение структуры бюджета Куйбышевской областной партийной организации в 1965–1984 гг.	171
Разумов Н.В. Товарный дефицит в г. Куйбышеве в 1985–1991 гг.	174
Абрашкин С.Н. СМИ города Самары в период Августовского путча (19–21 августа 1991 г.)	176
Елгина И.И., Лебедева М.А. Муниципалитеты и социальная защита населения в 1990-е гг. в Самаре	179
Басова А.А., Рыбакова А.А. Развитие образования в Самарской области в 90-х гг. XX в.	181
Дмитриева М.А. О некоторых пробелах в Книге Памяти Самарской области (на примере женщин-военнослужащих)	182

Секция VI. История внешней политики России

Рыбаков Д.Д. Установление дипломатических отношений между Бельгией и Россией (1850–1853)	185
Мищишина Е.В. Развитие советско-германских и советско-японских отношений в 50-е – 70-е годы XX века: опыт сравнительного анализа	187
Хакимова Л.А. Геополитический аспект советско-китайского конфликта 1960–1970-х гг.	189
Щетинский Г.В. Военно-техническое сотрудничество России и Индии	191
Концур А.В. Военно-техническое сотрудничество между РФ и КНР на современном этапе	195
Полякова А.В. Образ Испании в массовом сознании россиян на примере печатных СМИ	197
Кашникова Д.О. Динамика развития российско-итальянских экономических отношений после кризиса 2014 года	199
Губанова Т.С. Переход России к постиндустриальному обществу в оценках американских футурологов	201
Бабушкина Д.А. Современные российско-германские отношения в отражении российской прессы	203
Вавилова Н.Д. Азорское самоопределение в португальской международной политике	205
Панкратова А.А. Сотрудничество России и Великобритании в сфере образования	207
Лощилова А.М. Россия и проблемы международной безопасности, возникшие вследствие украинского кризиса	209
Зотова А.А. Американский центр в России как инструмент проявления мягкой силы США	212
Монастырский Ф.С. Сотрудничество Самарской области с регионами КНР в XXI в.	214

Секция стендовых докладов

Алексееенко Е.В. Макроистория из микроанализа: голос «маленького человека» в отчете о поездке в США в 1927 г.	216
Аленичева Н.В. Региональный аспект политического кризиса в октябре 1993 г. (на примере Саратовской и Самарской областей)	218
Гребень Д.Е. Буддизм в Туве в советский период глазами национальной интеллигенции	220
Синица С.В. Сапфо и Серебряный век: интерес к образу	222
Слащина А.П. Православные миссионеры и мусульмане Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.	223

XXIV ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2018 Г.

7-8 декабря 2018 г. в Самарском национальном исследовательском университете имени академика С.П. Королева на базе кафедры российской истории состоялась ежегодная конференция студентов и молодых ученых – XXIV Всероссийские Платоновские чтения.

Платоновские чтения традиционно считаются одним из самых известных и популярных межвузовских исторических форумов научной молодежи России. В них принимают участие молодые исследователи из многих регионов европейской части страны, Урала и Сибири, а также некоторых стран зарубежья. По Положению в конференции имеют право принимать участие бакалавры и магистры, а также аспиранты, научные сотрудники и преподаватели в возрасте не старше 30 лет, не имеющие ученой степени или звания. В основе работы Чтений заложен конкурсный принцип.

Начиная с первой конференции, состоявшейся в 1996 г., при организации каждых новых Чтений их Оргкомитет ставит базовые задачи:

- содействовать развитию научного творчества молодежи,
- пропагандировать российское национальное историческое наследие.

За почти четвертьвековую историю проведения Платоновских Чтений, они показали высокую эффективность для развития отечественной науки, стали особо значимыми для молодых исследователей. В среднем в работе каждой из ежегодных конференций принимало участие до 120-200 студентов, соискателей и аспирантов; выступало от 50 до 90 докладчиков. Тексты всех представленных к участию и прошедших конкурсную экспертизу докладов были опубликованы.

Чтения получили заслуженное признание в среде студенчества и молодых ученых. Их базовой особенностью является постоянство, регулярность, единство требований к уровню научных работ и составу участников. Проведение конференции стало научной традицией. Во многих городах Российской Федерации – Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Казани, Чебоксарах, Оренбурге, Саратове, Волгограде, Пензе и других сложился круг постоянных участников этого форума научной молодежи.

Начиная с 1996 г., организатором и главным исполнителем Платоновских Чтений являлся Самарский государственный университет (в настоящее время Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева). В течение ряда лет методическую и научную помощь в проведении конференции оказывал Санкт-Петербургский институт истории РАН.

Прошедшие в начале декабря 2018 г. XXIV Платоновские Чтения были организованы при финансовой и методической поддержке ректората Самарского университета и руководства социально-гуманитарного института.

Проект «Платоновские Чтения» стал неотъемлемой частью системы научной и учебной работы кафедры российской истории исторического факультета Самарского национального исследовательского университета, ежегодных научных конференций молодых ученых и студентов. Чтения объединили эту сферу научно-исследовательской деятельности в области исторических наук в единое целое не только в рамках Самары и других городов Среднего Поволжья, но и всей Российской Федерации.

Традиционным на протяжении многих лет является состав Оргкомитета конференции во главе с профессором П.С. Кабытовым. В 2018 г. в него вошли профессора М.М. Леонов, Ю.Н. Смирнов, Э.Л. Дубман, Н.Н. Кабытова, М.И. Леонов, О.Б. Леонтьева, О.Б. Мозохин; ответственный секретарь Чтений доцент В.А. Тюрин, секретарь Е.В. Алексеенко. Активное участие в организации Чтений приняли студенты исторического факультета университета.

Как и для предшествующих конференций 2011–2017 гг. особенностью XXIV Всероссийских Платоновских Чтений стало увеличение количества секций. В 2018 г. к 5 работавшим в предшествующем году была добавлена секция «История внешней политики России».

Работа конференции проходила в 3 этапа:

- церемония открытия конференции – 7 декабря 2018 г.,
- заседания секций – 7 декабря 2018 г.,
- пленарное заседание – 8 декабря 2018 г.

Для участия в Чтениях были отобраны 93 доклада (из них 5 стендовых). Докладчики представляли 6 вузовских центров России: Москву (Московский государственный университет – 11 чел.), Санкт-Петербург (Санкт-Петербургский университет – 1 чел.), Саратов (Саратовский национальный исследовательский государственный университет – 4 чел.), Казань (Казанский (Приволжский) федеральный университет – 2 чел.), Пензу (Пензенский государственный университет – 3 чел.), Самару (Самарский национальный исследовательский университет, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самарский институт культуры, Самарский государственный медицинский университет, Самарский филиал Московского городского педагогического университета – 72 чел.). Всего с докладами на всех 6 секциях выступило 83 чел.

Также для внимания присутствующих было предложено 5 стендовых докладов.

Всего на заседаниях Чтений присутствовало более 120 чел.

На первой секции «Социально-экономические, внешнеполитические проблемы истории России» в состав докладчиков были включены 2 аспиранта, 1 младший научный сотрудник, 7 магистрантов и 5 бакалавров). Они представляли Московский государственный (3) и Самарский национальный исследовательский (12) университеты.

Первое место на секции за доклад «Восточное Локарно» Феликса Циеленса» присуждено аспиранту Московского государственного университета Д.В. Родину, второе место – аспиранту Самарского национального исследовательского университета В.В. Заплетину за доклад «О роли групповых интересов московских стрелцов в формировании исторической памяти конца XVII в.», третье место – студентке Самарского национального исследовательского университета А.В. Крыловой за доклад ««Бьет – значит любит»? Феномен русской жизни через призму взаимоотношений между женщинами и мужчинами в период Московского государства (XVI – XVII вв.)».

Вторая секция «Власть и общество в истории России» (15 докладчиков) объединила 3 магистрантов и 12 студентов. Из них 3 человека представлял Московский государственный, 6 – Самарский национальный исследовательский, 2 – Самарский государственный медицинский и 3 – Самарский государственный социально-педагогический университеты; 1 – Самарский институт культуры.

Первое место за доклад «Зарубежные высшие военно-научные курсы генерала Н.Н. Головина: формирование военных кадров будущей Русской армии под эгидой РОВС» присуждено студентке Самарского государственного социально-педагогического университета М.С. Герасимовой; второе место – за доклад «Провокаторство в России в начале XX в. (на примере дела Азефа)» студентке Московского государственного университета А.В. Разгребельской; третье место за доклад «Социальные практики выживания в Самаре и Самарской губернии в годы голода 1921-1922 гг.» студентке Самарского национального исследовательского университета А.И. Писаревой.

В секции «История общественной и исторической мысли, политических партий, общественных движений и организаций» прозвучало 15 докладов (5 магистрантов и 6 студентов, 4 аспиранта). Из них Самарский национальный исследовательский университет представляли 10 докладчиков, Московский государственный университет – 2, Саратовский национальный исследовательский государственный университет – 1, Казанский (Приволжский) федеральный университет – 1, Самарский государственный медицинский университет – 1.

Первое место за доклад «Не хуже, чем Романовы»: Павел Милюков и украинцы Галиции в годы Первой мировой войны» присуждено аспиранту Московского государственного университета Д.С. Парфирьеву; второе место – за доклад «Поляки в «Повести временных лет» и русские в «Хронике и деяниях польских князей» Галла Анонима» студенту Московского государственного университета И.Д. Ерофееву; третье место за доклад «Заметки об Антикоминтерновском пакте 1936 г.» магистранту Казанского (Приволжского) федерального университета Д.А. Муллаянову.

Секция «Русская культура, история этносов и повседневность», на которую было записано 15 докладов (4 магистранта и 7 студентов, 4 аспиранта), по своему составу выглядела следующим образом. Вузы Самары – 9 докладов, из них национальный исследовательский университет – 5, государственный институт культуры – 3, Самарский филиал Московского городского педагогического университета – 1. Представители других городов – 6 докладов, в том числе: Московский государственный университет – 2, Саратовский национальный исследовательский государственный университет – 2, Казанский (Приволжский) федеральный университет – 1, Пензенский государственный университет – 1.

Первое место за доклад «Благотворительные организации или частная благотворительность? Особенности российской и европейской форм благотворительности на основе деятельности А.К. Карамзиной» президиум секции присудил магистранту Московского государственного университета А.Н. Гривастовой; второе место за доклад «Национально-религиозный состав торгово-промышленных кругов Саратова по рукописи И.Я. Славина «Саратовское купечество минувшего (XIX) века»» получил магистрант Саратовского национального исследовательского государственного университета А.Ю. Мордвинов; третье место за доклад «Деятельность Московской «Комиссии по церковным и вероисповедным вопросам» в период революционных событий 1905-1906 годов» было присуждено магистранту Московского государственного университета Е.В. Негодяевой.

Пятая секция «История России в XX в.: проблемы, поиски решения» – объединила 14 докладчиков (2 аспиранта, 1 соискатель, 5 магистрантов и 6 студентов). Из них 6 докладчиков представляли Самарский национальный исследовательский университет, 2 – Саратовский национальный исследовательский государственный университет, 2 – Пензенский государственный университет, 1 – Самарский государственный социально – педагогический университет, 3 – Самарский филиал Московского городского педагогического университета.

Первое место на секции за доклад «Повседневная жизнь военнослужащих СВАГ в 1945-1949 гг.: поведенческие практики и стратегии адаптации» было присуждено магистранту Саратовского национального исследовательского государственного университета А.В. Власову, второе место – магистранту Пензенского государственного университета Н.В. Воронкиной за доклад «Размещение эвакуированного населения в Пензенской области в годы Великой Отечественной войны», третье место – магистранту Саратовского национального исследовательского государственного университета Э.Г. Савенкову за доклад «Феномен «боевого братства» на фронтах Великой Отечественной войны, на примере курсантов 2-го саратовского танкового училища».

Шестая секция «История внешней политики России» была сформирована исключительно из студентов – международников Самарского нацио-

нального исследовательского университета. Всего на ней выступило 14 человек. Первое место на секции за доклад «Военно-техническое сотрудничество между РФ и КНР» было присуждено студенту А.В. Концур, второе место студенту Д.Д. Рубакову за доклад «Установление дипломатических отношений между Бельгией и Россией (1850-1853)», третье место — студентке А.М. Ложиловой за доклад «Россия и проблемы международной безопасности, возникшие вследствие украинского кризиса».

8 декабря 2018 г. состоялось пленарное заседание XXIV Платоновских Чтений. К участникам конференции обратился председатель Оргкомитета профессор П.С. Кабытов. Он отметил высокий уровень состоявшейся конференции и необходимость дальнейшего совершенствования ее организации, расширения географии участников Чтений, повышения уровня докладов. На пленарном заседании были заслушаны доклады московских исследователей д.и.н., с.н.с. О.Б. Мазохина «Влияние И.В. Сталина на деятельность органов государственной безопасности» и к.и.н., доц. А.С. Королева «К вопросу о юридической составляющей варяжской легенды».

Затем состоялся просмотр документально-исторического фильма «Профессор С.Ф. Платонов и Самара».

Вторая часть пленарного заседания была посвящена конкурсным выступлениям соискателей, занявших первые места на своих секциях. Доклады соискателей вызвали многочисленные вопросы присутствующих, были выслушаны с большим интересом. По ряду проблем, поднятых в докладах, развернулась научная дискуссия.

Коллегией профессоров звание лауреата XXIV Всероссийских Платоновских Чтений было присуждено аспиранту Московского государственного университета Д.В. Родину за доклад ««Восточное Локарно» Феликса Циеленса».

Пленарное заседание завершилось награждением Лауреата, дипломантов и обладателей поощрительных премий, определившихся по итогам работы секций. В завершающей части пленарного заседания состоялся обмен мнениями о перспективах развития исторической науки в России, значимости проведения всероссийских форумов научной молодежи. Участники заседания выступили с предложением оказать всемерное содействие закреплению уже сложившейся традиции молодежной конференции всероссийского уровня; посчитали необходимым повысить статус предстоящих в 2019 г. юбилейных Платоновских Чтений до международного с приглашением зарубежных участников.

П.С. Кабытов, Э.Л. Дубман, М.М. Леонов, В.А. Тюрин

СЕКЦИЯ I. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РОССИИ

Е.А. Кусова

Самарский национальный исследовательский университет

«ДЛИННЫЙ ДОМ» ЭПОХИ ВИКИНГОВ КАК СИСТЕМООБРАЗУЮЩАЯ ЕДИНИЦА КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНОГО РЕГИОНА И ЕГО КУЛЬТОВАЯ ФУНКЦИЯ

В отечественной историографии отдельные стороны культурной жизни Севера не получили еще должного отражения с точки зрения их анализа как культурных феноменов. Так большой интерес представляет выявление универсальных черт культуры Северной Европы V-XI вв. н. э, отчетливо проявляющихся на скандинавском материале, однако свойственных архаической культуре в целом, а также раскрытие механизмов ее взаимодействия с соседними культурами. В связи с этим, целью данного исследования является анализ типологических особенностей длинного дома, обеспечивавшего взаимодействие человека Севера с окружающей средой.

Согласно данным археологии, традиция строительства «длинных» или «долгих домов» прослеживается на всем протяжении истории германских племен, и фактически становится важнейшим этноопределяющим фактором древнегерманской культуры. Показательно, что, несмотря на общность техники столбовой конструкции во многих районах варварской Европы, германские постройки изначально отмечены наличием вытянутых форм, контрастирующих с почти квадратными домами других культур (например, славянских) [1].

Столь подробная фиксация внимания на типе строения преследует цель демонстрации его абсолютной универсальности. В эпоху викингов скандинавы понесут эти традиции вместе с собой по всем окрестным землям. Интересный пример взаимодействия строительных технологий и мифологических представлений славян и скандинавов являют собой средневековые дома и языческие святилища Старой Ладogi, где с сер. VIII в. до начала XI в., на территории, занятой восточными славянами, проживали переселенцы из Скандинавии. Наибольший интерес для нас представляет «большой дом» с обходной галереей в западной части «раскопа 3-х Р». Е.А. Рябиным было отмечено, что традиционное для Скандинавии оформление несущих узлов «большого дома» сочетается со срубным (самонесущим) оформлением жилого помещения, характерным для славянских жилищ [2].

Можно констатировать, что самая важная часть жизни скандинава проходила именно в таком длинном доме. Так исследователями выделяются следу-

ющие культурные функции длинного дома, которые были свойственны ему в течение более чем полутора тысяч лет: жилая, хозяйственная, культовая, социально-коммуникативная, репрезентативная, эпико-креативная, военная [1]. В рамках данной работе мы сосредоточим свое внимание на культовой функции длинного дома.

Всякое усадебное владение архаической Скандинавии выполняло, в том числе, и функцию святилища, где условно все проводимые культовые обряды можно разделить на «мужскую» и «женскую» составляющие.

«Мужской» аспект культовой функции концентрировался вокруг архаической конструктивной схемы «культовое место – двор/дом – пиршественный зал» и связан в первую очередь с понятием blotveizla – «жертвенный пир». В длинном доме совершались языческие культовые обряды, тесно переплетенные с пиршественной практикой. Описание подобного пиршества более поздней эпохи с указанием конкретных объектов поклонения находим в «Саге о Хаконе Добром» [3, с. 14]. Локальность языческих культов, их личный и частный характер, автоматически делали главу семейства верховным жрецом семьи, а конунга – жрецом всего социума.

В связи с «мужской» составляющей культовой функции дома следует также сказать о том что, у жителей усадеб были свои божества и духи-покровители, в честь которых приносились жертвы и устраивались празднества. В средней части дома находилось обширное помещение, где у стены возвышалось хозяйское место, украшенное столбами с резными изображениями богов – покровителей дома, которое почиталось священным [4, с. 91].

Но помимо хозяина каждая усадьба имела также полноправную хозяйку, которая также была вовлечена в культовую деятельность. Если «мужская» функция заключалась во взаимодействии с внешним миром и социумом, то «женская» была сосредоточена скорее на помощи домочадцам, и была фактически составной частью ведения домашнего хозяйства через такие занятия как прядение и ткачество.

Так в древнескандинавской литературе считалось, что норны прядут нити жизни каждого человека, поэтому прядение стойко ассоциируется с судьбой и магией, а усердие в нем напрямую влияет на удачу всей семьи. Представления о том, что судьбу ребенка можно спрясть либо изменить или необратимо разрушить, были весьма устойчивыми. Чары не только пряли, но и влетали в полотно на ткацком станке. Самые лучшие примеры сейда (магии) этого рода встречаются в «Саге об оркнейцах», где сотканная рубаха из льна пропитывается ядом или смертоносной магией, в результате чего оркнейский ярл Харальд, надев ее, умирает. Магия ткачества могла служить и благим целям. В загадках, кольчуги нередко уподобляются волшебным одеждам, в которые при ткачестве были вложены защитные чары. Такие одеяния называли «колдовскими плащами», защищающими от любого оружия и они упоминаются в «Саге о людях с Песчаного Берега» и «Саге о людях из Озерной Долины» [5].

Таким образом, длинный древнескандинавский дом, зародившись в недрах германского общества, являясь одной из его репрезентативных черт; трансформируется и становится истинным стержневым элементом культуры Скандинавии и всего Северного региона в целом.

Библиографический список

1. Хлевов А.А. Предвестники викингов. Северная Европа в I-VIII веках. [Electronic resource]. URL: <http://www.starka.pro/predvestniki-vikingov-severnauya-evropa-v-i-viii-vekah/>
2. Рябинин Е.А. Новые данные о «больших домах» Старой Ладogi // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. СПб, 2002. С. 17–23.
3. Saga о Хаконе Добром // Круг Земной. М., 1995
4. Гуревич А.Я. Избранные труды. Древние германцы. Викинги. СПб. , 2007
5. Viking Answer Lady (Christie Ward) Women and Magic in the Sagas: Seipr and Spб [Electronic resource]. URL: <http://www.vikinganswerlady.com/seidhr>.

Ю.Р. Родионова

Самарский национальный исследовательский университет

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ЭНТОНИ ДЖЕНКИНСОНА В РОССИЮ В 1557–1560 ГГ.

В своем сближении в XVI в. Англия и Московская Русь многим обязаны путешественнику, купцу и дипломату Энтони Дженкинсону. Его отличала подвижность, необычная даже для эпохи Великих географических открытий [1, с. 226]. Сей удивительный человек имел огромный дипломатический опыт: с 1546 по 1572 гг. он посетил почти все страны Западной Европы, Средиземноморья и Ближнего Востока, побывал в Лапландии, России, Средней Азии, Персии и на Кавказе.

Опыт продолжительных путешествий и, особенно, успех в переговорах с турецким султаном Сулейманом I Великолепным в 1553 г. создали юному Энтони Дженкинсону, как в свое время и Сигизмунду Герберштейну, репутацию эксперта в вопросах восточной дипломатии, которому после этого можно было доверить посольство в малоизученную Московию. В качестве посла английских государей и агента Московской кампании Энтони Дженкинсон четырежды (с 1557 по 1572 г.) побывал в России [1, с. 226]. Особый интерес вызывает его первое путешествие (с 1557 по 1560 гг.), по которому в последствии Дженкинсон написал наиболее крупный отчет и которое определило дальнейшие торговые направления Московской компании.

В июле 1557 г. Дженкинсон прибывает во владения русского государя на борту корабля «Примроуз». 2 месяца он шел до Вологды: через Колмогоры вверх по Двине до Устюга (ныне Великий Устюг), далее по реке Сухо-

не через Тотьму. Из Вологды он вышел еще через 2 месяца и прибыл в Москву 6-го декабря. Иван IV, увлеченный идеей военного союза с Англией, при первой же встрече с Дженкинсоном оказывает ему высокие почести. Первая аудиенция с царем проходила 10 декабря, на которой Дженкинсон вручил ему привезенные грамоты от королевы. На Рождество Иван пригласил посла на обед, где также присутствовали представители других стран и народов, но из них всех Дженкинсону была оказана наибольшая честь: он сидел прямо напротив царя и получал кушанья в том числе от него самого [2, С. 77.]. А 6 января он был приглашен присутствовать вместе с царем на церемонии Крещения.

Между тем, Дженкинсон прежде всего заботится о торговых привилегиях для Московской компании. К тому же ему был поручен поиск юго-восточного сухопутного маршрута, ведущего в Индию и Китай, который в Лондоне рассматривали как альтернативу северо-восточному проходу в Тихий океан через арктические моря. 12 апреля, после очередного обеда у царя, Дженкинсон испросил дозволения царя на предположенную им экспедицию на Восток. Иван одобрил проект и, помимо своего дозволения, вручил послу «рекомендации к владетельным особам по ту сторону Каспийского моря» [3, с. 68.] или, по-другому – охранные грамоты.

Итак, весной 1558 г., имея на руках необходимые грамоты, Дженкинсон выехал из столицы. Его путь проходил по рекам Москве, Оке и Волге, во время которого он делал ценнейшие наблюдения о географии, народах, там проживающих, и, конечно же, товарах и покупательской способности населения. Так, например, он хвалит Казань, говоря, что это – «прекрасный город, построенный по русскому и татарскому образцу с крепким замком на высоком холме» [4, с. 168.]. И наоборот, «Астрахань ...на высоком берегу с замком внутри города, обнесенным земляным валом и деревянными стенами: замок ни красив, ни крепок» [4, с. 171]. Торговля там «столь малая и нищенская, что не стоило бы о ней упоминать» [4, с. 172].

Наконец, он входит в Каспийское море, с особым тщанием описывая устье Волги (вплоть до указания широт) [4, с. 172-173] и, высадившись на восточном туркменском побережье, с караваном в 1000 верблюдов в середине октября добирается до Ургенча. Там он имел успешную аудиенцию у местного правителя Али-Султана, откуда потом с полученными от него охранными грамотами отправился в Бухару, по дороге в которую пережил не одно разбойное нападение. Его знакомство с властителем Бухары было менее приятным, чем он ожидал: несмотря на все почетное обращение, Дженкинсону заплатили денежный долг в меньшем размере, к тому еще и задержав уплату.

На всем протяжении своего пути по Востоку Дженкинсон отмечает нищенскую торговлю и коварство населения. Общаюсь с местными правителями и купцами, он выведывает сведения о соседних странах, с которыми они ведут торговлю, и особенно о Китае. Но здесь его ждали неуте-

шительные выводы: дальнейший путь в Китай занял бы еще девять месяцев, но воспользоваться им не позволяет затяжная война между странами, расположенными на пути из Бухары на восток, уже 3 года как сделавшая торговлю с Китаем невозможной. Обратный путь он хотел проложить через Персию, дабы познакомиться с той страной поближе, но этому помешали многие обстоятельства: Персия вступила в войну, бухарский духовный глава (митрополит, как называет его Дженкинсон) отобрал у него русские охранные грамоты, а полученные товары в Персии не имели бы сбыта. В итоге Дженкинсон возвратился к Каспию уже известным путем, где в Ургенче к нему присоединились 4 первых посла туркменских правителей к русскому царю. 28 мая они благополучно прибыли в Астрахань [4, с. 187], а затем 2 сентября в Москву.

Э. Дженкинсон возвращается в Англию в 1560 г., застав на престоле уже не Марию Тюдор, а ее сестру Елизавету I. Составленный им отчет убеждает королеву и правление Московской компании поручить ему еще одну экспедицию на Восток.

Таким образом, первое путешествие Дженкинсона в Московию имело крупное значение для дальнейших англо-русских контактов: укрепление дружественных отношений между русской и английской коронами, открытие юго-восточного сухопутного пути в Азию по главным речным каналам государства, описание основных торговых условий, на которые в последствии опирались другие английские купцы.

Библиографический список

1. Сотин А.Б. Поиск ориентиров. восточные экспедиции Энтони Дженкинсона 1557-1572 гг. // Одиссей. Человек в истории. История как игра метафор: метафоры истории, общества и политики [гл. ред.: А.Я. Гуревич]. 2007. С. 226-249.
2. Дженкинсон А. Путешествие из Лондона в Москву // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М., 1938. С. 67-80.
3. Гамель И.Х. Англичане в России в XVI-XVII столетиях. СПб, 1863.
4. Дженкинсон А. Путешествие в Среднюю Азию // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М., 1938. С. 167-192.

А.В. Крылова

Самарский национальный исследовательский университет

«БЬЕТ – ЗНАЧИТ ЛЮБИТ»? ФЕНОМЕН РУССКОЙ ЖИЗНИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ЖЕНЩИНАМИ И МУЖЧИНАМИ В ПЕРИОД МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА (XVI–XVII ВВ.)

Кто она, русская женщина Московского государства? Как часто задаешься этим вопросом? Да, практически никогда. Кажется, что русская женщина для изучения истории Московского государства не важна. Изучение

может происходить на примере мужского населения, его численности, его социального размежевания и других аспектов их жизни. Но это абсолютно опровергаемый факт [6, с. 35]. Благодаря изучению взаимоотношений мужчин и женщин в Московском государстве, можно проследить менталитет русских людей в бытовых вещах и делах. Что скрывалось за закрытыми палатами русских людей? Что происходило за расписными ставнями и тяжелыми дверями? А что мы знаем о домашнем насилии в современном мире? А что мы знаем об этом же феномене в Московском государстве? Существовал ли вообще этот феномен или это осталось в истории только как воспоминания и пережитки первобытнообщинного строя?

Если для русского человека данная ситуация и данный факт был на слуху, он существовал в бытовой среде, то как эту же ситуацию воспримут иностранные обозреватели, которые прибывали в эти времена в русском государстве? Какая реакция будет высказана потом на страницах их записок? Одобрение или полное негодование и отрицание? Две данные проблемы, проблема русского феномена «бьет — значит любит» и восприятие ее русскими и иностранными обозревателями, будут рассмотрены в своем своеобразном переплетении фактов, понятий, теорий, суждений, для того, чтобы дать ответ на вопрос: существовал ли данный феномен в Московском государстве и насколько правильными были суждения иностранных гостей о нем.

Начиная с проблематики восприятия Московского государства иностранными обозревателями, стоит вспомнить слова историка, одного из основателей имагологического подхода, как научной методологии в отечественной истории, Василия Осиповича Ключевского. Он отмечал «ни одна европейская страна не была столько раз и так подробно описана путешественниками из западной Европы, как отдаленная лесная Московия» [2, с. 5]. Так же в своем произведении Василий Осипович отмечал насколько ценны могут быть эти сведения для изучения данного исторического промежутка. Этому высказыванию вторят все последующие авторы, которые изучали записки иностранцев о России, говоря, что «будничная обстановка жизни, повседневные явления, мимо которых без внимания проходили современники, привыкшие к ним, прежде всего останавливая на себе внимание чужого наблюдателя» [2, с. 7-8]. Но все авторы замечают, опять же ссылаясь на Ключевского, что «к сведениям иностранцев о России следует относиться с большой осторожностью, поскольку они видели лишь отдельные стороны жизни русских людей, не всегда понимали их правильно, а, иногда, и умышленно их искажали в угоду собственным религиозным воззрениям или интересам дипломатии» [7, с. 13]. Все приведенные факты свидетельствуют о том, что сведения, которые остались от иностранных послов, купцов и просто заезжих людей, имеют большое значения для изучения всей истории в совокупности, так в частности и для изучения данного периода.

Данная пословица «бьет — значит любит», не вдаваясь в аспекты этимологии и происхождения, потому что нас интересует это как феномен русской бытовой жизни, имеет под собой весомую базу поддержки, то есть существуют различные пословицы, которые доказывают, что такой феномен в русской жизни не только существовал, но и активно использовался в бытовой сфере русского человека. Исследователь русских пословиц Л.Н. Пушкарев писал, что в пословицах не только оправдывается данный факт, но и настоятельно рекомендуется мужу это делать: «Бей жену, что шубу, а люби — что душу» [5, с. 132]. Он так же в своей монографии доказывает, что «типичным для отношения крестьянина к своей жене было постоянное подчинение жены воле мужа, его авторитету, причем это рассматривалось как проявление любви к спутнице жизни: «Любить жену — держать в грозе» или «Любить жену — держать и грозу». «Гроза» — это не только угрозы, страх, это и прямые побои» [5, с. 132]. Так же в пословицах указывается с какой периодичностью это нужно делать: «Бей жену к обеду, а к ужину — опять» [5, с. 132], и категорично там заявлялось, что «Кто жены не бьет, тот и мил не живет» [5, с. 132]. «В пословице мы встречаем спокойную констатацию часто встречавшегося в быту факта: крестьянин свою жену «Любит, да и лупит», или «Обошел муж женушку дубинным корешком»... Показательно, что в народном создании оправдывались побои только жены, но ни в коем случае не матери: «Учен жену бьет, а дrochen (драчун) — матушку»» [5, с. 132-133]. Вот таким образом данный феномен отражался в сознании русского народа в пословицах, которые передавались из уст в уста, из поколения в поколение, и оставался на слуху и в бытовой среде каждого русского человека.

А что нам могут рассказать иностранные свидетельства по поводу данного исторического феномена? Стоит сказать, что сведения по данной проблематике минимальны. Это связано, в первую очередь, с тем, что иностранцы приезжали в российское государство по определенному заданию, он или посол в составе посольства, или купец. И основа их записок состояла в том, что они записывали важные для их дела аспекты, политические, торговые и другие особенности русского государства. Социальный строй, население, гендерные взаимоотношения стояли на второстепенном плане, однако привлекали внимание иностранцев, которые запечатлевали странные, «варварские» и не всегда понятные для чужеземного взгляда вещи, которые были нормой для русского общества. Именно таким необычным явлением для иностранного обозревателя стали рассказы о феномене «бьет — значит любит».

Один из иностранных послов С. Герберштейн (в России он был дважды — в 1517 и в 1526 году) рассказывает такую историю: «Есть в Москве один немецкий кузнец, который женился на русской. Прожив некоторое время с мужем, она как-то раз ласково обратилась к нему со следующими словами:

- Дражайший супруг, почему ты меня не любишь?

Муж ответил:

- Да я сильно люблю тебя.

- Но у меня нет еще, — говорит жена, — знаков любви.

Муж стал расспрашивать, каких знаков ей надобно, на что жена отвечала:

— Ты ни разу меня не ударил.

— Побои, — ответил муж, — разумеется, не казались мне знаками любви, но в этом отношении я не отстану.

Таким образом, немного спустя он весьма крепко побил ее и признался мне, что после этого жена ухаживала за ним с гораздо большей любовью. В этом занятии он упражнялся, затем очень часто и в нашу бытность в Московии сломал ей, наконец, шею и ноги» [1, с. 56].

Данная история, после того, как она вышла в «Записках» С. Герберштейна попала на страницы многих иностранных гостей, которые знакомились с данным трудом, пересказывали, дополняли, наполняли своими эмоциями и комментариями данную ситуацию. Например, Адам Олеарий, голштинский посол, пишет похожую историю, правда основываясь на других персонажах: «возможно, конечно, что некоторые из них говорили сами мужьям, ради шутки, подобные речи. Возможно также, что, действительно, был и следующий случай. Некая глупая жена, прожив довольно много времени в мире и единении со своим мужем, наконец, обратилась к нему со словами: «Ей неясно до сих пор, любит ли он ее как следует, так как она еще ни разу не получала от него побоев». После этого муж, будто бы, дал себя уговорить, показал ей свою любовь, как она того требовала, и сильно отстегал ее кнутом; так как ей это понравилось, он повторил эти побои через некоторое время, и, наконец, в третий раз, доказывая сильнейшую любовь свою, засек ее до смерти. Рассказывают этот случай про некоего — как говорят, итальянца — Иордана» [4, с. 200–201]. Еще один иностранец, находившийся на службе у царя Алексея Романова, а именно Самуэль Коллинз, рассказывает еще один интереснейший эпизод бытовой русской жизни: «русские обходятся с женами жестоко и держат их в строгом повиновении; но прежде они обращались с ними еще бесчеловечнее, нежели теперь. Года три или четыре тому назад один купец бил жену свою до тех пор, пока мог, плетью пальца в два толщины; наконец заставил ее надеть платье, напитанное водкой, три или четыре раза перегнанной, зажег его, и таким образом несчастная погибла в пламени. Без сомнения, этого злодея скорее назвать можно чудовищем, нежели человеком; такие изверги рождаются от тигриц, а не от женщин, и он никак не заслуживает имени человека доброго и мудрого» [3, с. 83]. Вот так резко и очень четко очерчивает свою позицию по данной ситуации С. Коллинз.

А как то оправдывается или объясняется данный феномен в русской истории или в записках иностранцев? Как вообще данное действие можно оправдать? В отечественной историографии пытались дать ответ на данный

вопрос. «Право мужчин на избивание своих жен закреплялось не только в общественных нормах станиц, но и на уровне традиций и даже обрядов. Так, у черноморских казаков, например, существовал обычай, когда во время свадьбы новоиспеченный супруг ради наглядного выражения своей власти над молодой женой бил ее по спине три раза плетью. Аналогично у линейных казаков в день свадьбы было принято дарение плетки отцом невесты жениху»[9, с. 120]. Историк Н.И. Костомаров отмечал, что в старину на Руси плеть была неразлучной спутницей супруга, священным символом брака. Это лишний раз говорит о том, что обычай избивания жен мужьями не был сугубо кубанским или казачьим — корни этого обычая лежали в древнеславянских традициях, а так же в особенностях социально-культурного развития общества в исследуемый период. Причинами избивания могли послужить не только измена женщины, но и другие факторы [8, с. 89]. Как отмечал дореволюционный исследователь П. Близиюков: «Муж бьет жену из ревности, либо с намерением научить добру, либо под пьяную руку. Последний случай жена извиняет; к побоям второго рода относится с уважением; побои же первого рода доставляют ей даже некоторое приятное чувство самообольщения. Приняв их, она не прочь даже и прихвастнуть перед своими подругами»[9, с. 121].

А как заезжий иностранец мог объяснить данное явление русской жизни? Как ему стоило это воспринять и понять? На данные вопросы пытался ответить А. Олеарий. «Если [между мужем и женою] у них часто возникают недовольство и драки, то причину являются иногда непристойные и бранные слова, с которыми жена обращается к мужу: ведь они очень скоры на такие слова. Иногда же причиной является то, что жены напиваются чаще мужей или же навлекают на себя подозрительность мужа чрезмерною любовью к чужим мужьям и парням. Очень часто все эти три причины встречаются у русских женщин одновременно. Когда, вследствие этих причин, жена бывает сильно прибита кнутом или палкою, она не придает этому большого значения, так как сознает свою вину и, к тому же, видит, что отличающиеся теми же пороками ее соседки и сестры испытывают не лучшее обращение»[4, с. 199].

Еще одну причину данного феномена он видит в данной ситуации: «Обыкновенно, все сколько-нибудь знатные люди воспитывают дочерей своих в закрытых покоях, скрывают их от людей, и жених видит невесту не раньше, как получив ее к себе в брачный покой. Поэтому много обманывают и, вместо красивой невесты, дают ему безобразную и большую, иногда же, вместо дочери, какую-либо подругу ее или даже служанку. Там известны такие примеры у высоких лиц, и поэтому нельзя удивляется, что часто муж и жена живут как кошка с собакой, и битье жен в России вещь обычная»[4, с. 198].

И Олеарий, подводя итог, собранным им данным высказывается так о данной ситуации и данном феномене русской жизни: «Чтобы, однако, рус-

ские жены в частом битье и бичевании усматривали сердечную любовь, а в отсутствии их — нелюбовь и нерасположение мужей к себе, как об этом сообщают некоторые писатели по «русской хронике» Петрея — этого мне не привелось узнать, да и не могу я себе представить, чтобы они любили то, чего отвращается природа и всякая тварь, и чтобы считали за признак любви то, что является знаком гнева и вражды. Известная поговорка: «Побои не вызывают дружбы», на мой взгляд, справедлива и для них»[4, с. 200].

Подводя итог, стоит сказать, что по тем данным, которые у нас имеются, такой феномен, который выражался через поговорку «бьет — значит любит», существовал в Московском государстве, но не как нечто необыкновенное и чудесное, а как обыденность и воспринималась совсем иначе, нежели воспринимали его иностранцы. Они на страницах своих записок увозили с собой на родину образ варварской и деспотичной бытовой жизни в русском государстве, где женщин днями и ночами бьют плетьюми и издеваются над ними. Именно такое впечатление от этого феномена увозят «немцы», подкрепляя стереотипное мнение о варварской Руси с медведями, водкой и балалайкой, унижительным положением женщин. Но вскоре откроется новая страница истории и Россия перейдет на совершенной новый уровень, войдет в эпоху Петра Великого.

Библиографический список

1. Записки о Московии барона Герберштейна / Пер. с лат. И. Анонимов. СПб., 1886.
2. Ключевский В.О. Сказание иностранцев о Московском государстве. М., 1866.
3. Нынешнее состояние России, изложенное в письме другу, живущему в Лондоне. Сочинение Самуэля Коллинса, который девять лет провел при дворе московском и был врачом царя Алексея Михайловича 1667 г. // Утверждение династии. М., 1997.
4. Олеарий А. Описание путешествия в Московию / Пер. с нем. А.М. Ловягина. Смоленск, 2003.
5. Пушкарев Л.Н. Духовный мир русского крестьянина по поговоркам XVII–XVIII вв. М., 1994.
6. Пушкарева Н.Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X — начало XIX в.). М., 1997.
7. Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия / под. ред. Голубева А.В. М., 2000.
8. Цатурова М.К. Три века русского развода (XVI–XVIII века). М., 2011.
9. Цыбулькиова А.А. Бьет — значит любит? (о практике избиения жен в кубанских казачьих семьях в XIX веке). // Материалы Третьей международной научной конференции Российской ассоциацией исследователей женской истории и Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 1 — 3 ноября 2010 года, Череповец. М., 2010.

**О РОЛИ ГРУППОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ МОСКОВСКИХ СРЕЛЬЦОВ
В ФОРМИРОВАНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ КОНЦА XVII В.**

В 80-е годы XX в. в гуманитарном знании обозначился особый интерес к исследованиям «исторической памяти». Принимая во внимание дискуссионность и многоаспектность проблемы, будем рассматривать историческую память как ментальную способность (индивида, группы, социума), специфический способ фиксации/сохранения и трансляции знания о прошлом, отображающий реально существующие социальные, политические и идеологические потребности общества и отдельных его групп в определении своей исторической перспективы. Полагаем при этом, что историческая память «проецируется» историческим сознанием и историческим знанием [2, с. 15,24; 12, с. 12; 13, с. 9], а ее системообразующим элементом выступает коллективная идентичность [17, с. 509] — образ, создаваемый группой в процессе воображения себя самой, с которым она себя идентифицирует. Целью нашего рассмотрения является уяснение роли групповых представлений московских стрельцов в формировании исторической памяти конца XVII в.

Прошлое, как и представления о нем, являются важнейшими факторами самоидентификации, выражения групповых интересов. Следуя за Б. Малиновским [10, с. 436], С. Московичи [19, с. 219], Л.С. Выготским [4, с. 20], И.М. Савельевой, А.В. Полетаевым [14, с. 27] мы рассматриваем групповые представления как совокупность представлений о социально значимых событиях, явлениях идеологов-экспертов группы и остальных членов группы, усвоенных последними в процессе повседневного обмена и взаимодействия, признавая при этом, что «общественное мнение» группы основывается на «групповом духе», который изначально определяем по своему содержанию, ценностям, целям, направлению «небольшим числом», «элитой» и действует «сверху вниз» в отличие от действия «снизу вверх» безличностной «групповой души» — коллективного субъекта деятельности (М. Шелер) [16, с. 350-351]. Внутреннее соответствие когнитивных систем групповых индивидов и межличностных отношений в устойчивом групповом общении обеспечивается вариативными моделями группового влияния — нормативным («давление») и информационным («убеждение») [18]. Полагаем, именно в этом контексте следует рассматривать «приводные ремни» социальных конфликтов конца XVII в. с участием московских стрельческих приказов.

Методологическими основаниями анализа групповых представлений московских стрельцов в конце XVII в. являются: понимание социальной установки как психологического переживания индивидом ценности, смыс-

ла социального объекта [21]; и принятие привычных канонов мышления и действий индивидов и социальных групп как результата формирования социальных стереотипов – устойчивых упрощенных образов – схем социальных явлений, процессов, объектов [9, с. 93-162]. Опираясь на знание закономерностей интериоризации и экстериоризации, обращаясь к документальным источникам и усваивая высказывания, признания, логику социального поведения заводчиков стрельцких восстаний и стрельцкой массы, мы обретаем основания для выводов о динамике психических состояний, установок, индивидуальных и групповых ценностей, смыслов и целей. Отметим, смена концептов коллективной идентичности московских стрельцов происходила именно в рамках интериоризации – через осознание постепенной утраты привилегированного положения и ухудшение условий жизни на смену социальной установке «стрельцы – опора царского трона» приходит дефиниция-самоидентификация «стрельцы – хранители благочестия» [6, с. 39].

Важным фактором консолидации группы является обращение к ее прошлому [1, с. 27-28]. Акцентируя те или иные события прошлого, группа, чаще в лице своих лидеров, выражает групповые интересы и формулирует сегодняшние задачи [14, с. 33]. Так, в «черной челобитной Петру I» десятичника В. Зорина нетрудно обнаружить и объединяющую метафору: «Служили мы, холопы твои...», и выражение группового интереса – стремление облегчить тяготы службы и сохранить социально-статусное качество привилегированного воинства; и постановку нынешних задач – оказаться в Москве для возмущения народа к бунту против «испровержения веры и благочестия» [6, с. 39-40], против реформ Петра.

О содержании групповых представлений московских стрельцов в конце XVII в. свидетельствуют источники и документы стрельцких восстаний 1682 и 1698 гг., признания заводчиков и идеологов восстаний, а также логика их действий, подтверждающие динамику специфического группового интереса.

В восстании 1682 г. московские стрельцы выступили как вполне сформировавшаяся социальная сила, движимая стремлением ослабить гнет, добиться льгот и послаблений от царского дома, наказать виновных в своих бедах «начальных» людей. Это выступление не было антифеодальным и антикрепостническим, поскольку стрельцы не обозначили идейные позиции и политические требования об изменении характера и формы власти, отношений собственности. Их участие в споре о вере явилось конъюнктурным фрагментом движения за «законность» и «справедливость». Стрельцы стремились провести «во власть» «добрых» бояр, защитить от «измены» престол, упрочить свое положение, привилегии и вернуться к «естественному состоянию» верных и покорных слуг трона, праведные деяния коих должны были быть увековечены в исторической/социальной памяти особым «местом памяти» – столбом на Красной площади и жалованными грамотами о привилегиях [5, с. 36-39]. Групповые представления стрельцов

оказались обиденными представлениями группы, отобразившими ее социальный интерес, но вне идеологического осознания и политического оформления.

При изучении документов восстания 1698 г., руководствуясь принципами историзма [15, с. 18], мы обнаруживаем, что в новых исторических условиях московские стрельцы обретают видение самое себя как уходящей исторической реальности и предпринимают отчаянную попытку сопротивления царю – реформатору. Исследовав ранее «черную челобитную Петру I» десятника стрелецкого полка В. Зорина в контексте соответствия документа жанровой форме «открытого письма» конца XVII в. [7, с. 32-39], мы пришли к выводу о смене концептов коллективной (групповой) идентичности московских стрельцов в период с 1682 по 1698 гг. Из «опоры царского трона» по мере осознания усиливающейся угрозы групповому интересу стрельцы превращаются в противников Петра, присваивая роль «хранителей благочестия». Протест стрельцов получает идеологическое оформление в «бунташном» манифесте, коим становится «черная челобитная» стрельца Василия Зорина [8, с. 18]. Анализ «расспросных речей» в ходе розыска [6] свидетельствует о появлении «общественного мнения» группы, основанного на «групповом духе» (М. Шеллер) [16, с. 350-351], определяемом заводчиками восстания (В. Тума, Б. Проскуряков, А. Маслов, В. Игнатьев, И. Ключкин, Я. Алексеев и др.) и, в первую очередь, претендующим на роль идеолога десятником В. Зориным. В изменении концептов коллективной идентичности нашел отражение процесс осознания и выбора социальной группой своего «общественного проекта» – смена правителя и сохранение стрельцов в составе Московского государства.

Отметим существенность групповых представлений московских стрельцов в концептуализации исторической памяти конца XVII в., ее обусловленность особой ролью московских стрелецких приказов на протяжении 150 лет в формировании Русского государства. Этой существенностью объясняется жестокость стрелецкого розыска 1698-1700 гг. Приказ Петра об установлении около могил казненных четырехгранных каменных столбов с табличками перечислений «преступлений» стрельцов [3, с. 406], увековечивал страшную историю конца воспротивившегося «стрелецкого чина» и создавал концепт социальной/ исторической памяти.

Библиографический список

1. Арнаутова Ю.Е. Метод: «тотальный социальный феномен» и объект исследования // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени / Ред. Л.П. Репина. М., 2003.
2. Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1987.
3. Буганов В.И. Московские восстания конца XVII века. М., 1969.
4. Выготский Л.С. Психология искусства [1965]. М., 1987.
5. Восстание в Москве 1682 года. Сборник документов. М., 1976.
6. Восстание московских стрельцов 1698 г. (Материалы следственного дела). Сборник докум. / [сост. А.Н. Казакевич, под ред. В.И. Буганова]. М., 1980.

7. Заплетин В.В. «Открытое письмо» В. Зорина: проблема создания мифа о стрельцах/ В.В. Заплетин// Самарский земский сборник. 2016. №1(26).
8. Заплетин В. Об идеологической функции «открытого письма» десятника В. Зорина в событиях стрелецкого восстания 1698 г.// Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2017. Том 23. №1.1.
9. Липпман У. Общественное мнение [1922]/ Пер. с англ. М., 2002.
10. Малиновский Б. Балом: духи мертвых на Тробрианских островах [1916] // Малиновский Б. Избранное: Динамика культуры/ Пер. с англ. М., 2004.
11. Московичи С. От коллективных представлений — к социальным [1989] // Вопросы социологии. 1992. № 2.
12. Репина Л.П. Память истории и историческое сознание в фокусе категориального анализа М.А. Барга // Харьковский историографический сборник. 2015. Вып. 14.
13. Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) [1999] // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории, 2001. Вып.7.
14. Савельева И.М., Полетаев А.В. Социальные представления о прошлом: типы и механизмы формирования. Препринт WP6/2004/07. М., 2004.
15. Тош Дж. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка/ Пер. с англ. М., 2000.
16. Шелер М. Социология знания [1926] // Теоретическая социология: Антология / Сост. С.П. Баньковская. Ч.1. М.,2002.
17. Шенк Ф.Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой(1263-2000)/ Авториз. пер. с нем. Е. Земсковой и М. Лавринович. М., 2007.
18. Deutsch M., Gerard H. A study of normative and informational social influences upon individual judgment. // J. Abn. Soc. Psychol. 1955. V.51.
19. Moscovici S. Notes Towards a Description of Social Representations // European Journal of Social Psychology.1988.V.18. №3.
20. Moscovici S. Answers and Questions // Journal for the Theory of Social Behaviour, 1987.V.17. № 4.
21. Thomas W., Znaniecki F. The Polish Peasant in Europe and America. 2 vols. Chicago: University of Chicago Press, 1918–1921.

Е.С. Кирьякова

Самарский национальный исследовательский университет

ИНОСТРАННЫЕ УЧИТЕЛЯ ПЕТРА I В КОНЦЕ XVII ВЕКА

Многие историки высоко оценивают внешнюю и внутреннюю политику Петра I в первой четверти XVIII в., отдавая ей предпочтение как наиболее плодотворному периоду его пребывания на российском престоле. В связи с этим становлению его личности в конце XVII в. посвящено значительно меньшее число исторических трудов.

Статья опирается на работы отечественных дореволюционных историков (Н.Г. Устрялова [10], С.М. Соловьева [9], М.М. Богословского [1], С.А. Князькова [4]), советских (В.И. Буганова [2], Н.И. Павленко [7], Я.Е. Водарского [3]), а также современных (В.П. Наумова [6], В.А. Ярхо [12], И.Н. Юркина [11]). Значительное внимание уделил данной проблеме американский историк XX в. Р. Масси [5]. Источниковедческая база работы основана на личной переписке и учебных тетрадях Петра I [8].

Известно, что развитие личности во многом подчиняется внешним условиям, из которых главное – это близкие люди, живое окружение [9, с. 421]. В связи с этим большое значение имеет переход человека из узкого замкнутого круга в более многочисленное общество [9, с. 424]. И юный Петр I сумел преодолеть границы тесного круга и обрести друзей и наставников в лице иноземцев.

По мнению историков, первым иноземным учителем Петра стал шотландец П. Менезий, человек образованный, знаток многих языков, объездивший Европу. Он был назначен Алексеем Михайловичем воспитателем царевича [4, с. 5]. При регентстве Софьи П. Менезия от воспитания царевича отставили, услав служить в Смоленск [12, с. 180].

Первый иноземец, которого Петр сам себе избрал в наставники, был голландец Ф. Тиммерман, представленный царю как единственный человек в Москве, умеющий объяснить, как работать с астролябией. Науку Петру пришлось начать с изучения первых четырех правил арифметики. По учебным тетрадям Петрам видно, как он использовал арифметические правила, как познавал основы геометрии и фортификации [8, с. 1-9]. Ф. Тиммерман оказался неважным учителем: он сам делал ошибки, его способности и математические знания были довольно ограничены [10, с. 120], но Петр не давал ему покоя, сидел днями за писаньем, счетом [4, с. 15]. Ф. Тиммерман в течение ряда лет был при царе безотлучно. «Сей Франц, – пишет Петр, – чрез сей случай стал при дворе быть беспрестанно и в компаниях с нами» [4, с. 16].

Через Ф. Тиммермана государь познакомился с голландцем К. Брантом, занимавшимся в Немецкой слободе столярным делом. К. Брант взялся отремонтировать ботик, поставить паруса и обучить управлению им юного государя [7, с. 9]. Петр впервые управлял иноземным ботом благодаря помощи иностранца, починившего и оснастившего судно [4, с. 16]. Вероятно, при содействии Франца Петр также узнал инженерного офицера Корта. Оба иноземца стали первыми учителями Петра в кораблестроении [10, с. 121].

Для серьезных военных игр Петру требовались советы профессионалов, юноше было не под силу строить и бомбардировать крепости самостоятельно [5, с. 118]. Учителем Петра в гранатном и огнестрельном деле с 1684 года был иноземец Ф. Зоммер [2, с. 13]. Уже 30 мая 1683 г., в день рождения государя, произведена была «потешная огнестрельная борьба», за ко-

тору ю капитан Ф. Зоммер и действовавшие под его руководством русские мастера и ученики получили награды [1, с. 58]. С тех пор имя этого специалиста постоянно упоминается в документах. В 1686 г. четырнадцатилетний царь завел под его руководством при своем потешном войске настоящую артиллерию [6, с. 20]. В Преображенском был построен «потешный городок» – крепость, укрепленная по всем правилам науки тем же Ф. Зоммером [4, с. 14].

Значительное влияние на царя оказывал обрусевший голландец А.А. Виниус. Об их приятельских отношениях свидетельствует форма их общения в письмах. Известно, что в компании Петра было принято товарищеское обращение, в том числе и к царю – «бомбардиру Петру Михайлову». На этом Петр постоянно настаивал и за несоблюдение чего строго выговаривал. В одном из таких писем от 19 мая 1695 г. к А. Виниусу государь подписывается «Vombordir Peter» [3, с. 31]. Свое воспитание А. Виниус получал в окружении русских людей, но при этом сумел сохранить связи со своей коренной культурой [11, с. 207]. О личных его контактах с Петром можно говорить с лета 1693 г., когда А. Виниус сопровождал правителя в поездке в Архангельск [11, с. 209]. Вскоре юный царь заметил в голландце разностороннюю личность, сведующую в вопросах горнозаводских, корабельных и даже филологических [11, с. 208]. С его помощью Петр выписывал из-за границы инструменты, получал переводы голландских книг [10, с. 126]. Гармонично согласованная двойственность А. Виниуса сыграла определяющую роль при передаче Петру голландского культурного опыта, который жадно впитывал юный царь [11, с. 209].

Таким образом, пестрая смесь различных наций, языков, образования и талантов сложилась вокруг Петра I в виде иноземной компании наставников. Каждый из них в разной степени повлиял на формирование личности юного царя и его образование в той или иной научной и практической сфере. Однако все они достигли расположения государя и заложили фундамент для дальнейшего развития дружественных отношений Петра к иностранцам.

Библиографический список

1. Богословский М.М. Петр I: Материалы для биографии. Т. I. М., 1941.
2. Буганов В. И. Пётр Великий и его время. М., 1989.
3. Водарский Я.Е. Петр I // Вопросы истории. 1993. №6.
4. Князьков С.А. Очерки из истории Петра Великого и его времени. М., 1909.
5. Масси Р. Петр Великий. Т. I. Смоленск, 1996.
6. Наумов В.П. Повседневная жизнь Петра Великого и его сподвижников. М., 2010.
7. Павленко Н.И. Петр Первый и его время. М., 1989.
8. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. I. СПб., 1887.
9. Соловьев С.М. Из «Истории России с древнейших времен» // Чтения и рассказы по истории России / Под ред. С.С. Дмитриева. М., 1989.

10. Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. II. СПб., 1858.
11. Юркин И.Н. А.А. Виниус и Петр, еще не великий // Материалы V Международного петровского конгресса «Россия – Нидерланды: диалог культур в европейском пространстве». СПб., 2013.
12. Ярхо В.А. Иноземцы на русской службе. М., 2015.

Р.Д. Евлоева

Московский государственный университет

РОССИЯ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: СТАНОВЛЕНИЕ РУССКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КОНЦЕ XVII – НАЧАЛЕ XIX ВВ.

Отношения России с Соединенными Штатами Америки имеют достаточно глубокие исторические корни, которые восходят ко времени возникновения английских колоний в Северной Америке – ко второй половине XVIII века. К 1780 году колонизацию Аляски осуществляли две частные купеческие компании: Шелихова-Голикова и Лебедева-Ласточкина, покинувшая к 1798 г. Америку, потерпев поражение в конкурентной борьбе. Следовательно, создание монопольной акционерной Российско-Американской компании (РАК) в 1799 г. лишь юридически оформило существующее положение: гегемонию конгломерата компаний, принадлежавших наследникам умершего в 1795 г. И. Шелихова и его бывшего компаньона И.Л. Голикова. Для осуществления своих начинаний Шелихов просил у казны финансовую помощь в размере 500 000 рублей, а также просил запретить иностранным предпринимателям вести торгово-промысловую деятельность на территории Русской Америки. Это были типичные требования, которые предъявлялись в странах Европы [1, с.14].

К началу XIX века стараниями первопроходцев-мореплавателей и промышленников была основана «Русская Америка» – далекие владения Российской Империи на Американском континенте. Особый вклад внесла вторая экспедиция Беринга, участник которой, А. Чириков, не только достиг северо-западного побережья Америки, но и совершил большое путешествие вдоль американских берегов, результатом которой было создание карты континента [5, с.187]. Административным центром Русской Америки являлся основанный в 1804 году Новоархангельск [ныне – Ситха], расположенный на острове Баранова. «По островам и северо-западному побережью был разбросан еще целый ряд поселений, представлявших собой небольшие крепости, редуты, а иногда и просто одиночные зимовья» [6, с.273].

Территория Русской Америки находилась под управлением РАК, поэтому царское правительство надеялось использовать компанию в качестве прикрытия для проведения своей политики, что удавалось лишь отчасти. Деятельность компании осуществлялась под строгим правительственным

контролем [административно компания входила в систему министерства финансов], но по многим вопросам между РАК и российским правительствам возникали серьезные разногласия.

Устав РАК многое заимствовал от французской Вест-Индской, Ново-французской и Гудзонбайской компаний. Но уникальным было то, что РАК получала и функции казенного управления, т. е. замещала собой государство. Так, важным изменением стало переведение в 1801 году главного управления из Иркутска в столицу — для удобства в решении возникающих вопросов. Теперь директора РАК находились в Петербурге, а управляющие — в Америке.

С 1800 г. действовали 4 директора РАК, которые избирались на общем собрании акционеров РАК. Акционером считался человек, имеющий не менее 10 акций, а директором мог стать человек, имеющий не менее 25 акций. Стоимость одной акции первоначально была 1000 рублей, поэтому акционеры были клубом весьма состоятельных людей [1, с. 34]. Позже, в компанию в качестве акционеров вступили император, члены царской фамилии, ряд важных сановников. Следовательно, она приобрела черты полугосударственной монополии: в 1804 г. был даже образован специальный временный комитет РАК для решения политических вопросов, которые не подлежали огласке. В нем состояли три акционера компании, причем один из них не избирался, а был назначенцем Министерства иностранных дел.

С начала XIX в. деятельность Российско-Американской компании осложнилась борьбой с английскими и американскими предпринимателями, вооружавшими туземцев для борьбы против русских и стремившимися ликвидировать русские поселения в Америке. Среди граждан были русские и коренные жители этих земель — племена алеутов и тлинкитов, между которыми иногда случались конфликты. Несколько воинов-тлинкитов отвергли российские порядки и в 1802 году захватили Новоархангельск. Они вырезали население и захватили контроль над инфраструктурой города [3, с.311]. России удалось вернуть его лишь спустя два года с помощью алеутов. События 1804 года известны как «Битва при Ситхе» и стали крупнейшим в истории Русской Америки военным конфликтом между россиянами и коренными жителями Аляски.

Русские поселения в Северной Америке со временем выросли, достигнув территорий за пределами Аляски. Они охватывали земли современных штатов Вашингтон, Орегон и Калифорния. Однако дивидендов от работы компании не было: к 1866 г. РАК задолжала министерству финансов 725 тыс. руб. [4, с.183] В правительственных кругах начались разговоры о том, что продажа Русской Америки помогла бы пополнить казну и вместе с тем избавила бы от уязвимой и нерентабельной колонии, которая, так или иначе, отошла бы к Соединённым Штатам [4, с.183].

Хотя в современной российской историографии имеются различные мнения относительно перспектив освоения Аляски и правомочности ее

продажи, приходится признать, что проект Русской Америки был обречен. Из-за слабого развития российского флота и дальних расстояний, Аляска уже скоро попала в зависимость от снабжения иностранных компаний и предпринимателей, защищаться самостоятельно Русская Америка даже от индейцев далеко не всегда могла эффективно, число колонистов почти не росло.

Библиографический список

1. Алексеев А. И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки: До конца XIX века. Отв. ред. А. П. Окладников. М., 1982.
2. Болховитинов Н. Н. Россия открывает Америку (1732—1799). М. 1991.
3. Болховитинов Н. Н. Становление русско-американских отношений. 1775-1815, М., 1966.
4. Болховитинов Н. Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски (1834—1867), М. 1990.
5. Ефимов А.В. Из истории великих русских географических открытий. М., 1949.
6. История внешней политики России. Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). М., 1999.

М.В. Чайкина

Самарский национальный исследовательский университет

О ВАЖНОСТИ ПОЧТОВОГО СООБЩЕНИЯ В РОССИИ В XVII ВЕКЕ

С середины XVII века в России стали наблюдаться абсолютно новые экономические явления. Важнейшим из них стало становление единого всероссийского рынка со своей специализацией районов, а появление мануфактур и рост динамично развивающегося мелкого товарного производства и денежного обращения значительно повышали роль купечества. Именно купечество остро нуждалось в улучшении средств коммуникации как между отдельными районами страны, так и с западными государствами. Внешнеполитическая ситуация России на тот момент точно так же диктовала необходимость в регулярном и стабильном средстве международной связи. Только А.Л. Ордин-Нащокин, глава Посольского приказа, «царственные большие печати и государственных великих посольских дел сберегатель», [3, с. 39] осознал истинный масштаб востребованности доступного сообщения. Именно он убедил царя Алексея Михайловича создать регулярную почтовую связь, которая появилась в России в 60-е годы XVII века.

А.Л. Ордин-Нащокин уделял большое внимание информированности государственных лиц. Для того, чтобы всегда иметь представление об общеевропейской политике, Афанасий Лаврентьевич улучшил составление рукописных газет — «курантов», а для наиболее быстрой и регулярной дос-

тавки зарубежных газет, на основе которых создавались куранты, была учреждена почтовая линия от Москвы до Пскова.

В 1865г. А.Л. Ордин-Нащокин предложил организовать регулярную почтовую линию между Москвой и Ригой, что послужило стартом для информационной интеграции между странами: корреспонденция шла из Москвы до Риги, оттуда почтмейстер отправлял ее в Мемель, а дальше сообщения доставлялись в другие европейские города уже с бранденбургской почтой. С появлением данного канала связи куранты из Голландии стали идти в Москву на 18 дней быстрее, что значительно ускорило информационный обмен между странами [4, с. 70-72].

В 1667 г. завершилась Русско-польская война, и 30 января в Андрусово было заключено перемирие между Россией и Польшей. Стоит отметить статью, включенную в договор по инициативе Афанасия Лаврентьевича: «При том и то постановили есмы, понеже много надлежит обоим государствам нашим в скорой и частой меж собою обсылке для ведомости через грамоты в скорых приключаящихся делех государских...а наипаче для приумножения торговых обоим тем великим государствам пожитков, и с тех причин согласно договорили и постановили есмы, чтобы через почту таковы обсылки, скорейшей, нежели через гонцов, как прежде сего с великой мешкотю бывало...деялись» [1, с.103].

Рижская почтовая линия не удовлетворяла в полной мере требованиям договора: в Варшаву корреспонденция попадала круглым путем — шла через Кенигсберг. Именно поэтому в 1669 году начинает работать новая почтовая линия: Москва—Вильно.

Важным было установить почтовое сообщение между Москвой и портом Архангельском — одним из наиболее значимых центров зарубежной оптовой торговли. Из-за отсутствия системы сообщений Архангельска с внутренним рынком информация о колебании цен часто приходила с значительными задержками, что ощутимо сказывалось на доходах русских купцов. А.Л. Ордин-Нащокин неоднократно ходатайствовал о создании новой почтовой линии, однако все предложения были отклонены [9,5, с. 100].

Афанасий Лаврентьевич порекомендовал Л. П. Марселиусу, переводчику Посольского приказа, обратиться к царю с аналогичным предложением, суть которого заключалась в том, что в судоходный период с 1 мая по 1 октября из Архангельска в Москву и обратно еженедельно будет поступать как государственная, так и частная корреспонденция. Однако торговые люди могли отправлять письма не бесплатно, но за приемлемую цену [9, с. 137-139]. Тем не менее Л. П. Марселиусу так же отказали в ходатайстве.

Однако данный проект был реализован спустя 24 года. На основе писем А. Л. Ордин-Нащокина и Л.П.Марселиуса воссоздали линию скорой гоньбы к Белому морю. Именно это дало основание А.А.Виниусу, московскому почтмейстеру в 1696 г., сказать, что архангельская почтовая линия была создана «по завету и наказу блаженные памяти боярина Афанасия Лаврентьевича Ордин-Нащокина» [2, с. 140].

Установление в России стабильного почтового сообщения стало огромным шагом для экономической и политической интеграции. Теперь в европейские города и обратно каждую неделю отпускалась почта, появилась пересылка частной корреспонденции, что являлось востребованным для торговых людей, и что в итоге послужило рычагом для развития экономики и международной торговли [1, 101].

Создание регулярного почтового сообщения сыграло свою роль и в политической интеграции страны. До начала 18 века Россия не имела никаких дипломатических представительств за границей. Создание международных почтовых путей приняло на себя функцию ведения дипломатических переговоров, так как государственная корреспонденция, предназначенная в том числе для глав других государств, шла по созданным почтовым линиям [3, с. 50].

Библиографический список

1. Вигилёв А. Н. История отечественной почты. М., 1990.
2. Козловский И. П. Первые почты и первые почтмейстеры Московского государства. Варшава., 1913.
3. Рогожин Н. М. Посольский приказ. Колыбель российской дипломатии. М., 2003
4. Ингрид Майейр. Вести-куранты. 1656 г., 1660-1662 гг., 1664-1670 гг.: Иностранные оригиналы с русскими текстами. Ч. 2. М., 2008.

Ю.Е. Ревуцкая

Самарский национальный исследовательский университет

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙЦЫ ГЛАЗАМИ РУССКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ ЭПОХИ ПЕТРА I

До XVI века западноевропейцы, как и русские люди обладали недостаточной степенью осведомленности о друг друге что способствовало распространению определенных и достаточно устойчивых взглядов на образ жизни друг друга, которые зачастую не соответствовали действительности. Высокомерное отношение иностранцев к русским порождало соответствующее отношение и к иностранным гостям. Русские называли их «еретиками, папежами, люторами и кальвинами», и предрекали им гибель в «геенне огненной» [1, с. 212]. В. О. Ключевский, в своих «Сказаниях...», говорит нам, что иностранцы опасались ехать в Россию: «русский резидент, подыскивая деловых людей для Петра I, говорил, что европейцы боятся ехать в Россию, т.к. эта страна «находится на краю света» и «с индиями граничит» [2, с. 21]. Но, не смотря на «боязнь», европейцы с завидной регулярностью посещали русские земли и составляли путевые заметки о своих путешествиях по России.

А что же русский человек говорил об иностранцах? Как воспринимал их образ жизни и мироустройство? Петровское время позволило русскому человеку увидеть западноевропейца с различных сторон. Посмотреть на жизнь не только со стороны дипломатических отношений, но и обыденной жизни. Увидеть уклад жизни среднестатистического европейца, его отношение к действительности, его мироощущения. Сравнить обычаи и традиции, составить свое мнение о людях, живущих за границей, сравнить их поведение дома и на чужбине, и даже, транспонировать их быт на русскую действительность.

Путевые записки о путешествии в Европу, составленные Борисом Петровичем Шереметевым, фельдмаршалом, дипломатом эпохи Петра I представляют интерес тем, что они написаны от лица человека делящегося своими личными впечатлениями от увиденного и посетившего только ему интересные места. Борис Петрович Шереметев путешествовал более полутора лет с июля 1697-го по февраль 1699-го, истратив на это 20500 рублей — огромную сумму по тем временам. Официально не облеченный полномочиями, он проехал через Польшу, побывал в Вене, Италии, осмотрел Рим, Венецию, Сицилию и Мальту. Вместе с молодым чиновником Алексеем Курбатовым Борис Петрович на протяжении всего своего пути писал путевые заметки, где подробно рассказывал о западных городах, об оказанном приеме, заостря внимание казалось бы на незначительных вещах, но которые очень хорошо характеризовали отношение к русским путешественникам (на венецианском приеме его поразили конфеты на «ста осьмидесяти блюдах» и 60 сортов вина). В «Записках...» мы не найдем строгих отчетов о приемах и переговорах. Перед читателем предстают лишь рассуждения об аудиенциях, которые он имел при западноевропейских королевских дворах. Есть упоминания о многочисленных дарах, которыми он обменивался, и суммы которые при этом были потрачены.

Путевые записки несут в себе личную окраску по отношению к европейцам, например, Шереметев всегда хорошо относился к польскому дворянству, знал и язык, и обычаи. В «Записках...» поляки предстают добродушными, любвеобильными людьми, хорошо относящимися к русским, готовыми принимать и оказывать почести русским путешественникам. Расположенная в «Записках...» гравюра о приеме у польского государя подчеркивает стремление Шереметева походить на европейца. Из гравюры видно, что уже, будучи в Польше Шереметев старается одеться на европейский манер. Короткий кафтан так похожий на королевский, приближает его к верхушке «власть имущих» и показывает исключительные права, которыми его наделил Петр I, несмотря на то, что поехал в это путешествие русский боярин по своей воле и на собственные деньги. Из гравюры и подробного рассказа об аудиенции можно говорить и об устройстве польского двора, в котором были и свои шуты и подхалимы, и просто люди, радеющие за польское королевство. Шереметев был благосклонно принят при

дворе, что тоже нашло свое отражение в путевых записках. Очень подробно перечислены дары Августу II, преподнесенные Шереметевым: «два сорока соболей, цной въ триста рублевъ, мех соболей въ триста жъ рублевъ; две черныя лисицы — пятьдесят рублевъ, пищаль турецкая, зело благоустроенная съ камнями, — двести рублев; сто огоньковъ-пятьдесят рублевъ» [3, с.25].

Из записок мы можем увидеть совершенно иное впечатление о Западной Европе. Если Восточная встречала Шереметева благосклонно, то Западная с первых же минут встречала русских путешественников не дружелюбно. Выражалось это не только в природных катаклизмах, но и в отношении людей встречающихся на пути. Подтверждение мы находим в описании приема у Леопольда I, который даже ждать пришлось десять дней с момента приезда в Вену. Сам прием прошел в сдержанных тонах, с толикой пренебрежения к русским. Шереметьев не удостоился личного ответного слова Леопольда. В «Записках ...» подробно описываются странности австрийского двора, если Б.П. Шереметев кланялся Леопольду «обыкновенно въ поясъ», после речей Шереметева подозвал к себе император администратора и подканцлера графа Цейля «и говорилъ ему тихо, а администраторъ стоялъ передъ цесерскимъ величествомъ, слушая той речи, на коленахъ» [3, с.22]. Гравюра, иллюстрирующая этот прием, показывает нам всю нелепость и парадоксальность ситуации. Некоторые моменты церемониала не только были глупы, но и не могли уложиться в голове Шереметева, он не понимал, как можно пригласить человека на обед, на котором не кормят, а только смотрят? Патер Вольф, приехавший пригласить Шереметева на именины цесаревны говорил, что «Цесарское величество съ цесаревою, съ цесаревичами и съ цесаревнами, и съ племянниками, князьями лотаригскими, будуть кушать сегодня вечера публично, и служить-де будуть при томъ столс всс женской поль, придворныя дамы.» [3, с.26]. Отношение к событиям наложило отпечаток и на общее впечатление, сложившееся у Шереметева, от пребывания на территории Австрии и людей ее населяющих. Шереметев считал себя униженным таким отношением. Прибывая на территории Австрии, Шереметев посетил монастырь Святой Марии, надеясь, что здесь будет иначе. Впечатление от поездки было получено, но не архитектурными изысками, а поведением монахов, побывав на местной трапезе, он был удивлен убранством стола, на котором «в ествахъ было довольство великое и изрядство отъ мяса, а также и въ пить» [3, с. 27].

На протяжении всего своего пути Борис Петрович описывает весь путь своего путешествия, делая акцент не только на отношение людей и трудности, возникавшие по природным условиям, но и упоминает о культурных достопримечательностях стран, в которых побывал, например знаменитый университет в Падуе, венецианский карнавал. На страницах «Записок» мы можем даже найти впечатления об извержении Везувия, свидетелями которого они стали.

Выезжая за границу с минимальными знаниями и ограниченным запасом представлений, с устоявшимися стереотипами русские путешественники и дипломаты попадали в среду, которая представляла собой как иное городское пространство, так и отличительную культуру и быт. Впечатления об увиденном, помогали дополнять имеющиеся знания и способствовали формированию окружающей картины, обогащали знания путешественников и дипломатов переживаемыми событиями, что в свою очередь помогло более полно представить образ другого и его жизнь.

Библиографический список

1. Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII-XVII вв. М., 1973.
2. Ключевский В.О. Сказание иностранцев о Московском государстве. М., 1918.
3. Путешествия по Европе боярина Б.П. Шереметева 1697-1699. М., 2013.

М.В. Калинин

Московский государственный университет

«УЧИНИЛИСЬ ОСЛУШНЫ, ГРОЗИЛИСЬ ИЗБИТЬ ЕГО СМЕРТНЫМ БОЕМ». ИЗ ИСТОРИИ НАТУРАЛЬНОЙ ДОРОЖНОЙ ПОВИННОСТИ В XVIII ВЕКЕ

Привлечение податного населения к строительству и ремонту сухопутных дорог было обычной практикой многих европейских стран в эпоху Нового времени [1], среди которых Россия не была исключением. Специфика отечественного опыта заключается в том, что государство в России играло особую роль в решении хозяйственно-экономических задач, выступая, таким образом, в роли создателя «всеобщих условий производства» [2]. При этом создание сети сухопутных дорог в XVIII веке не относилось к числу приоритетных государственных задач. Частному случаю решения этой задачи в одном отдаленном уезде Российской империи посвящена настоящая статья.

Тяжелая физическая работа по расчистке дорог, устройству придорожных канав и мостов требовала затрат большого числа сил и времени. Поэтому крестьяне отрабатывали натуральную дорожную повинность без большой охоты. Особенности социально-политического развития России затрудняли исполнение дорожной повинности. В частности, местные власти, которые отвечали за состояние дорог в своих губерниях и уездах, нередко не имели возможность заставить крестьян выполнять дорожные работы. История ремонта дороги Санкт-Петербург – Олонец в 1742 году наглядно это показывает.

2 марта 1742 года воеводы Новоладожской и Олонецкой уездных канцелярий получили предписание Новгородской губернской канцелярии «мос-

ты и переправы починить и в порядок привести к будущей весне, для прохождения по ним будущей весной полков» [3, л.1]. За неисполнение предписания воевод ожидал штраф [3, л.4]. Воеводы, в свою очередь, поручили организацию работ помещикам, каждому из которых воеводский рассыльщик приносил поручение. В числе прочего, в поручении оговаривалось, что помещики должны ехать на уездных подводах и не брать взятку — прогонов им не давали [3, л.4]. Помещики, в свою очередь, должны были выслать в уездные воеводские канцелярии подписки о том, что они получили указ и обязуются выполнить поручение под угрозой штрафа. Сделали это далеко не все. Так, дворяне Кушелев и Сабуров «учинились преслушны и подписок не дали [3, л.54об.]».

Не меньшей проблемой было привлечение к ремонтным работам крестьян. Например, отставной лейб-гвардии солдат Петр Козмин сын Мордвинов, которому было поручено организовать ремонт мостов в Тангубской и Загубской волостях Новолодожского уезда, встретил яростное сопротивление жителей обозначенных волостей. Судя по его донесениям в Новолодожскую уездную канцелярию, крестьяне не просто «учинились ослушны», но и пригрозили Мордвинову избить его смертным боем, в ответ, на что Мордвинов попросил в уезде военную команду [3, л. 58об.]. В уезде Петру Мордвинову военной команды не дали и предписали снова ехать в Тангубскую и Загубскую волости и требовать от тамошних крестьян начать ремонт мостов на дороге. Когда Мордвинов вернулся, крестьяне выполнили свое обещание — собрались многолюдно, и, взяв топоры, пошли бить Мордвинова, который едва ушел от них на лодке [3, л. 63]. Только после этого уездная канцелярия решила послать в Тангубскую и Загубскую волости другого посыльного — дворянина Петра Быкова, оговорив, что если и у этого ничего не получится, то тогда нужно будет посылать в указанные волости военную команду [3, л.64]. Однако военная команда туда не поехала — видимо, Быкову удалось заставить крестьян заняться ремонтом дороги. Заметим, что случай ослушания крестьян Тангубской и Загубской волостей не был уникален — например, крестьяне Ташского погоста, Сторожевской и Шежнемеской волостей не только не дали подвод посланному к ним дворянину Емельяну Мордвинову, но они отказались чинить какие-либо мосты. В ответ, на что Емельян Мордвинов попросил в уезде военную команду, объясняя это тем, что без солдат он крестьян не дозвется [3, л. 71] Новолодожская уездная канцелярия решила иначе. Пригрозив Мордвинову штрафом, воевода потребовал арестовать крестьян-ослушников, а остальных заставить строить дорогу [3, л.77]. Аресты не удались — как показано в следующем донесении Мордвинова, крестьяне отказались «идти под караул» и вновь учинились ослушны [3, л. 77]. Понимая, что дело приняло серьезный оборот, воевода отправил в непокорные деревни нового рассыльщика — Тита Шалгина, поручив ему арестовать крестьян-ослушников и привести их в Новую Ладугу [3, л. 77 об.]. Шалгин свое дело

выполнил — привел нескольких крестьян к воеводе, которых, однако, вскоре отпустили домой — «за нынешним весенним временем», то есть, отпустили на посевные работы, обязав вернуться в тюрьму осенью под угрозой штрафа [3, л. 82]. Вернулись ли эти крестьяне в тюрьму, неясно. Интересно, что в ряде случаев наряду к крестьянам-ослушникам присоединялись их помещики. Например, дворянин Семен Апрелев, который решил сам свести счеты с Емельяном Мордвиновым. По донесению последнего в Новоладожскую канцелярию, Апрелев вышел на дорогу и, подкараулив возвращавшегося домой Мордвинова, сбил того с коня и избил дубьем до полусмерти [3, л. 82 об.].

К сожалению, источники не позволяют проследить результаты этих работ. Однако приведенная выше история ремонта мостов под Олонцом и Новой Ладогой показывает, насколько были ограничены возможности натуральной дорожной повинности. Поэтому, в ходе строительства и ремонта наиболее важных сухопутных дорог (Московско-Петербургского тракта и проч.), правительство отказывалось от принудительного и бесплатного крестьянского труда в пользу труда работных людей, получавших за работу деньги «по плакату» или подрядчиков. Однако полностью от натуральной дорожной повинности правительство не откажется даже в XIX веке.

Библиографический список

1. Simon Ville. Transport and the development of the European economy, 1750-1918. New York: St Martin's Press, 1990.
2. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 2001.
3. Дела об устройстве дорог в государстве. РГАДА. Ф. 16. Разряд. Оп. 1. Д. 267. Ч. 1.

Т.К. Лутохина

Самарский национальный исследовательский университет

РЕСТОРАННЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ В ИНФРАСТРУКТУРЕ Г. САМАРЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

С каждым десятилетием XIX века в Самаре, как и в большинстве уездных городов, развивался трактирный промысел. Прежние владельцы и их «новоиспеченные» коллеги из числа просвещенных купцов, вместо трактиров и харчевен начинают создавать рестораны. По вечерам заманчиво светились окна тех самых мест, которые приобщали самарских горожан и приезжих к изысканному вкусу, радовали посетителей лакомыми и сытными обедами и ужинами, и атмосферой, которая царила в данных заведениях.

Первый самарский ресторан был создан в 1853 году купцом третьей гильдии Егором Никитичем Аннаевым. «В 1856 году в Самаре работало уже 5 ресторанов, в 1862 году – 12 ресторанов и 142 постоялых двора. К 1911 году в Самаре только автономных, не при десятках гостиниц, было 11 ресторанов. Ресторанов при гостинице же – 57 заведений» [1, с. 47].

Большинство ресторанов находилось на Дворянской, Саратовской, Панской, Предтеченской улицах, в центре социокультурной жизни города [2, с. 10].

Появившиеся к началу XX века необычные названия большинства самостоятельных ресторанов и гостиниц во многом были заимствованы у популярных в столицах трактирных заведений – «Аквариум», «Яр», «Европейская», «Россия» и т. д. К особой группе среди них относятся названий городов: «Венеция», «Сан – Ремо», «Ташкент». Примерно столько же ресторанов назывались по фамилии владельцев данных заведений – рестораны «Аннаева», «Портнова», «Дикушин», «фон Вакано», «Краснова».

Существует интересный и труднообъяснимый факт: для 67-ти изученных названий не нашлось ни одного, в котором использовались бы слова «Самара», «Самарская», «Жигули» или «Жигулевкая». Скорее всего, такие названия не привлекали клиентов, которым хотелось соприкоснуться со «столичным», хотя бы в названии уровнем сервиса.

Во второй половине XIX века выделяются 4 места, которые соответствовали запросам населения по качеству еды и обслуживания – рестораны Краснова, Аннаева, Батулина и Портнова. «Остальные, крайне плохи, не могут изготовить и простую селянку сколько –нибудь порядочно» [3, с. 2].

В погоне за клиентами рестораторы пытались перещеголять конкурентов в отделке интерьера: разбивали зимние сады, украшали залы экзотическими растениями, фонтанами, балконами и зеркальными стенами.

Потребление пищи проходит всегда приятнее, когда вокруг складывается душевная атмосфера, и содержатели своих заведений отчетливо это понимали. У Павла Егоровича Аннаева во время обеда и ужина играл венский оркестр струнной музыки, а вот в ресторане при гостинице «Европейской» играл дамский струнный оркестр.

Меню в ресторанах того времени поражало разнообразием и изысканностью. В одном из ноябрьских меню ресторана «Бристоль» предлагались: осетрина под красным соусом с изюмом, пельмени с грибами и ветчиной, котлеты рубленые из говядины с картофельным пюре и зеленым горошком, мазурик рассыпчатый. В другом, июньском меню ассортимент включал: суп – пюре из черного хлеба с вином, ростбиф или телятина с темным соусом, соус из шавеля, гарнированный гренками и яйцами каплун с соусом из можжевельника, торт кофейный.

Посетителя ресторана «Северный» в феврале 1912 года могли заказать себе на обед: «блинчики гречневые, бульон с перловой крупой, мозги под

кисло – сладким соусом, компот из яблок». Либо бульон с фрикадельками; слоеные пирожки с фаршем из щуки, заливное из головки телячьей, фаршированная капуста по – французски, говядина – филе, шпигованная трюфельями и анчоусами, пирожное со взбитыми белками или берлинское пирожное [4, с. 1].

Из-за большого акциза, который приходилось платить государству, нередко приходилось страдать и посетителям самих трактирных заведений: «...публика наших трактиров и гостиниц постоянно жалуется на непомерно дорогие цены на кушанья, которые предлагают в этих заведениях. Дороговизна эта ничем не оправдывается: цены на продовольственные запасы в настоящее время сравнительно с существовавшими в то же время в прошлом году, стоят умеренные – на одну треть дешевле прошлогодних...». И далее: «Обыкновенно, наши трактиршики, когда им говорят о дороговизне кушаний, любят ссылаться на дороговизну прав торговли и содержания повара» [3, с. 2].

Принятие так называемого «сухого закона» в 1914 году повлекло за собой закрытие трактиров и ресторанов. Поменялись цели, преследуемые обществами: на первый план было выдвинуто не обеспечение досуга населения, а помощь государству в достижении победы.

Область трактирного промысла Самарской губернии представляет собой почти нераскрытую, малоизученную на сегодняшний день и не менее яркую историческую проблему. Не изученность исторического предмета в истории города всегда неблагоприятно отражается не только на туристском потенциале, но и на его историко-культурной привлекательности вообще. Поэтому исследуемая область требует получения новых фактических сведений и их качественную аналитическую переработку, т.к. на сегодняшний день не существует ни одной комплексной, крупной работы, посвященной трактирному промыслу Самарской губернии во второй половине XIX- начала XX вв.

Библиографический список

1. Алексушин Г. Придорожные «ямы», или будешь в Самаре – обязательно зайдешь в «Ниццу» и «Санремо»: [Из истории Самар. ресторанов и трактиров] // Самара, 2003. № 3.
2. Завальный А. Человек! Пятьдесят стаканов чая! // Струковский сад. 2004. № 11-12 (4-10 авг.).
3. Самарская газета. 1884. 18 января.
4. Самарская газета. 1912. № 39.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А.П. ВОЛЫНСКОГО

Политический процесс над Артемием Петровичем Волынским часто преподносится как один из самых ярких примеров так называемого произвола «немецкой партии» во время правления Анны Иоанновны. Благодаря художественной литературе XIX столетия в общественном сознании сложился романтический образ А.П. Волынского как «истинного патриота, боровшегося против немецкого засилья». И хотя усилиями историков как будто удалось размыть идеалистический образ вельможи былых времен, найти объективную оценку о деятельности Артемия Петровича все же трудно [6, с. 10].

Выходец из старинного боярского рода, Волынский был человеком умным и образованным, чем сумел заполучить расположение еще Петра I. По указу императора будущий кабинет-министр был отправлен с дипломатической миссией в Персию, а позже исполнял полномочия губернатора в Астрахани [1, с. 460]. Затем Волынский занимал должность губернатора Казани, где, как отмечал еще Н.И. Костомаров, «прославился взяточничеством и всякого рода грабительством», что едва не привело его к опале [4, с. 290]. Однако покровительство знатных персон спасло Артемия Петровича от немилости, и уже при Анне Иоанновне начинается новый взлет его карьеры. В 1738 году благодаря протекции Э.И. Бирона, как полагают большинство исследователей, он получает должность кабинет-министра для противовеса А.И. Остерману [7, с. 264]. Вполне возможно, что своим возвышением Артемий Петрович был обязан не только обер-камергеру императрицы – скорее всего, определенную роль в его карьере сыграл и не менее влиятельный К.Г. Левенвольде, под руководством которого Волынский служил в конюшенном ведомстве [9, с. 33].

Как бы там ни было, с этого момента Волынский направляет свою деятельность на то, чтобы стать главной фигурой в окружении императрицы; вокруг него складывается кружок образованных дворян, обсуждавших насущные проблемы империи. Именно эти беседы подвигли Артемия Петровича на сочинение «Генерального проекта о поправлении внутренних государственных дел», занявшего большое значение в процессе его обвинения [7, с. 264].

Известно, что на своем посту Волынский проявил себя как весьма деятельный и энергичный администратор. Он работал над устройством конных заводов, стремился продолжить петровскую политику посылки за государственный счет молодых дворян для обучения за границей, занимался организацией императорской охоты [6, с. 256]. К тому же в работе Волынского можно отметить стремление действовать ради «общего блага», что не

может не характеризовать его с положительной стороны. Так, при обсуждении проекта «Об экономических и промышленных нуждах России» он выступил на защиту крестьян-земледельцев, видя в них основу благополучия страны. Волынский один из немногих, среди тех, кто обсуждал проект, предложил не возвращать беглых крестьян на их прежние территории, где качество земли часто было хуже, чем на окраинах, а оставить на месте [5, с. 175]. Известно, что Волынский проявлял интерес к просвещению. У него была обширная личная библиотека, половину которой составляли иностранные книги, из чего можно сделать вывод, что он занимался изучением иностранных языков [6, с. 250].

В своем стремлении увеличить свое влияние, Волынский использовал различные средства. На ряде этапов кабинет-министр мог действовать заодно с Остерманом, а затем, используя уже поддержку Бирона, выступать против того же Остермана. Понимая, что будущее страны остается за юной Анной Леопольдовной, Волынский стремился не допустить ее брака с сыном Бирона. [7, с. 35]. С другой стороны он хотел, чтобы принцесса вышла за Брауншвейгского принца Антона Ульриха, своего ставленника, что, в конце концов, и произошло. Его не волновало, что брак макленбургской принцессы и брауншвейгского принца вряд ли можно было причислить к победам «русской партии». Зато в будущем он мог претендовать на роль первого министра при неопытной правительнице и ее малолетнем сыне. [6, с. 328]. Таким образом, вряд ли можно говорить о противостоянии чисто «русской» и «немецкой» партии при дворе Анны. Скорее, различные фигуры и партии стремились укрепить свое влияние на императрицу, используя временные союзы с соперниками по политической арене [9, с. 35].

В этой политической борьбе Артемий Петрович настроил против себя наиболее влиятельных конкурентов, Бирона и Остермана, в результате чего поплатился жизнью. Еще С.М. Соловьев признавал, что после высокого назначения «у Волынского закружилась голова, властолюбие его было страшно возбуждено, а враги дразнили со всех сторон» [10, с. 821]. И действительно, можно предположить, что определенную роль в опале кабинет-министра сыграли особенности его характера. Как писал Х. Манштейн, современник описываемых событий: «Волынский был горд, но чрезвычайно честолобив; тщеславный, неосторожный, он был склонен к интриге. Навлекши на себя гнев герцога Курляндского, он не мог долго удержаться у власти» [8, с. 189].

Что касается знаменитого «Генерального проекта» Волынского, его трудно назвать крамольным. Хотя его текст не сохранился, по отдельным отрывкам можно заключить, что в целом он являлся продолжением петровской политики. Несмотря на то, что проект предполагал расширить привилегии «шляхетства», в его целях не было стремления ограничить самодержавие. Вероятно, после своего завершения он предназначался к подаче императ-

рице, однако в связи с политическим процессом стал удобным предлогом для обвинения. [7, с. 265].

Судя по всему, Артемий Петрович, несмотря на ряд своих недостатков, был слишком яркой фигурой на фоне окружения Анны Иоанновны [3, с. 372]. Интересна точка В.О. Ключевского, видевшего в Волынском выдающегося дельца, типичного современника Петра Великого, привыкшего притуплять чувство нравственности и ходить по жестокой указке императора, а без него не способного продолжать его дела [3, с. 234]. Несмотря на эту строгую оценку, с историком можно согласиться по поводу того, что, выдвигенец Петра Волынский был человеком, привыкшим мыслить также масштабно, как и император, что нашло отражение в его деятельности и при написании проекта. К примеру, читая его инструкцию дворецкому «об управлении домов и деревень», можно заметить, что Волынский был весьма разносторонней личностью и стремился вникнуть в каждую мелочь, чтобы хозяйство приносило прибыль [2].

Подводя итоги, необходимо отметить, что деятельность А. П. Волынского не носила подчеркнуто «антинемецкий» характер. Несмотря на то, что он был человеком амбициозным и часто неразборчивым в средствах при достижении целей, его отличало стремление действовать на благо своего государства. Причинами опалы кабинет-министра и последующего политического процесса стали интриги политических соперников, видевших в Артемии Петровиче серьезную угрозу на пути к достижению власти.

Библиографический список

1. Анисимов Е.В. Россия без Петра. СПб., 1994.
2. Волынский А.П. Инструкция дворецкому Ивану Немчинову о управлении дому и деревень // Памятники древней письменности. СПб., 1881. Т. 15.
3. Ключевский В.О. Сочинения в 9 т. Т. 4. М., 1989.
4. Костомаров Н.И. Императрица Анна Иоанновна и ее царствование // Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей в 4 т. Т. 4. М., 2001.
5. Крючков Н.Н. Позиция А.П. Волынского при обсуждении анонимного проекта «об экономических и промышленных нуждах России» 1735 года // Вестник Пермского университета. Пермь, 2015. №1.
6. Курукин И.В. Артемий Волынский. М., 2011.
7. Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725-1762 гг. Рязань, 2003.
8. Манштейн К.Г. Записки о России. СПб., 1875.
9. Петрухинцев Н.Н. Интриги 1730-ых годов и «дело» А.П. Волынского // Вопросы истории. М., 2006. №4.
10. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. В 29 т. Т. 20. М., 1993.

ДЕЛО ЛОПУХИНЫХ

Значимость XVIII столетия для европейской истории сложно переоценить. Этот век, вошедший в историю под названием «века Просвещения», имеет колоссальное значение для развития всей европейской цивилизации. Что касается России, то для нее XVIII столетие – время грандиозных перемен, переломная эпоха, чрезвычайно важный и сложный период отечественной истории. По устоявшемуся мнению историков (и не только историков), символом этой эпохи является время правления Петра I. После смерти великого преобразователя наступил период, получивший в отечественной историографии название «эпоха дворцовых переворотов». Это было время глубоких потрясений и политической нестабильности во внутренней жизни государства. Ни один действующий монарх или всесильный фаворит не мог спать спокойно. Императорский трон был неустойчив, а его владелец с тревогой смотрел в завтрашний день.

25 ноября 1741 г. в результате очередного переворота на престол вступила любимая дочь Петра Великого. Елизавета Петровна, давшая обещание, что во время своего царствования она не подпишет ни одного смертного приговора, не знала, что делать с брауншвейгским семейством. Низложенный Иван Антонович, которого вместе с родителями перевезли в рижскую крепость Дюнамюнде, стал головной болью молодой императрицы. Мысль, что правнук Ивана V может вернуть себе утраченный престол, не оставляла Елизавету. Именно наличие реального претендента на российскую корону и послужило основанием для появления печально известного Лопухинского дела.

Данная тема, на мой взгляд, недостаточно изучена в историографии. О Лопухинском деле упоминали в своих трудах дореволюционные историки А.И. Вейдемейер и С.М. Соловьев. Кроме того, данному вопросу посвящена статья, опубликованная в журнале «Русская старина» (1874, кн. 3). Среди современных исследований можно отметить работу Б.Н. Григорьева «Бестужев-Рюмин», в которой автор уделяет внимание делу Лопухиных.

К работе над статьей были привлечены разнообразные источники. К их числу относится мемуарная литература – «записки» Фридриха II и генерала К.Г. Манштейна, а также материалы делопроизводства – донесения секретаря посольства Пецольда из Петербурга.

21 июля 1743 г. по Петербургу разнесся слух о раскрытии важного антиправительственного заговора. Так началось знаменитое дело Лопухиных. Началось все с того, что Наталья Федоровна Лопухина решила отправить послание своему возлюбленному – бывшему обер-гофмаршалу Р.-Г. Левенвольде, сосланному императрицей в Сибирь. Для этой миссии она выбрала поручика лейб-кирасирского полка курляндца Бергера, который был

назначен для смены офицера, приставленного к Левенвольде в Соликамске. Записку Бергеру передал сын Н.Ф. Лопухиной Иван. Курляндец, не горевший желанием ехать в Сибирь, донес о данном ему поручении Лестоку [1, с. 2]. Лейб-медик сразу же ухватился за это дело, увидев возможность с его помощью подобраться к своему политическому противнику вице-канцлеру А.П. Бестужеву. Дело в том, что Н.Ф. Лопухина являлась близкой подругой Анны Гавриловны Бестужевой, а Бестужева была родственницей вице-канцлера (женой его старшего брата Михаила).

Сама записка на заговор явно не тянула, но появилась возможность получить «нужные» сведения от Ивана Лопухина, потерявшего место камер-юнкера при дворе Анны Леопольдовны и чин полковника, а потому недовольного действующей властью [2, с. 141]. Лесток дал поручение Бергеру: наладить контакт с молодым Лопухиным и в присутствии свидетеля постараться выпытать у него более подробные сведения, послужившие основанием для отправления вышеназванной записки [3, с. 80; 4, с. 290]. Хитрый курляндец быстро вошел в доверие к Ивану Лопухину и повел его в трактир, где усердно угощал вином; после этого беседа была перенесена в дом Лопухиных. Захмелевший Иван в присутствии свидетеля, адъютанта принца гессен-гомбургского майора Фалькенберга, жаловался Бергеру на жизнь, «Выказывал симпатии царевичу Ивану Антоновичу. Ругал Елизавету, называя ее незаконнорожденной и наговорил много чего «интересного» [1, с. 7; 3, с. 80; 4, с. 290; 5, с. 18]. 25 июля Бергер и Фалькенберг были допрошены Лестоком; поручик и майор дали показания против Ивана Лопухина.

В это же день Лопухина арестовали. На допросе он показал, что его родители недовольны правлением Елизаветы Петровны и что Наталью Федоровну перед своим отъездом из России посетил австрийский посланник маркиз Ботта д'Адорно. Австриец поведал ей, что строит планы по освобождению из заключения брауншвейгского семейства, а Фридрих II обещал помочь ему в осуществлении данных замыслов. Эти слова Наталья Федоровна передала А.Г. Бестужевой, которая с дочерью Настасьей Ягужинской вскоре пришла к Лопухиным в гости [1, с. 12]. После Ивана Лопухина в своем доме была допрошена Н.Ф. Лопухина, которая подтвердила слова сына. Анна Гавриловна все отрицала, но дочь ее подтвердила показания Лопухиных. Бестужеву также спрашивали о том, не замешан ли и не принимал ли участия в их тайных делах ее муж. Анна Гавриловна даже под пыткой решительно отрицала участие Михаила Петровича, утверждая, что и он, и его брат, вице-канцлер, были в плохих отношениях с маркизом Ботта. Несмотря на это, Лесток опечатав все бумаги обер-гофмаршала и просмотрел их самым тщательным образом [6, с. 498-499]. Мать и сын Лопухины и А.Г. Бестужева были отправлены в Петропавловскую крепость, а А.П. Ягужинскую посадили под домашний арест. Помимо упомянутых лиц к делу были привлечены: Степан Лопухин (муж Натальи Федоровны), Александр Зыбин, поручик Иван Машков, конной гвардии вице-ротмистр

Лиlienфельд, адъютант того же полка Степан Колычев, камергер барон К.-Г. Лиlienфельд, его жена Софья Васильевна, камергер князь С.В. Гагарин (родственник А.Г. Бестужевой), князь И.Т. Путятин, подпоручик Нил Акинфов, дворянин Николай Ржевский [3, с. 78-79; 7, с. 237].

Следствие по делу длилось почти месяц. Наконец, 19 августа генеральное собрание вынесло приговор: троих Лопухиных, А.Г. Бестужеву, И. Машкова, А. Зыбина, И.Т. Путятина, и С.В. Лиlienфельд – казнить, Н. Акинфова, С. Колычева и вице-ротмистра Лиlienфельда определить в армейские полки, К.-Г. Лиlienфельда сослать в деревню, а Н. Ржевского высечь плетью и разжаловать в матросы. Елизавета Петровна, пожалев «заговорщиков», изменила решение судей. Лопухины и Бестужева, после публичной экзекуции перед зданием Двенадцати коллегий, были отправлены в сибирскую ссылку, остальные осужденные получили менее суровое наказание [3, с. 81; 7, с. 237].

Так завершилось это громкое дело. Елизавета, которая по мнению историков обладала мягким и спокойным характером, в ситуации, когда дело коснулось притязаний на ее наследственные права, стала действовать жестко и решительно. Иван Антонович оказался заложником своего положения. Всю последующую жизнь он проведет в заключении и в возрасте 23-х лет погибнет от руки стражника Шлиссельбургской крепости в результате очередного заговора.

Библиографический список

1. Наталья Федоровна Лопухина // Русская старина. 1874. Кн. 3.
2. Григорьев Б.Н. Бестужев-Рюмин. М, 2013.
3. Вейдемейер А.А. Царствование Елизаветы Петровны: в 2 т. Т. 1. СПб., 1834.
4. Манштейн К.Г. Записки о России. 1727-1744. СПб., 1875.
5. Фридрих II. Из записок Фридриха Великого о России в первой половине XVIII века / Пер. М. Жуазеля // Русский архив. 1877. Кн. 1. Вып. 1.
6. Донесения секретаря посольства Пецольда из Петербурга // Сб. Русского общества. 1871. Т. 6.
7. Соловьев С.М. История России с древнейших времен: в 15 кн. М., 1963-1965. Кн. 11.

Д.В. Родин

Московский государственный университет

«ВОСТОЧНОЕ ЛОКАРНО» ФЕЛИКСА ЦИЕЛЕНСА

Как отмечал французский историк Ж. Барьети, «после Локарно в Европе имелись два типа границ: западные границы, которые обязывались уважать, и восточные, которые (как это тайно признавалось) могут быть пе-

решотрены» [1, с. 41]. Преодолеть своеобразную «асимметрию» были призваны проекты «новых Локарно», в частности, «Восточное Локарно». В рамках данной статьи будет рассмотрен один из подобных проектов, а именно идея перекрестных гарантийных договоров в Прибалтике, предложенная в 1927 г. министром иностранных дел Латвии Феликсом Циеленсом.

Причиной появления данного проекта стало парафирование основных статей советско-латвийского договора о ненападении 9 марта 1927 г., который воспринимался многими в Латвии и за ее пределами как первый шаг на пути к советизации прибалтийской республики. Чтобы сгладить впечатление от данной политической акции, Ф. Циеленс дал интервью, опубликованное 11 марта в правительственном офицозе «Валдибас Вестнесис». В нем он озвучил идею заключения гарантийного договора по образцу Локарнских соглашений между двумя группами государств: местными малыми странами (Финляндия, Эстония, Латвия и Литва) и великими державами (Великобритания, Франция, Германия и СССР) [2].

На тот момент заявления Ф. Циеленса, как он сам признавался советскому полпреду И.Л. Лоренцу, преследовали цель «успокоить Европу и ослабить натиск на латпра». [3, л. 3]. Достигнуть этого не удалось: в Москве и Берлине к предложению отнеслись негативно, в Лондоне оно было проигнорировано, а Польша, Эстония и Финляндия видели в Ф. Циеленсе «инструмент в руках немецких и советских дипломатов» [4, с. 64]. Это объясняет, почему в ближайшие месяцы правительство Латвии так и не запросило официального мнения великих держав относительно планов «Восточного Локарно».

Однако сама идея многостороннего пакта прибалтийских республик под гарантией великих держав явно была притягательной для Ф. Циеленса. И он вновь вернулся к ней в августе того же года в ходе официального визита в Ковно. 18 августа он дал обширное интервью, в котором заявил, что «является горячим сторонником балтийского союза, который в конечном итоге послужит умиротворению Восточной Европы» [5]. Идеалом для Ф. Циеленса являлся «абсолютный нейтралитет в отношении всех великих держав», гарантированный последними [6]. Вместе с тем он критиковал западноевропейские державы, в первую очередь Англию, за отказ гарантировать границы стран-лимитрофов.

На этот раз Советский Союз отнесся к предложению Ф. Циеленса более благосклонно: газета «Правда» хвалила министра за попытки осуществления плана Балтийского союза «без Польши и, как уверяют в рижских политических кругах, без антисоветского острия» [7]. Одной из причин изменения советской позиции стало подписание советско-латвийского торгового договора 2 июня 1927 года, который рассматривался как «своего рода “гарантийный договор”, обеспечивающий определенную лояльность ведущих политических кругов Латвии в отношении СССР» [8, с. 266].

В то же время другие государства встретили план латвийского министра в штыки: например, польские газеты в один голос уверяли, что без Польши «данная комбинация... обречена на провал» [9]. Британская пресса, в свою очередь, пыталась оправдать политику своего правительства и недоумевала: «Каким образом господин Циеленс представляет себе, что Великобритания когда-либо будет привлечена к предоставлению гарантий подобного рода, вообразить трудно» [10]. В итоге заявления Ф. Циеленса, взбудоражившие общественное мнение в нескольких странах, вновь остались без последствий.

Тем не менее, в сентябре он вновь озвучил идею гарантийного пакта для прибалтийских стран на VIII Ассамблее Лиги Наций. 7 сентября он выступил с обращением, в котором, признавая, что западноевропейские страны только выиграли от Локарнских соглашений. Далее он отметил, что «Западная Европа еще не вся Европа в целом», и высказался за подписание «Локарнского соглашения для Востока», которое «гарантировало бы статус-кво на восточном побережье Балтики» [11, с. 313]. Однако представители Франции, Германии и Великобритании, равно как и Ассамблея Лиги Наций, отказались поддержать предложение латвийского министра.

Это была последняя попытка Ф. Циеленса добиться международных гарантий безопасности для прибалтийских государств. Уже в начале 1928 г. он был вынужден уйти со своего поста. Причиной провала предложенного им проекта стали противоречия как между самими прибалтийскими государствами, чье видение «Восточного Локарно» различалось в зависимости от интересов той или иной страны, так и нежелание великих держав связывать себя обязательствами по отношению к странам-лимитрофам.

Библиографический список

1. Variety J., Droz Y. Republique de Weimar et regime Hitlerien, 1918-1945. Paris, 1973.
2. Valdobas Vāstnesis. 1927 g. 11. martv.
3. АВП РФ. Ф. 04. Оп. 59. П. 428. Д. 57034.
4. Rodgers H.I. Search for Security. Hamden, 1975.
5. Berliner Tageblatt. 1927, August 18.
6. Jaunakas Zinas. 1927, 19. augusta.
7. Правда. 1927, 19 августа.
8. Кен О.Н., Рупасов А.И. Западное приграничье. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами, 1928-1934. М., 2014.
9. Sir W.G. Max Muller to Sir A. Chamberlain. Warsaw, Aug. 30th 1927 // TNA. FO 688/21/1/13.
10. Daily Telegraph. 1927, August 26th.
11. Anderson E. The USSR Trades with Latvia: The Treaty of 1927 // Slavic Review. Vol. 21, No. 2. 1962.

СЕКЦИЯ II. ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ИСТОРИИ РОССИИ

Э.Ю. Аблаев

Московский государственный университет

«ХОЖДЕНИЕ В НАРОД» 1874 ГОДА: ПРИЧИНЫ ПОРАЖЕНИЯ ПО ВОСПОМИНАНИЯМ НАРОДНИКОВ

Значительную роль в русском революционном движении первой половины 1870-х годов сыграло “Большое общество пропаганды” или “чайковцы”. В составе этого общества впервые проявили себя представители “блестящей плеяды” революционеров [1, с. 3]. Чайковцы проводили активную пропаганду среди рабочих, организовали книжное дело, наладили связи с другими кружками, и внесли большой вклад в подготовку массового хождения в народ 1874 года, участие в котором приняли сторонники различных революционных течений.

Как считает Крopotкин: “Это не было организованное движение, а стихийное, — одно из тех массовых движений, которые наблюдаются в моменты пробуждения человеческой совести” [2, с. 292]. Общий состав участников хождения был разнообразен: лавристы, бакунисты, чайковцы и другие. Всего в движении приняло участие от двух до трёх тысяч человек и ещё большее количество оказывало поддержку, массовое хождение охватило 51 губернию [1, с. 248]. Описать начало движения можно фразой: “Словно полноводная река, освободившаяся ото льда, устремилась в гущу крестьянского населения” [3, с. 297]. Однако реальность оказалась совсем иной, отличающейся от доктрин и теорий, поэтому анализ причин неудачи массового хождения в народ является важным в контексте изучения развития революционного народничества в целом.

У движения не было единой системы организации. Все, кто шёл в народ, были свободны в выборе места хождения, формы. Они могли устраиваться либо у своих знакомых и родных, либо в специальных пунктах пропаганды, они могли вести пропаганду, как на месте, так и на выезде [1, с. 238]. Отсутствие центра движения и его единой организации было продиктовано неприятием “проповеди централизации” среди молодёжи, которая видела в этом ограничение своей свободы действий [4, с. 115]. Другими факторами, характеризующими недостаточную организацию движения, была торопливость, стремительность, летучесть, которые приводили к неэффективности пропаганды [5, с. 139].

На первых порах некоторые вовсе отказывались от пропаганды и больше трудились среди жителей деревни, однако даже в обычных разговорах с

крестьянством проявлялись те народные черты, которых вовсе не ожидали. Больше всего поразило О.В. Аптекмана, когда он в ответ на рассказ о жизни крестьян в Европе получил реакцию фразой: “Обидели там народ. По миру пустили его. Всё это дело панов. Всю землю себе забрали. Всеми делами они там правят. И у нас то же было бы. Да царь не допустил...” [5, с. 144]. Он оказался глубоко шокирован этой безграничной верой в царя, непоколебимой даже перед искусными речами пропагандистов.

Безграничная вера в царя оказалась неожиданностью для народников, но настоящее удивление у них вызвало стремление “мужика” к личной собственности [6, с. 189]. Крестьяне не видели своего благополучия без личного владения. Это затрагивало сами теоретические основы народничества, заложенные ещё теорией “русского социализма” Герцена. Народ слушал пропагандистов, но интерпретировал их слова в совсем ином виде. Самые талантливые участники с воодушевляющими речами производили впечатление на крестьян до тех пор, пока не поднимались вопросы социализма и анархии, тогда его слушали как “занятую сказку” [6, с. 179]. Революционерам необходимо было придать особое значение этому, однако помешали ускоренные темпы пропаганды и спешка.

К непониманию со стороны крестьян и опасению среди местных властей добавилось и то, что на пропагандистов начало обращать внимание государство. Под руководством генерал-лейтенанта И. Л. Слезкина и прокурора Саратовской судебной палаты С. С. Жихарева Россию захлестнула волна арестов [1, с. 248]. Общее количество арестованных составило свыше полутора тысяч человек, что для движения оказалось фатальным ударом.

Как считает С.М. Степняк-Кравчинский, одним из первых совершивший “хождение”, основная причина провала заключалась в наивности участников, идеализации образа мужика и неподготовленности революционеров того времени к борьбе [7, с. 17]. Именно ложное знание мужика в теории, но отсутствие знакомства с его природой на практике, привело к тому, что народники недоумевали при столкновении с мыслями крестьянства.

Отмечая основные причины поражения, Г.В. Плеханов говорит о разочаровании в крестьянстве среди участников движения: “Деятельность в крестьянстве отнюдь не была возможной, революционеры бы справились и с полицейскими препятствиями, если бы их настроение продолжало толкать их в деревню” [8, с.26]. Однако с этим не согласен В.Я. Богучарский, который приводя пример возрений А.И. Желябова, говорит о том, что даже после первых неудач “вера в народ осталась нетронутой” [6, с. 200].

В целом, можно сказать, что среди самих народников событий неудача объяснялась следующими причинами: 1) Анархичностью в организационном отношении; 2) Абстрактностью самой пропаганды и непониманием в крестьянской среде принципов социализма вне насущных крестьянских проблем; 3) Правительственные преследования и аресты участников хождения. Данные факторы стали причинами того, что “пропагандисты про-

порхнули на Руси и нигде не пристроились” [4, с.142]. Проблемы, с которыми столкнулось движение, революционеры попытались разрешить в своей последующей деятельности, оформившейся в виде организации “Земля и Воля”.

Библиографический список

1. Троицкий Н. А. Первые из блестящей плеяды (Большое общество пропаганды 1871-1874 гг.). Саратов, 1991.
2. Кропоткин П.А. Записки Революционера. Москва, 1988.
3. Итенберг Б. С. Движение революционного народничества. Народнические кружки и “Хождение в народ” в 70-х годах XIX в. М., 1965.
4. Ковалик С.Ф. Революционное движение семидесятых годов и процесс 193-х. Москва, 1928.
5. Аптекман О. В. Общество «Земля и воля» 70-х гг. Петроград, 1924.
6. Богучарский В. Я. Активное народничество 70-х гг. Москва, 1912.
7. Степняк С. Подпольная Россия. 1893, Лондон
8. Пиксанов Н.К. Въ народъ! Русское революционное народничество сорок лет назад. Петроград, 1917.

Н.С. Кучер

Московский государственный университет

РОССИЯ ПОСЛЕ БЕРЛИНСКОГО КОНГРЕССА 1878 ГОДА

Берлинский конгресс, завершивший Великий восточный кризис 1875-1878 гг., стал переломным моментом не только для Сербии, которая по его итогам получила независимость и стала субъектом (а не объектом) международного права, но и для России. Этот год обозначил начало разрыва и значительного охлаждения в отношениях России и Сербии. Одной из причин стала неудовлетворённость сербов положениями Сан-Стефанского договора и Берлинского трактата, ставших итоговыми документами Восточного кризиса 1875-1878 гг. В Берлине Россия сделала ставку на построение Великой Болгарии, что сильно задело сербов. Это стало одной из причин поворота сербской политики в сторону Австро-Венгрии.

После 1878 г. в Сербии происходила невиданная политизация общественной жизни. Развитию демократических начал препятствовало стремление короля Милана Обреновича к укреплению авторитарной власти. Официальная Россия не доверяла Милану и искала в Сербии такие политические силы, на которые могла бы опереться в условиях заметного ослабления своих позиций на Балканах после завершения Восточного кризиса. Как ни странно, Россия обращается к радикальной партии, несмотря на «нигилистическое» прошлое её вождей и «революционный» дух программы [4, с. 123-126]. Как считает В. А. Маевский, радикальная партия – это

сербские нигилисты на русский манер. Радикалы были против Милана, поэтому они очень скоро обратили своё внимание к России, которая тоже была против Милана. В России в это время происходил значительный перелом в общественном сознании: нигилизм дворянского типа Базарова, народничество и развитие крайних идей анархизма в виде не то партии, не то группы «Народная воля» привели после разных потрясений к убийству императора 1 марта 1881 г. [2, л. 745].

Берлинский конгресс вызвал неодобрение не только в Сербии, но и в России. 22 июля 1878 г. военный министр Д. А. Милютин записал в дневнике: «Общественное мнение в России настроено крайне враждебно правительству, особенно в Москве. Берлинский трактат возбуждает почти всеобщее неудовольствие. Причиной тому можно считать разочарование. Ожидали чего-то колоссального, и когда мечты идеалистов не осуществялись, когда явилась практическая действительность, все возопило на нашу дипломатию и на всё правительство. Ещё одно негативное явление, наметившееся на завершающем этапе Восточного кризиса и на Берлинском конгрессе, — подъём революционного и террористического движения в России. 4 августа 1878 г. был убит начальник Третьего отделения Мезенцов. Как отметил Милютин, это хуже, чем покушение на петербургского градоначальника Трепова, потому что Трепов выжил, а стрелявшая в него Вера Засулич предана суду, хоть и оправдана [5, с. 461]. Во время панихиды по Мезенцову кто-то в толпе спрашивал, который из людей военный министр, этого человека арестовали [5, с. 465]. 20 февраля 1880 г. произошло покушение на М. Т. Лорис-Меликова [5, с. 165], а 1 марта 1881 г. был убит император Александр II.

Милютин также отмечает крайнее расстройство дипломатических дел. В 1879 г., как пишет дипломат, В. М. Ламздорф, намечается сближение России и Германии [1, л. 1]. Но в Европе теперь хозяйничали Великобритания и Австрия, а России оставалось лишь соблюдать условия трактатов [5, с. 414].

Посол России в Константинополе в 1864-1877 гг. Н. П. Игнатьев в письме к императору Александру III говорил о критическом положении России на Балканском полуострове: «Разгром Австрии и Франции, чрезвычайное преобладание Германии... Берлинский трактат, — искалечивший Русское дело на Востоке, посеявший обильные семена вражды и войн, усложнивший не только наше положение на Балканском полуострове и Славянский вопрос, но и поставивший ребром наши отношения к Австрии, — создали нынешнее, тяжёлое, гнетущее положение в Европе, грозящее разразиться кровопролитной войною и разрешиться большими, многолетними потрясениями». В дружбе с Портой Россия старалась мирным путём способствовать возрождению единоверных и единоплеменных народностей, отсрочивая на неопределённое время неизбежную развязку восточного вопроса [3, с. 715-718].

Таким образом, можно говорить о колоссальном недовольстве русской общественности итогами Берлина. Он воспринимался как катастрофа, ведь Россия не смогла защитить интересы новых независимых государств. Россия тяжело пережила Великий Восточный кризис и последнюю русско-турецкую войну. Она осознала свои дипломатические ошибки, но исправлять их уже было поздно. Новые балканские государства отвернулись от неё, что также вызвало недовольство общественности, отчасти полагавшей, что новые независимые государства, будучи креатурами России, будут служить ей во всём. Кроме того, в России после 1878 г. намечился значительный подъём революционного движения, которое внесёт значительные изменения в русскую общественную и политическую жизнь.

Библиографический список

1. ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 52.
2. ГА РФ. Ф. 10243. Оп. 6. Д. 24.
3. Граф Н. П. Игнатьев и Православный Восток: документы, переписка, воспоминания. Т. 1: Записки о русской политике на Востоке. 1864-1887 гг. М., 2015.
4. Данченко С. И. «Русский фактор» в развитии сербской буржуазной государственности 1878-1903 // Балканские исследования. Вып. 5. Россия и славяне: политика и дипломатия. М., 1992.
5. Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1879-1881. М., 2009.

А.В. Разгребельская

Московский государственный университет

ПРОВОКАТОРСТВО В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX В. (НА ПРИМЕРЕ ДЕЛА АЗЕФА)

Россия второй половины XIX – начала XX вв. стала ареной мощного революционного движения, целью которого было ниспровержение самодержавной российской государственности. Политическая жизнь России в первом десятилетии XX в. неразрывно связана с зарождением, развёртыванием и угасанием террористической борьбы против существовавших форм государственности, проводимой наиболее непримиримыми и оппозиционно настроенными партиями и движениями. Лидером в террористической борьбе была партия социалистов-революционеров (ПСР), несмотря на то, что она не была единственной, кто провозгласил политическое убийство в качестве допустимого средства борьбы с режимом, ее успехи на этом поприще возвели эсеров в ранг самой значительной террористической организации своего времени и оправдали ее репутацию «партии террора».

Поэтому одной из главных задач департамента полиции (ДП) для борьбы с революционным движением было «наладить аппарат так называемой

секретно агентуры в рядах революционных организаций. Мастером приобретения сотрудников считался начальник отделения С.В. Зубатов, наставляя подчиненных, он говорил: «Никому и никогда не называйте имени вашего сотрудника. Сами забудьте его настоящую фамилию и помните только псевдоним» [5, с.50].

Выделяют провокаторов двух типов: полицейские агенты, вступившие в состав противоправительственных обществ, завербованные политической полицией. И действующие члены партий, услугами которых охранке приходилось пользоваться.

Образцовым экземпляром типа убежденных провокаторов была Зинаида Жученко, она, являясь членом ПСР (притом ценным и желанным сотрудником), самоотверженно была предана престолу и «вполне сознательно относилась к розыскному делу, постоянно заботясь только об интересах этого дела» [7, с.47].

В качестве примера завербованного охранкой революционера можно привести Н.Ю. Татарова, который в 1905 г. выдал ДП практически всех членов Боевой организации эсеров.

Но этих и многих других провокаторов превзошел Евно Азеф. Человек, который свыше пятнадцати лет состоял на службе в качестве тайного полицейского агента для борьбы с революционным движением и в то же время в течение свыше пяти лет был главою террористической организации.

С детства, испытывающий сильную нужду, и вновь столкнувшись с ней в студенческие годы, Азеф в 1893 г., находясь в Карлсруэ, где состоял в местном социал-демократическом кружке, решает стать информатором ДП: «Если мои сведения окажутся Вам необходимыми в дальнейшем, то я не откажусь их сообщать. Готовый к услугам покорный слуга W.Sch. (poste restante)» [3, с.14].

Вернувшись в Россию, молодой инженер сразу стал играть видную роль в революционном подполье, А.А. Аргунов, вспоминая период их знакомства, писал: «Азеф казался нам человеком мыслящим, не трусом, к которому можно обратиться за услугой, за помощью и который по своим взглядам тяготеет к нам» [1, с.161]. Несмотря на то, что на первых порах осведомленность Азефа о деятельности союза социал-революционеров не была столь значительна, он передавал ДП все сведения, которыми владел: «Говорят, что где-то ими ставится типография, так как намерены выпускать ежемесячно орган» [3, с. 52].

С ростом положения Азефа в партии, увеличивались количество и степень важности информации, которую он передавал в полицию. Азеф принял близкое участие в организации партии, после того как руководители союза «как умирающие на смертном одре» [1, с.170] передали своему «другу» все пароли, связи и явки, а главное обозначили его задачу как их представителя за границей.

После окончательного формирования партии (январь 1902 г.), он работал под крылом Г.А. Гершуни, который взял на себя особую задачу – по-

становку террора, создание обособленной, строго конспиративной группы — «Боевой организации партии с.-р.» (БО). Азеф стал правой рукой Гершуни, работая с ним, он в то же время сообщал своему непосредственному начальству о передвижениях и планах однопартийца: «Кроме того, Гранин (т.е. Гершуни) устроил, кажется, переправу через Финляндию. Между прочим, он теперь в Петербурге» [3, с.76-77].

После ареста Гершуни Азеф стал во главе БО и на этом посту завоевал безграничное уважение ЦК партии. 1903-1905 гг. принято считать наиболее успешным периодом в истории БО. Так как в это время были совершены два самых крупных политических дела — 15 апреля 1904 террористом Сазоновым был убит министр внутренних дел Плеве, а 4 февраля 1905 г. боевиком Каляевым — великий князь Сергей Александрович. По мнению Савинкова и других членов ЦК, именно Азеф был организатором этих громких дел: «Через 2 недели нас посетил Азеф и на этот раз впервые сообщил план покушения, <...> План этот принадлежал целиком Азефу и был чрезвычайно прост» [4, с.23].

Но Азеф недолго оставался на вершине. Его разоблачение произошло в 1908 г., на который пришла черед неудач БО, что вызвало волну недовольства. Многие стали предполагать, что в центре . партии есть провокатор. Это время показалось Бурцеву, яркому борцу с центральной провокацией, наиболее удачным для официального обвинения Азефа. Первоначально не поверившие и позже вынесшие своему «другу» смертный приговор члены ПСР, упустили предателя. Облечение ведущего члена партии с.-р. в службе на департамент полиции стало огромным ударом, как для революционного лагеря, так и для правительства. Болезненнее всего эта ситуация оказалась для партии эсеров, разожгла рознь внутри партии и уронила внешний авторитет.

Таким образом, отметим, что на путь провокаторства шли по разным причинам. Кто-то из любви к самодержавию и необходимости помочь царскому режиму в борьбе с революционерами, другие попадали под вербовку полиции. Азефом же руководили разные мотивы: изначально — острая нужда денег, а затем собственный страх — боязнь того, что его могут раскрыть. Он понимал, что его активная революционная деятельность, была залогом успешной полицейской. Его имидж был настолько недосягаемым, что с ним мог посоревноваться разве что только Гершуни. Азефа слепо любили и безгранично уважали, никому и в голову не могло прийти, что этот великий революционер, известный боевик может играть другую роль — роль одного из лучших агентов охраны.

Библиографический список

1. Аргунов А.А. Азеф в партии с.-р. // На чужой стороне. Берлин-Прага, 1924. № 6—7.

2. Из истории партии с.-р. Показания В. М. Чернова по делу Азефа в Следственной комиссии партии с.-р. 2 февраля 1910 г. // Новый журнал, Нью-Йорк, 1970. № 101. С.195.
3. Письма Азефа 1893—1917. Сост. Д. Б. Павлов, З. И. Перегудова. М., 1994.
4. Савинков Б.В. Воспоминания террориста. Сост. вступ. ст., примеч. В.Г. Черкасова-Георгиевского. М., 2013.
5. Спиридович А. И. Записки жандарма. М., 1991.
6. Спиридович А.И. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. Пг., 1918
7. Щёголев П. Е. Охранники, агенты, палачи. М., 1992.

А.С. Парахин

Самарский национальный исследовательский университет

ФРАКЦИЯ ОКТЯБРИСТОВ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ III СОЗЫВА (1907-1912 ГГ.)

«Союз 17 октября» был партией либерально-консервативной направленности, что определяло её положение в российском парламенте, особенно в период Государственной Думы III созыва (1907-1912 гг.).

После вступления в силу избирательного закона от 3 июня 1907 года октябристы снизили свои оппозиционные настроения и пошли на контакт с правительством, так как изначально не желали революционного изменения социально-политической системы страны [1, с.119].

В ходе работы третьей государственной думы численный состав этой фракции менялся, сначала было 139 человек, позднее 154 человека, а в завершающий период численный состав фракции составлял 120 депутатов, но несмотря на численные скачки, «Союз 17 октября» в государственной думе (1907-1912 гг.) был преобладающей политической силой [2, с.579]. По национальному составу октябристы представляли в своём большинстве восточнославянские народы. И они мало поднимали вопросы об этнических меньшинствах. По конфессиональному составу были в основном православными, но в период 1907-1912 гг. прибавилось число протестантов. В третьей думе образовательный уровень октябристов почти ничем не отличался от других фракций. Если взглянуть на профессиональную деятельность октябристов, то в основном это были крупные землевладельцы с годовым доходом не менее тысячи рублей, которые занимались предпринимательской деятельностью [3].

Стоит сказать несколько слов о выборном процессе. Примером служат выборы в Тульской губернии. Там как и во всей стране ставился вопрос о правом или левом большинстве. Политические партии на местах прибегали к самым различным комбинациям. В ходе выборов октябристы были нужны сразу двум политическим лагерям, кадеты не желали с ними союза,

так как у них были идеологические разногласия, но они планировали его, чтобы ослабить правых. Однако, такого не произошло [4, с.153-154].

Октябристский ЦК не занимался активной работой с местными отделениями [5, с.8].

Н.В. Савич вспоминает о том, что октябристы желали поставить на пост думского председателя своего человека, для этого вели долгие переговоры с правыми [6, с.28]. В итоге правые согласились с октябристами в том, что последние получают два руководящих места, а первые получают три места [6, с.31].

Необходимо рассмотреть законодательную работу депутатов фракции «Союз 17 октября». Октябристы не оставляли без внимания вопросы социального развития. Особенно подчеркивали важность увеличения государственных вложений в образование, в частности, депутат Еропкин говорил министру финансов, что это принесёт пользу в будущем.

Для решения разных вопросов в Государственной думе действовали 29 комиссий, в 12 из них октябристы занимали руководящие посты, например, бюджетную комиссию возглавил Алексеенко М.М., комиссию по обороне возглавил А.И. Гучков и т.д. [8, с.70]

А.И. Гучков говорил, что революционной ситуации можно избежать с наименьшим применением полицейских охранительных мер, для этого, по их мнению, необходим конструктивный диалог с властью [9, с.161].

Он также задумывался по поводу улучшения обороноспособности страны. По его мнению, нужно повысить жалование офицерам и улучшить условия жизни в казармах, необходимо улучшить полевое железнодорожное сообщение, на что потребуется 31 миллион рублей. Для улучшения артиллерии нужно формировать гаубичные батареи [10, с.66].

Если рассмотреть работу депутатов-октябристов по вопросам внешней политики, то стоит рассмотреть их взгляды на дальневосточную политику. Лидер фракции выражал тревожную озабоченность японской активностью на дальневосточной территории, при этом не только военной. В то же время Китай отказался дать России право беспощинной торговли, в итоге они взяли курс на поддержку власти. [11, с.50] Если изучить взгляд октябристов в целом на Дальний Восток, то они желали его развивать и использовать максимально все, имеющиеся в нём ресурсы. Октябристы понимали, что Россия больше не сможет в полной мере использовать КВЖД, поэтому появилась идея о постройке железнодорожной линии вдоль Амура, они предложили переселить туда русских людей из других губерний, но сделать там нормальные условия жизни. По мнению Н.В. Савича, строить дорогу должны только русские подданные, так как деньги не будут уходить за рубеж.

В итоге следует сказать, что октябристы определяли всю политику Государственной думы, т.к. без их голоса не было принято ни одно решение, они поднимали широкий перечень вопросов, однако многие фракции считали их недостаточно оппозиционной силой.

Библиографический список

1. Павлов Д.Б., Шелохаев В.В. Союз 17 октября // Политические партии России: история и современность / под ред. А.И. Зевелева, Ю.П. Свириденко, В.В. Шелохаева. М., 2000.
2. Дёмин В.А. «Союз 17 октября» фракция // Государственная Дума Российской империи, 1906-1917: энциклопедия / Гос. дума Федер. собр. РФ [и др.]; редкол.: Шелохаев В. В. (отв. ред.) [и др.]. Москва., 2008.
3. Кирьянов И.К., Лукьянов М.Н. Парламент самодержавной России: Государственная Дума и ее депутаты, 1906 – 1917. Пермь: Изд-во Пермского университета, 1995. – 168 с. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/BOOKS/DUMA/INTRO.HTM#13>
4. Полосина Н.О. Конституционно-демократическая партия и «Союз 17 октября» в политической жизни великорусской провинции 1905-1917 гг. (по материалам Тульской губернии): дисс...канд. ист. наук. Тула, 2010.
5. Шелохаев В.В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии, 1907-1914 гг. / под. ред. В.В. Шелохаев. М., 1991.
6. Савич Н.В. Воспоминания. / Вступит. статья Н. Н. Рутыча; Биографич. справочник А.В. Терешука. СПб., Дюссельдорф. 1993.
7. Рохас Пардо Мануэль Умберто Социальная программа партии «Союз 17 октября» и ее реализации в Государственной Думе России, 1906-1914 гг.: дисс... канд. ист. наук. Воронеж, 2003.
8. Речь А.И. Гучкова в Думе 22 февраля 1910 года // Российские либералы: кадеты и октябристы / под. ред. Д.Б. Павлов, В.В. Шелохаев. М., 1996.
9. О проекте сметы доходов и расходов Военного министерства на 1908 год (из стенограммы заседания 27 мая 1908 года) // Избранные выступления депутатов Государственной Думы с 1906 года до наших дней / под ред. С.Е. Нарышкина. М., 2013.
10. Илюхин М.Ю. Дальневосточная политика российской империи в заседаниях государственной думы (III – IV созывы) // Ученые записки Орловского государственного университета. № 5. 2012. С. 46-52.
11. О законопроекте о приступе к сооружению Амурской железной дороги распоряжением казны и за её счёт // Избранные выступления депутатов Государственной Думы с 1906 года до наших дней / под ред. С.Е. Нарышкина. М., 2013. – С.43-50.

А.С. Романова

Самарский национальный исследовательский университет

КРИЗИС МОНАРХИЧЕСКОЙ ИДЕИ В ВЫСШИХ КРУГАХ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Самодержавный строй всегда был основан на монархической идее, которая представляла собой почитание монарха и его единоличной власти, когда монарх воспринимался не как простой человек, а как «Помазанник

Божий». Конец XIX — начало XX века характеризуется кризисом монархического мировоззрения, который предшествовал и привел к февральским событиям 1917 года. Процесс десаκραлизации личности последнего русского императора Николая II, начавшийся в великосветских кругах, представляет большой интерес, так как позволяет установить прямую связь между последующими событиями, когда генералы и окружение Николая II, несмотря на данную присягу, единогласно высказались за его отречение.

Такие явления как «десаκραлизация личности императора» и «кризис монархического мировоззрения» тесно связаны и вытекают один из другого. Десаκραлизация личности императора — это кризис религиозного восприятия личности монарха, отрицание его божественного служения. Этот процесс, в свою очередь, приводит к изменению отношения к самой монархии и проявляется в кризисе монархического мировоззрения, то есть в отказе от почитания власти монарха, от веры в ее божественное происхождение. Сам собой напрашивается вывод, что «падению монархии предшествовало крушение монархизма как мировоззрения» [2, с. 372].

Процесс десаκραлизации личности начался в конце XIX века в великосветских кругах, при дворе императора Николая II. Об этом можно судить по тому, что огромное количество лживых слухов о царской семье рождалось именно в салонах и уже оттуда попадало на улицы. Например, Булдаков В. пишет о том, что «стремление опорочить власть в придворной среде приобрело какой-то навязчивый характер. «Сегодня мы распускали слухи на заводе, что Императрица спаивает Государя, и все этому верят», — хвастались светские дамы» [1, с. 51].

В качестве источников при изучении этой темы использовались воспоминания приближенных Николая II. Это воспоминания Воейкова В.Н., являвшегося с 1913 года дворцовым комендантом, а также Мосолова А.А., который в 1900—1916 годах был на должности начальника канцелярии — Министерства императорского двора. Также важно отметить и отношение к императору и монархии некоторых членов императорской фамилии, например великих князей Николая Михайловича и Сергея Михайловича.

Воспоминания Воейкова и Мосолова были написаны уже за границей, в эмиграции. Позиции этих авторов касательно личности последнего русского императора несколько отличаются. Например, характерно то, как оба автора называют императора Николая II в своих воспоминаниях. Воейков на протяжении всего повествования именуется его не иначе как «Государь» и «Его Величество», тогда как Мосолов зачастую пишет просто «царь» или «Николай II». В отличие от Мосолова, Воейков не дает отдельной характеристики царя, ограничиваясь общим описанием образа жизни, отдельных поступков. У Мосолова в его воспоминаниях характеристике личности царя выделена значительная часть [5, Глава I], где автор довольно смело описывает характер, мировоззрение и личные качества царя, то есть подвергает осмыслению и критике личность Николая II, чего нельзя на-

блюдать в трудах Воейкова. Но при этом, оба автора остаются убежденными монархистами и говорят о своей преданности царю, а Мосолов описывает свою попытку спасти царскую семью [5, с. 221- 222].

Интересно отношение к императору Николаю II членов императорской фамилии. Ведь престиж императора и его власти во многом поддерживался его родственниками, которые в начале XX века изменили этой традиции. Показательна реакция членов императорской фамилии на вступление Николая II на пост верховного главнокомандующего, на основе этого и других инцидентов можно сказать о том, что решения императора теряют былой авторитет и начинают подвергаться критике. А Воейков пишет: «Члены императорской фамилии утратили всякую меру самообладания», что выразилось в критике, как самого царя, так и царского режима. «Ярко выступало недоброжелательство к личности монарха; даже после отречения государя от престола великий князь Сергей Михайлович пишет своему брату великому князю Николаю Михайловичу: «Самая сенсационная новость – это отправление полковника со всей семьей в Сибирь. Считают, что это очень опасный шаг правительства – теперь проснутся все реакционные силы и сделают из него мученика. На этой почве может произойти много беспорядков» [3, с. 209].

Известны случаи поддержки революции великими князьями Кириллом Владимировичем и Николаем Михайловичем еще до отречения Николая II [2, с. 361-362]. Характерно поведение членов династии Романовых после отречения Николая II, когда он вместе с семьей находился в Царском Селе под арестом. «Ни «Михайловичи», ни «Владимировичи», ни «Николаевичи» ни разу не проявили интереса и даже ни одного письма не написали» [2, с.362].

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что процесс десакрализации личности императора Николая II и соответственно кризис монархического мировоззрения начался в высших кругах российского общества, составлявшего до этого момента опору самодержавного строя.

Библиографический список

1. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.
2. Боханов А. Николай II. М., 1997.
3. Воейков В.Н. С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М., 1995.
4. Колоницкий Б. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010.
5. Мосолов А.А. При дворе императора. Рига, 1938.

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРАТОРСКАЯ ФАМИЛИЯ В ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ НИКОЛАЯ II

В конце XIX века в состав императорского дома входило около 50, а к началу 1917 года — более 60 персон. Это было небольшое, но чрезвычайно влиятельное сообщество, представители которого занимали многие важные посты в государственном аппарате и оказывали большое воздействие на различные стороны внешней и внутренней политики империи [1, с. 150].

Уже при Александре II окончательно формируется институт императорской фамилии, уже не просто как семейная организация, а как субъект политической системы империи. Период правления трех последних русских императоров действительно можно назвать «семейным правлением». Складывается мощная «великокняжеская номенклатура», которая считала, что она ответственна за страну вместе с императором и имеет право на соучастие в управлении [3, с. 43]. В 1886 году император Александр III внес изменения в династическую практику. Если раньше все потомки императора имели звания великих князей, титуловались императорскими высочествами и имели право получать ежегодное денежное содержание, то после 1886 года это право получили лишь дети и внуки императора. Остальные же именовались «князьями императорской крови», титуловались просто «высочествами» [1, с. 150].

С 1797 по 1917 г. в составе императорской фамилии было 6 императоров и 6 императриц, 31 великий князь, 17 великих княгинь, 30 великих княжон (из них 5 стали русскими великими княгинями), 14 князей императорской крови, 1 княгиня крови и 12 княжон. Всего — 112 человек. У Николая I и императрицы Александры Федоровны (прусской принцессы Луизы) родились 4 сына и 3 дочери. Они и были основателями пяти основных ветвей царской фамилии: Александровичи от императора Александра II, Константиновичи от великого князя Константина Николаевича, Николаевичи от великого князя Николая Николаевича старшего, Михайловичи от великого князя Михаила Николаевича и герцоги Лейхтенбергские от великой княгини Марии Николаевны. В свою очередь, у Александра II и императрицы Марии Александровны (гессен-дармштадтской принцессы Марии) было 8 детей: 6 сыновей — Николай, Александр, Владимир, Алексей, Сергей, Павел, дочери — Мария и Александра [3, с. 14].

Император Николай II вступил на престол, когда здравствовали влиятельные четыре брата его отца: Владимир (1847—1909), Алексей (1850—1908), Сергей (1857—1905), Павел (1860—1919) и двоюродный дед Михаил Николаевич (1832-1909). Кроме великого князя Павла, все остальные име-

ли видные должности в государственном управлении. Воспитанный в духе безусловного почитания старших, Николай II первые годы во многом находился под влиянием старших в роду и, хотя далеко не всегда внутренне одобрял навязывавшиеся ему решения, боялся отказом обидеть дорогих родственников [1. С. 153]. Можно выделить несколько направлений механизма влияния членов фамилии: непосредственно политическое влияние, личная служебная деятельность, воздействие на кадровую политику монарха, информационная и регентская функции. Механизм влияния семейства был очень сложным, часто опосредованным. Если юридический статус и материальное положение великих князей было оговорено в специальном законе, то неформальный институт влияния не был оформлен в каком-либо документе [3, с. 44].

Современник и непосредственный участник событий, придворный чиновник А.А. Мосолов, желая указать политическую роль, сыгранную членами царской семьи, в своей книге упоминает о том, что государь недолюбливал политических разговоров, а тем более с родственниками. Исключением являлись лишь великая княгиня Мария Павловна, а также две черноморские княгини, Милица и Стана Николаевны, всегда готовые давать политические советы [4. с. 166]. К примеру, в одном из писем Николаю II Милица Николаевна обращается к вопросу о том, “желательно ли, чтобы разграничение между Черногорией и Сербией было сделано Россией” [5. с. 38]. Кроме того, как пишет А.А. Мосолов, дворы Милицы и Анастасии Николаевны были центрами обмена мнений по международным вопросам. Но влияние у государя не было пропорционально их ревнию. Обе сестры Его Величества держались совершенно в стороне от государственной жизни. Большинство же других женских членов династии вступили в иностранные браки, жили за границей и лишь изредка гостили при дворе [4. с. 166].

С начала XX века императорская фамилия не осталась в стороне от процессов демократизации общественных отношений в целом, которые бурно проходили в стране. Один за другим великие князья оставляют военную службу, целиком уходя в общественную, научную и благотворительную деятельность, их оставшиеся должности часто носят декоративный характер. Они вступают в браки без разрешения императора, разводятся или остаются холостыми, тем самым устраивая свою личную жизнь самостоятельно [3. с. 46]. Так великая княгиня Ольга Александровна в 1916 году объявила о желании связать свою жизнь с адъютантом своего номинального принца мужа, то ни у кого из Романовской семьи не нашлось ни одного слова осуждения намечающегося мезальянса. Мать одобрила это решение и была счастлива за младшую дочь, познавшую наконец и настоящую любовь, и радость материнства. В декабре 1916 года Мария Федоровна писала Николаю II из Киева: «Такая радость видеть ее сияющей от счастья, слава Богу... И он очень мил, натуральный и скромный» [2. с. 5-6].

Подводя итоги, хотелось бы сказать, что императорская фамилия в годы правления Николая II, несмотря на свой высокий статус и многочисленность, постепенно утрачивала свой политический вес. Об этом также говорит и то, что в это время многие члены императорской семьи стали заключать браки, руководствуясь личными симпатиями, а не интересами государства.

Библиографический список

1. Боханов А.Н. Николай II. М., 1997.
2. Боханов А.Н. Мария Фёдоровна. М., 2013.
3. Кузьмин Ю.А. Российская императорская фамилия. Спб., 2011.
4. Мосолов А.А. При дворе последнего императора. М., 2016.
5. Николай II и великие князья под ред. В.И. Семенникова. Л-М., 1925.

Е.Д. Голева

Самарский государственный институт культуры

«ПРОБУДИТЬ ВО ВСЕХ КЛАССАХ НАРОДА ДУХ ГРАЖДАНСКОЙ ЖИЗНИ»: ИНИЦИАТИВЫ ОБЩЕСТВЕННОСТИ И АДМИНИСТРАЦИИ САМАРЫ В СЕРЕДИНЕ XIX В.

В середине XIX в. Россия переживет общественный подъём, вызванный сначала патриотическими настроениями во время Крымской войной, а затем восшествием на трон Александра II, общей либерализацией обстановки, подготовкой радикальных преобразований. В 1851 г. произошло преобразование Самары в губернский центр. Придание городу нового статуса дополнительно стимулировало активность общества во всех сферах жизни Самары. В нем появились такие средства реализации общественных интересов, как периодическая печать, типографии, библиотеки т.д. Находившиеся у власти сторонники реформ стремились «пробудить во всех классах народа дух гражданской жизни», важную роль в этом играли самарские и столичные газеты [2, с. 158, 160]. Заметный вклад внесли также корреспонденты научных обществ, особенно Русского географического (РГО) [11, с. 36].

Самарскую губернию в 1853-1860 гг. возглавлял К.К. Грот. Он подчеркивал, что свои действия он старался согласовать с потребностями и активностью местного общества. Представители дворянства участвовали в решении и местных задач, и в обсуждении поднимавшихся общегосударственных вопросов. Только «благородное» сословие было призвано верховной властью к разработке Великой реформы. «Самарские губернские ведомости» сообщали в 1858 г., что «члены комитета для улучшения быта помещичьих крестьян, собрав по своим уездам предварительные сведения о положении помещичьих имений, съехались в губернский город для открытия

заседаний комитета». В речи на его первом заседании К.К. Грот заявил о будущем «освобождении от крепостной зависимости» и «даровании гражданских прав крепостным людям» [8].

Яркой демонстрацией готовности самарской общественности к решению общегосударственных задач, осознания необратимости происходящих изменений стал так называемый «студенческий обед». Он состоялся 19 февраля 1859 г. На нем собрались чиновники и интеллигенты – выпускники различных университетов. В этой встрече участвовал видный российский публицист, общественный деятель, активный сторонник и деятель крестьянской реформы Ю.Ф. Самарин, были его самарские единомышленники, посетил ее и губернатор К.К. Грот. «Всех занимающий вопрос – освобождение России от крепостного права еще не вполне разрешен, а плоды его уже видны», – сказал в своей речи на обеде один из сторонников освобождения крестьян А.А. Шишков, имея в виду перемены в сознании под воздействием обсуждения главной темы дня [7].

Основной заслугой К.К. Грота перед Самарской губернией стало расширение культурного и образовательного пространства этой части русской провинции. Он использовал не только свой «административный ресурс», но и старался вызвать встречные шаги местной общественности, прежде всего, органов самоуправления, в котором ведущую роль играли купцы и мещане [3, с. 203-204]. Губернатор отмечал заслуги городского головы, известного в Самаре коммерсанта и благотворителя В.Е. Буреева [12]. Взаимная поддержка администрации и самоуправления особо подчеркивалась местной прессой [8].

Именно при К.К. Гроде с участием общественности в Самарской губернии росло число начальных приходских училищ в городах и на селе. Были открыты средние учебные заведения: мужская гимназия в 1856, духовная семинария в 1858 г., женское училище 1-го разряда – будущая женская гимназия в 1859 г.

В России середины XIX в. шел процесс формирования гражданского общества. Под этим понимается возникновение «относительно свободной от государственного принуждения сферы жизни» [9, с. 5-6]. Важным признаком этого процесса наряду с проявлениями общественного мнения и выступлениями прессы, стало возникновение различных добровольных ассоциаций [4, с. 164, 172-173]. В Самаре появление первых организаций общественности было тесно связано с педагогической интеллигенцией, число представителей которой выросло после открытия новых учебных заведений [10, с. 362].

В 1859 г. было открыто филармоническое общество. Инициатором его создания стал «младший учитель Самарской гимназии Матьё» [5, л. 1-1 об.].

Еще больший отклик в городе вызвало предложение о создании воскресной школы для тех, кто не смог получить образование за школьной партой, в основном для молодых работников ремесленных мастерских. Эту идею выдвинули штатный смотритель (то есть директор) уездного училища

И.К. Лавров и учитель того же училища Я. Кучин. Преподавателями этой школы стали учителя гимназии и других учебных заведений города, различные поборники просвещения: семинаристы, гимназисты, чиновники, медики [10, с. 364-365].

Самарские учителя серьезно занимались сбором фольклорных материалов, привлекая к этому делу своих учеников. Они печатали статьи в газетах и журналах, в том числе Петербурга и Москвы [1, с. 71-72].

Таким образом, можно наблюдать на примере Самары, как постепенно общественная деятельность по решению местных вопросов, улучшения условий жизни и хозяйства населения города вела к повышению его гражданской активности, более четкому функционированию органов местной власти и самоуправления. В середине XIX в. эта активность стала распространяться на более масштабные задачи. Среди них были совместные меры общественности и властей по реализации планов развития народного просвещения в целом и женского образования в частности, разработка крестьянской реформы. Эти дела стали достойным вкладом жителей Самарской губернии в реализацию общероссийских преобразований, осуществленных в правление императора Александра II.

Библиографический список

1. Артамонова Л.М. В начале самарской науки: самарские учителя середины XIX века и их ученые занятия // Модернизация культуры: идеи и парадигмы культурных изменений. Материалы Межд. науч.-практ. конф. Самара, 2013. Ч. 2. С. 65-73.
2. Артамонова Л.М. Образ Самары как нового губернского города в русской печати и публицистике середины XIX века // Модернизация культуры: идеи и парадигмы культурных изменений. Материалы Межд. науч.-практ. конф. Самара, 2014. Ч. II. С. 152-161.
3. История Самары (1586 -1917 гг.). Самара, 2015. 480 с.
4. Миронов Б.Н. Добровольные ассоциации и гражданское общество в позднеимперской России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Т. XI. № 3. С. 164-176.
5. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 92. Оп. 1. Д. 7640.
6. Самарские губернские ведомости. 1858. № 15. Часть неоф.
7. Самарские губернские ведомости. 1858. № 36. Часть неоф.
8. Самарские губернские ведомости. 1858. № 40. Часть неоф.
9. Сафонов А.А., Туманова А.С. Гражданское общество как аналитическая категория для исследования состояния общества позднеимперской России: новое прочтение старой дискуссии // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2006. № 3-2 (43). С. 5-12.
10. Смирнов Ю.Н. Воздействие социального и культурного пространства провинциального города на формирование элементов гражданского общества (по материалам Самары в эпоху подготовки и реализации Великих реформ)// Модернизация культуры: от культурной политики к власти культуры. Материалы IV Межд. науч.-практ. конф. Самара, 2016. Ч. 1. С. 358-370.

11. Смирнов Ю.Н. «Просвещенная бюрократия» в провинции накануне великих реформ: сотрудник самарского губернатора Грота Н.А. Воронов и его вклад в региональные исследования середины XIX века // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2016. № 1 (134). С. 28-39.

12. Черкасова М.В., Фролова К.В. Деятельность городского головы Самары В.Е. Буреева (по документам ЦГАСО) // Городская культура и город в культуре: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. Самара, 2012. Ч. 1. С. 275-283.

Д.Г. Телеш

Самарский национальный исследовательский университет

ВОПРОСЫ ВОЙНЫ, МИРА И МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1910-Х ГГ. ГЛАЗАМИ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ (НА ПРИМЕРЕ САМАРЫ)

Начало XX века ознаменовалось для нашей страны целым рядом событий, некоторые из которых имели весьма масштабный размах и далеко идущие последствия. При этом, чтобы не происходило в мировой истории, всё то непременно находило живой отклик у простого русского населения, зеркалом мнения которого стали провинциальные газеты. И если в плане обсуждения политики и войны явно проскальзывала некоторая наивность, то по бытовым проблемам высказывались уже более осмысленные с различных позиций вещи, и некоторые из них имели большое значения для развития Самарской губернии в целом. Так, одной из наблевших тем было образование.

И здесь разговоры принимали всевозможные разнообразнейшие формы. К примеру, в газете Волжское слово [1] публиковались заметки, насущной темой которых было распространение и доступность женского образования. Ратовали за расширение прав вольнослушательниц, допущение их к государственным экзаменам, приём девушек в ветеринарные институты, развитие альтернативного высшего образования для женщин. Причём в итоге они могли стать полноценными государственными служащими — с одних естественно-научных курсов для девушек, на службу ежегодно поступало более 100 человек [2, с. 22-28].

Ответвлением данной темы было обсуждение вопросов начального образования, к примеру, народный учитель А.А. Еловиков [3] публично указывал на отсутствие системного подхода ни в проведении лекций, ни в подборе учебных материалов, на низкий уровень подготовки учителей, и конечно, проблему не столько умственного, сколько духовного и морального воспитания.

Одной из не менее острых тем как в военные, так и довоенные годы была проблематика детских домов, а также подкидышей. Газеты рисовали крайнюю беднота, увеличившееся число сирот, часть из которых изгоня-

лась, и конечно, проблемы передачи детей на руки благодетелей. Но особенно критичной ситуация стала во время боев. Так, число погибших солдат и военных руководителей только росло, но всевозможную помощь и поддержку в воспитании оказывали именно детям обеспеченных родителей.

Также начало XX века отличается критичностью в плане отношения одних представителей общества к другим. И во время войны обострился вопрос отношения к евреям и немцам. И если первые были просто часто биты [4], то с началом боевых действий вспышки национализма приводили к созданию целых толп простого народа, который волной накрывал немецкие кварталы и громил их с неистовой яростью русского человека.

Однако здесь нельзя не сказать о том, чем же была война в своём начале для нашего населения? Переломный для жителей России 1914 год вывал целую волну настроений. Победу видели делом чести, делом защиты славянства от германизма. Воинственные настроения [5] подогревались острыми публикациями, и крики немецкой толпы «Смерть русским! Долой русских!» не могли не вдохновить российского обывателя на ответную реакцию. Не прочесть о войне было невозможно – изменились структуры газет, появился особый раздел: война и влияние войны в Самаре. С самых первых дней была развита активная деятельность: за ушедших в армию убирали поля, в их поддержку организовывались кружечные сборы, шло обеспечение предметами первой необходимости. Но не всё было столь радужно.

Сложная социальная и политическая ситуация усугублялась глубоким продовольственным кризисом, выразившимся в чередовании роста цен на продукты и сильными засухами и морозами, из-за чего гибло зерно. И совсем по-особому встал этот вопрос в Самаре, ведь уже с начала 1912 года статьи о голоде в Поволжье не исчезали со страниц [6].

Другим бичом войны, который, как и гибель зерна, начал свирепствовать на просторах Поволжья ещё до 1914 г., стали эпидемии, которые обострились с приходом войны, когда в Самарскую губернию стали привозить раненых с фронта вкуче с большим количеством беженцев. В эти годы начинает свирепствовать чума вкуче с тифом и туберкулёзом. Но здесь нельзя не подчеркнуть те явления, которые послужили основой для высокого уровня заболеваемости и количества смертей. Из основных можно выделить два: это антисанитария и массовый голод, вызванный как как недостатком провианта [7].

Одним из немаловажных факторов высокой смертности и большого количества заболеваний было также и повальное пьянство. Причём распространено оно было в высоких процентах не только в деревнях, но и у молодой интеллигенции и даже у детей.

В итоге война со всеми её ужасами оказала сильнейшее влияние на жизнь русского провинциального общества. Особенно тяжким стали годы сражений для Поволжья, в котором голод и рост цен на провизию служил основой для повальной смертности. Но даже в полном отчаянии люди умуд-

рялись находить что-то положительное, цеплялись за малейшую возможность поднять патриотический настрой жителей города, подарить надежду, даже чем-то обрадовать или смягчить боль от утраты [8]. И даже в час самых страшных испытаний они стремились помочь ближнему, искренно заботились об угнетённых и крепко помнили главные ценности православия [9, с. 248-252].

Библиографический список

1. Волжское слово. 13 января 1910 г. №757.
2. Г.В. Гарбуз. Женщины на госслужбе в России в начале 20 в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2009. №2 (10).
3. Волжское слово. 15 января 1910 г. №759.
4. Волжское слово. 12 января 1910 г. №756.
5. Волжское слово. 9 августа 1914 г. №2048.
6. Голос Самары. 5 января 1912 г. №4.
7. Голос Самары. 18 мая 1912 г. №104.
8. Волжское слово. 20 августа 1914 г. №2056.
9. Саакян С.В. Христианские и организационные основы деятельности городского попечительства о семьях воинов первой мировой войны (Самара, 1914-1917 гг.) // Сборник X Всероссийской (с международным участием) ежегодной научно-практической конференции студентов, магистрантов и аспирантов «Кирилло-Мефодиевских чтения в СамГТУ». Самара, 2014.

О.Е. Горбунова

Самарский государственный медицинский университет

ПОЛНОМОЧИЯ «КОМИССИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК ПО БОРЬБЕ С ЛЖЕНАУКОЙ И ФАЛЬСИФИКАЦИЕЙ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

В современной России тема паранаучных представлений чрезвычайно актуальна как предмет специального научного изучения. В 90-е гг. XX в. упразднение государственного надзора, распад научно-популяризаторской работы и слабая развитость институтов гражданского общества привели к расцвету различного рода ненаучных (квазинаучных) представлений, претендующих на научное объяснение картины мира. От научного знания их отличает отсутствие критического отношения к познаваемому объекту и непроверяемость полученных результатов [2].

Круг околонучных представлений довольно широк и распространяется на объяснения явлений как социального, так и природного мира. Рассматривая изобилие всякого рода умозрительных посягательств на научное объяснение современной и прошлой действительности, становится важным определение источников формирования лженаучных представлений, включая

мотивы их появления, состав, механизмы распространения и, безусловно, анализ влияния на систему образования и институты власти, а в широком социокультурном значении на общественное сознание.

Важной частью анализа квазинаучных представлений являются меры, предпринимаемые российским обществом, против создания и распространения около научных мифов. В данном контексте большой интерес представляет созданная Комиссия по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований при Президиуме РАН.

Источником для написания данной статьи стали сборники бюллетеня «В защиту науки», выпускаемые Комиссией под редакцией академика Е.Б. Александрова.

Определяя действительный и потенциальный круг задач Комиссии, Е.Б. Александров пишет: «в качестве борьбы с шарлатанством РАН должна инициировать федеральный закон, обязывающий правительство направлять на научную экспертизу любой наукоёмкий проект, финансируемый из бюджета», а также отмечает, что круг реальных полномочий Комиссии ограничен. Так, настоящее время комиссия не имеет никаких особых полномочий (Комиссия не занимается оценками текущего научного процесса – это дело научных советов и редакционных коллегий научных журналов). Она выполняет отдельные поручения правительства и в некоторых случаях инициативно реагирует на публикации в СМИ относительно наиболее амбициозных научно-технических проектов. Е.Б.Александров критически оценивает статус самой Комиссии: «Комиссия не имеет никаких административных рычагов – мы можем только высказать своё мнение и привлечь внимание».

В общественно-политическом сообществе сложилась критическая оценка деятельности самой Комиссии. Например, СМИ обвиняли Комиссию в том, что она «режет» все проекты, которые попадают сотрудникам в руки [1, с.24].

Как отмечает А.А. Ивин, квазинаучные представления довольно устойчивые явления в современном общественном сознании. Их интенсификация связана с кризисными периодами общественно-исторического развития, когда происходят изменения информационной, идеологической и культурной картины мира. Социопсихологической основой для их появления становятся неуверенность, сомнения и информационно-ценностный вакуум [3].

Рассмотрев научные подходы к исследованию данной проблемы, можно отметить, что претенденты на научные открытия чаще всего выбирают глобальные проблемы общественного миропорядка и/или природного мира. Роль Комиссии РАН состоит в информационном противодействии. Используя СМИ, ученые показывают научную несостоятельность паранаучных мифотворцев. Сдерживающим фактором работы Комиссии является слабое финансирование. В последнее время деятельность Комиссии стала предметом повышенного внимания российских властей.

Практическая значимость деятельности Комиссии несомненна. Вопросы развития общества должны решаться совместно с научным сообществом, выполняющим экспертные задачи. Реформы как науки, так и самого общества должны осуществляться с привлечением учёных, от таланта и знаний которых зависит повышение уровня образования, экономики, культуры и общего благосостояния россиян.

Библиографический список

1. В защиту науки / [отв. редактор Е.Б. Александров]; составители Е.Б. Александров, Ю.Н. Ефремов; Комиссия РАН по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований. Москва, 2016. № 18 [электронный ресурс] http://klrnran.ru/wp-content/uploads/2016/10/BVZN_18.pdf (дата обращения: 5.11.18).
2. Губин В.Б. О методологии лженауки : [Сб. ст.] / В.Б. Губин. М., 2004.
3. Ивин А.А. Наука, паранаука и псевдонаука. От алхимии к химии, от астрологии к астрономии. М., 2016.

М.С. Герасимова

*Самарский государственный
социально-педагогический университет*

ЗАРУБЕЖНЫЕ ВЫСШИЕ ВОЕННО-НАУЧНЫЕ КУРСЫ ГЕНЕРАЛА Н.Н. ГОЛОВИНА: ФОРМИРОВАНИЕ ВОЕННЫХ КАДРОВ БУДУЩЕЙ РУССКОЙ АРМИИ ПОД ЭГИДОЙ РОВС

Русский общевоинский союз стал преемником традиций русской императорской армии в Зарубежье. Актуальной для генерала П.Н. Врангеля была проблема кадров и дисциплины. Начало решения кадровой проблемы было положено ещё на берегах Галлиполи, когда для юнкеров продолжалось обучение в «школах под открытым небом». Приведя Армию на Балканы, а затем и в другие европейские страны, Врангель не оставлял этот вопрос без внимания. С просьбой открыть курсы Военной академии, Врангель обратился в 1921 г. к генерал-лейтенанту Николаю Николаевичу Головину, одному из наиболее авторитетных профессоров Николаевской военной академии. Однако на тот момент, ни в Болгарии, ни в Королевстве СХС открыть эти курсы не удалось, но проект разрабатывался в перспективе. Головин Н.Н. вместе с вел. кн. Николаем Николаевичем готовил обобщающий труд по боевому опыту мировой войны «Мысли об устройстве будущей Российской вооружённой силы» – учебное пособие для подготовки офицерских кадров. В 1923 г. Врангелем было утверждено «Положение о высших курсах военного самообразования» с целью формирования резервов военных кадров Русской армии [2, с. 46]. В 1925 г. кружков самообразования существовало уже 52, объединивших 550 слушателей. Генерал

Врангель издал в 1926 г. циркуляр о приёме молодых эмигрантов в войсковые части и полковые объединения в качестве кандидатов. 22 марта 1927 г. в Париже в зале Союза галлиполийцев были открыты Зарубежные военноподготовительные курсы, (через год, 22 марта 1928 г. вел. кн. Николай Николаевич переименовал Курсы в «Высшие») [5, с. 5] которые ставили своей главной задачей осуществить подготовку и переподготовку офицеров по программам Генштаба. Курсы успешно работали в Париже (до 1939 г.), в Белграде (до 1944 г.) [1, с. 76-78]

За основу деятельности курсов было принято положение об Императорской Николаевской военной академии 1910 г. Учебный процесс был рассчитан на 4,5-5 лет, делился на два класса (младший, старший) и дополнительный курс по изучению стратегии в масштабах государства [2, с. 47]. На младшем курсе читали лекции и проводили практические занятия по тактике родов оружия (пехота, кавалерия, артиллерия), а на старшем проводили военные игры в рамках крупных боевых соединений (дивизия) и в условиях современного боя [7, с. 15].

Слушатели были разбиты на шесть учебных групп в соответствии с уже имевшейся у них подготовкой. Группы А-1, А-2 и А-3 составляли кадровые офицеры (по замечаниям самого Головина, самой подготовленной группой была А-1, составленная из Кружка высшего самообразования, работавшего два года под его руководством), группы А-4 и А-5 составляли офицеры военного времени, а офицеры «производства гражданской войны» — А-6 [5, с. 16].

Главной методологией Курсов стало прикладное значение теоретических знаний: «знание для военного имеет ценность только тогда, когда он умеет его применять» [5, с. 6]. Занятия рассчитывались на 800-часовую программу, половину из которых составляли лекции, полностью курс предполагалось освоить за 50-52 месяца. Занятия проводились два раза в неделю в период с 21:00 до 23:00 в основном по вторникам и четвергам [3, с. 427]. Русский писатель Л.Д. Любимов писал: «Офицеров (рабочих или шоферов такси) бывшие генералы и полковники генерального штаба — в большинстве тоже шоферы или мелкие служащие — обучали военным наукам по полной программе царской военной академии» [6, с. 152-153].

На курсах преподавалось порядка 25-26 научных военных дисциплин, от Стратегии до Мобилизации промышленности. Читали лекции и проводили практические занятия по дисциплинам — Тактика артиллерии, Тактике пехоты, Боевая химия, Служба ген. штаба, Служба радиотелеграфа, Военно-инженерная оборона государства, Общая история мировой войны 1914-1918 гг. и др. [5, с. 6].

В 1930-е гг. на курсы поступало немало эмигрантской молодёжи, уже получившей среднее образование за границей. По приказу генерала Миллера, лицам, окончившим ЗВВНК, после сдачи экзаменов присваивался чин подпоручика [4, с. 180].

Первый выпуск (23 офицера) состоялся 26 марта 1932 г. [2, с. 49]. По инициативе Н.Н. Головина при Белградских военно-научных курсах в 1936 г. был создан «Русский военно-научный институт», а в Париже в 1938 г. создан «Институт по исследованию проблем войны и мира». Военное образование эмигрантов в Париже продолжалось до сентября 1939 г., за 11,5 лет через курсы прошли свыше 400 офицеров (высшее образование получили 82). В Белграде Курсы и Институт проработали до 1944 г. и провели 6 выпусков за 13 лет, обучалось здесь примерно 200 офицеров, полный курс из которых освоили 77 человек [3, с. 427].

В неизбежную войну с большевизмом в эмиграции верили все. Именно для этой цели было затрачено большое количество средств и времени на подготовку и повышение квалификации военных кадров. Было необходимо переосмыслить опыт Первой мировой и Гражданской войн, понять причины неудач, разработать план дальнейших действий. Эмиграция считалась лишь временным отступлением, во время которого нужно было собраться с силами для скорой новой борьбы.

Библиографический список

1. Александров К. Ревнитель Военных знаний. Эмигрантские дороги Николая Головина. // Родина. 2009. №4. С. 76-78
2. Ганин А.В. Подготовка кадров генерального штаба в русской эмиграции межвоенного периода (1921-1939 гг.) // Военно-исторический журнал. 2015. № 11.- С. 46-51
3. Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне / Заключит. статья И.В. Образцова. – М., 2001.
4. Гончаренко О.Г. Изгнанная армия. Полвека военной эмиграции. 1920-1970 гг. / О.Г. Гончаренко. М., 2012.
5. Зарубежные Высшие Военно-Научные Курсы генерала Головина. Париж, 1931.
6. Любимов Л.Д. На чужбине. Ташкент, 1979.
7. Часовой. 1929. № 1-2.

М.Э. Карпов

Самарский государственный медицинский университет

«ИСТОРИИ БОЛЕЗНЕЙ» САМАРЦЕВ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Повседневность жителей провинциальных городов в 1917-1922 гг. является важной частью современного процесса исследований Российской революции и Гражданской войны. Особенно актуально обращение к теме практик существования горожан в эпоху социального экстрима, истории их *anamnesis vitae etanamnesis morbi*. Кроме этого, учёт исторического опыта развития медицины и системы здравоохранения имеет практическое значение в управлении социальной сферой на современном этапе.

Ценным источником для исследования данной проблемы является местная газета «Коммуна». В ней содержатся разнообразная информация о болезнях, системе медицинских учреждений, количественные показатели и т.д. Классификация болезней проводилась с учётом современных знаний в области микробиологии [15, с. 297-673], эпидемиологии и гигиены [17].

Известный социолог П.А. Сорокин пишет, что основой жизни населения в мирное время является удовлетворение самых простых биологически детерминированных инстинктов: потребность в пище, защите себя и своего потомства, медицинской помощи, доме. В годы военного экстрима значение этих потребностей удваивается [18]. Рассматривая социально-экономическую ситуацию в 1919-1922 г., отметим, что население Самарской губернии переживало тяготы голода, нехватки чистой питьевой воды, недостатка медицинской помощи. В губернии бушевали эпидемии тифа и холеры, ширилось заболевание туберкулёзом, отмечались случаи заболеваний дизентерией, чесоткой и, по некоторым данным, чумой [10, с. 3; 3, с. 3].

Насущной проблемой стал кризис в снабжении города продовольствием и значительное ухудшение санитарного состояния города. В это время была катастрофическая нехватка медицинского персонала и специализированного медицинского инструментария, периодически нарушалась связь губернского центра с уездами.

Население города испытывало большие трудности, будучи ограниченным в медицинском обслуживании. В уездах вспыхивали эпидемии. Как писали очевидцы, медицинская помощь населению практически не оказывалась. Крестьяне в надежде на помощь врачей уезжали на армейских подводах в другие сёла и разносили инфекцию [4, с. 1].

Существенной проблемой для медицинского персонала было отсутствие снабжения необходимой медицинской одеждой, медицинским инструментарием. На фоне появления признаков голода, медицинские работники получали скудное питание, что являлось прямым фактором к иммунопатологическим состояниям. Антисанитарные условия, нехватка питания, рабочее время, которое составляло порядка 12-16 часов, приводили к тому, что 30-35% фельдшерского персонала заболевали [9, с. 2; 8, с. 3; 1, с. 1].

На улицах города типичной была картина, описанная редактором местной газеты: «Проходя мимо бывшей Шахобаловской больницы, я увидел на дороге лежало 3 тяжелораненых красноармейцев. Они целый день путешествовали по лазаретам, к счастью одного из тяжелораненых забирает заведующий лазаретом».

Условия службы медицинского персонала катастрофическими. К примеру, в 224 эвакуационном госпитале было 150 человек больных сыпным тифом, а сам медицинский персонал, лишенный надежных средств защиты, рисковал каждую минуту, помогая этим несчастным больным. Плотность рабочего времени превышала все допустимые нормы: дежурства происходили через 3 дня по 24 часа, а после дежурства работа продолжалась еще по 3-5 часов [12, с. 1; 11, с. 4]. При тюремных больницах было полное

отсутствие лекарств и даже за свой счёт приобрести заключённые их не могли [13, с. 2].

В приютах австро-венгерских и германских эмигрантов № 140 и аналогичных учреждениях, размещавшихся по Садовой № 259, отхожие места были переполнены, количество эмигрантов превышало норму в 3 раза, что приводило к развитию sporadических заболеваний [6, с. 3]. Ввиду недостатка ванн в эпидемических госпиталях, больных не мыли целыми неделями [13, с. 2]. Количество больных с лёгочными нарушениями оставалось также на высоком уровне. Например, в Центральной лечебнице больничной кассы, некий доктор Масловский не смог принять туберкулёзного больного ввиду загруженности графика приема больных на недели вперёд [2, с. 3; 7, с. 3].

Таким образом, городской быт жителей Самарской губернии складывался преимущественно из практики выживания и поиска пищи, вездесущая инфекция уносила жизни тысячи самарцев, сказывалась нехватка полноценного питания. Низкая степень эффективности работы местных структур власти в сфере социальной защиты и здравоохранения на фоне общей разрухи и голода приводила к тому, что население Самарской губернии погибало, как сообщали официальные данные, по 300-800 человек от тифа различной этиологии в месяц, а от холеры по 20-100 в весенне-летний период, однако в действительности количество погибших было гораздо большим [5, с. 1; 9, с. 2]. Точный учёт погибших от инфекции был слабо налажен [4, с. 1].

Библиографический список

1. Коммуна. 1919. № 28.
2. Коммуна. 1919. №43.
3. Коммуна. 1919. №44.
4. Коммуна. 1919. №47.
5. Коммуна. 1919. №58.
6. Коммуна. 1919. №64.
7. Коммуна. 1919. №82.
8. Коммуна. 1919. № 83.
9. Коммуна. 1919. № 85.
10. Коммуна. 1919. №90.
11. Коммуна. 1919. №99.
12. Коммуна. 1919. №102.
13. Коммуна. 1919. №111.
14. Коротяев А.И., Бабичев С.А. Медицинская микробиология, иммунология и вирусология, 4-е издание. СПб, 2008.
15. Рогач А.А. Городская повседневность Самаро-Саратовского Поволжья в 1918-1920 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2009.
16. Румянцев Г.И. Общая гигиена, 2-е издание. М., 2005.
17. Сорокин П.А. Голод как фактор. М., 2003.

ОБОРОНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕВКОМОВ В САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В период гражданской войны, также, как и в период Великой Российской революции, одними из органов власти являлись революционные комитеты. Их деятельность в каждом из этих периодов отличалась — если в период революции их главной задачей было установление советской власти, то в период гражданской войны их деятельность носила в большей степени обобщенный характер: они решали вопросы социального, экономического, оборонительного и аграрного характера, направленные уже на поддержание и закрепление советской власти на данной территории [1, с. 6]. Соответственно, в период гражданской войны можно выделить несколько сфер деятельности, которыми занимались ревкомы: оборонительная, социальная, экономическая и аграрная. Значительную роль играла оборонительная деятельность революционных комитетов.

Можно выделить несколько характерных предприятий ревкомов, направленных на оборону вверенной территории. Так, они могли снимать и вводить военное или осадное положение как самостоятельно, с препровождением приказов в губернские структуры власти, так и на основании приказов из центра [3, с. 365; 6, с. 230; 13, Л. 4]. На территориях, объявленных на военном положении, ревкомы выпускали приказы, вводившие комендантский час, как это делал Чернореченский волревком или Самарский уездный ревком [8, Л. 2.; 9, Л. 12]. Помимо этого, ревкомы обязывали сельские органы власти охранять заводы и амбары с зерном. При этом сельские власти должны были ежедневно или еженедельно представлять отчетность с указанием лиц, несущих вахту на том или ином объекте. Ревком предписывал сельсоветам организовать дежурство по районам для самоохраны [7, Л. 12; 8, Л. 2.].

Другой функцией ревкомов было непосредственно подавление крестьянских восстаний и борьба с бандитизмом. Крестьянские восстания под лозунгами «За советы, но без коммунистов» были направлены против засилья большевиков в Советах и постоянной реквизиции продовольствия [2, с. 69-70]. Репрессивный метод борьбы был преобладающим. Так, в этих целях ревком Пугачёвского уезда в августе 1919 г. контактировал с действующими карательными войсками [3, с. 289-290.]. Губернский ревком направлял крупные силы в марте 1919 г. для подавления восстания в Самарском уезде. Ревком Самарского уезда был образован в марте 1921 г. в связи с появлением на территории уезда «банд грабителя Вакулина и Попова» [5, с. 399]. В ходе восстаний дезертиры объединялись с казаками. Для подавления подобных выступлений местные советы заменялись ревкомом, кото-

рые наделялись широкими чрезвычайными полномочиями. Одним из методов подавления подобных выступлений являлось захват семей активных повстанцев. При восстании А.В. Сапожкова 31 июля 1920 г. Новоуземский ревком санкционировал захват в заложники семей сапожковцев. Семьи же красноармейцев, ставших мятежниками, лишали пособия[4, с.229]. Таким образом, при подавлении восстаний ревкомы использовали чрезвычайные методы борьбы. Также происходило замещение местных советов ревкомками.

В целях предупреждения подобных восстаний и борьбы с бандитизмом ревкомы контролировали и вопрос вооружения, приказывая гражданам сдавать огнестрельное и холодное оружие местным органам власти[5, с. 344; 6, С. 185.]. Также они осуществляли контроль выдачи оружия для охраны заводов и комбата [9, Л. 19; 12, Л. 37].

Необходимо отметить, что в некоторых случаях ревкомы не всегда напрямую выполняли оборонительные функции, как в случае с Иващенским районным ревкомом в октябре 1918 года, но тем не менее многие вопросы оборонительного характера решались на его заседаниях. Так, именно на заседании ревкома он передал охрану заводов Иващенского района и организацию конного отряда для окрестностей района Иващенко в «распоряжении коменданта» [11, Л. 1.]. Помимо этого, коммунистический полк находился в распоряжении ревкома[11, Л. 17.], и он также контролировал выдачу оружия для охраны заводов и предприятий [12, Л.37.]. Таким образом, даже если оборонительная функция не входила напрямую в сферу деятельности ревкома, она все же осуществлялась, хотя и частично. Это было связано с тем, что в данный период времени, после восстановления советской власти и поражения КОМУЧа на территории Самарской губернии, одной из важнейших задач было восстановление промышленности, чем и занимался данный ревком.

В период гражданской войны ревкомы имели важное значение с точки зрения и укрепления советской власти на местах. Важную роль здесь играло поддержание порядка на вверенной территории. Ревкомы на протяжении всего периода своего существования уделяли если не преобладающее, то достаточно большое внимание оборонительной функции, контролируя вооружение, занимаясь вопросами охраны и военных действий на подвластной им территории. Данная сфера деятельности всегда была одной из основных для ревкомов. Можно выделить несколько периодов, на протяжении которых оборонительная деятельность ревкомов Самарского уезда была наиболее интенсивной: 1) май 1918 — октябрь 1918 г. — борьба с КОМУЧем за контроль над Самарской губернией; 2) февраль 1919 г. — осень 1919 г. — борьба с Колчаком и дезертирством в армии; 3) осень 1919 г. — март 1921 г. — подавление крестьянских восстаний.

Библиографический список

1. Бугай Н.Ф. Ревкомы как чрезвычайные органы диктатуры пролетариата(1918-1921 гг.) // Вопросы истории. М. 1976. №11. С. 3-16.
2. Двойных А.В. К вопросу о политической программе крестьянского повстанческого движения в России в годы Гражданской войны // Вестник СамГУ. Самара, 2009. № 7.
3. Крестьянское движение в Поволжье(1919-1922) : документы и материалы/ Под редакцией В. Данилова. М., 2002.
4. Мистрюгов П.А. Местные чрезвычайные структуры советской власти в 1918-1922 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2014.
5. Самарская губерния в годы Гражданской войны(1918-1920 гг.) : Сборник документов. Куйбышев, 1957.
6. Самарское Поволжье в XX: сборник документов и материалов / Под ред. П.С. Кабытова и др. Самара,2000.
7. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф.Р. 9. Оп.1. Д.1
8. ЦГАСО. Ф.Р. – 29. Оп. 1.Д. 1.
9. ЦГАСО.Ф.Р. – 29. Оп.1. Д. 2.
10. ЦГАСО.Ф.Р. –29. Оп.1. Д. 4.
11. ЦГАСО. Ф.Р. – 55. Оп. 1.Д. 1.
12. ЦГАСО.Ф. Р. – 55. Оп.1.Д. 4.
13. ЦГАСО. Ф. Р. – 137. Оп.1 Д.3.

А.И. Писарева

Самарский национальный исследовательский университет

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ВЫЖИВАНИЯ В САМАРЕ И САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ГОЛОДА 1921-1922 ГГ.

Начало 1920-х годов в Самаре и Самарской губернии стало временем крайне тяжелого и страшного испытания, отразившегося на всей жизни города и региона в целом. Массовый голод, особенно глубоко затронувший Поволжье и ряд других регионов Советской России, стал одним из сильнейших потрясений, пережитых самарскими жителями в течение бурного XX столетия.

В начале августа 1921 года, когда окончательно выяснились размеры постигшего Поволжье бедствия, началось неорганизованное движение населения из пораженных голодом районов [5, с. 205]. Брели по всем направлениям: ехали в Сибирь, Ташкент, на запад и в центр губернии. Бежали группами и в одиночку. У всех была одна цель – спастись от голода [8, л.14].

Крестьяне, гонимые страхом голодной смерти, продавали за бесценок свое имущество. Осенью 1921 г. хорошо оборудованное крестьянское хо-

зайство можно было купить за 2-3 пуда муки [4, с.115]. Убивали поголовно лошадей, верблюдов и другой скот, варили и сушили себе на дорогу мясо, пекли из суррогатов хлеб и уезжали [8, л.15]

При этом город Самара, являющийся по своему географическому положению крупным железнодорожным узлом (на Сибирь, Туркестан и на запад) явился ареной массового скопления беженцев голода [5, с. 206]

В условиях голода, в Самаре и в уездах Самарской губернии был разработан план общественных работ (запрудка плотин, ремонт мостов, дорог и т.д.) на основе продовольственной помощи. Так голодающее крестьянство находило временное спасение, принимая участие в этих работах [8, л.18].

Менее предприимчивое крестьянство, надеявшееся на помощь местных властей, приходило к сельсоветам и волисполкомам с мольбами о помощи [7, с. 245]. Не получив желаемого, крестьяне начинали нападать на хлебно – ссыпные пункты и продовольственные амбары [1, с. 53, 55].

Массы беспризорных и голодных детей, редко находившие приют в переполненных детдомах, занимались попрошайничеством, массово была распространена детская проституция [4, с.115].

Население, которое оставалось на местах, выживало, питаясь суррогатами. Повсеместно в пищу употребляли лебеду, лошадиный шавель, просеянную солому и т.д. Многие суррогаты оказывались ядовитыми и вызывали у людей заболевания желудочно-кишечного тракта, а иногда приводили к летальному исходу. Но суррогатов не хватало, и население начинало есть собак, кошек, сусликов и даже мясо дохлого скота. К началу зимы, когда суррогатов не осталось, люди, обезумевшие от голода, начинали поедать трупы людей, были неоднократно засвидетельствованы случаи людоедства [4, с. 40-41].

Люди, на почве недоедания, начинали совершать массовые преступления. Согласно докладу председателя исполкома Мочинского сельсовета Бузулукского уезда в с. Моче в связи с отсутствием продовольствия и даже суррогатов, граждане, которые никогда не привлекались, теперь производят всевозможные грабежи и убийства. [1, с. 89].

Рабочее население отчасти поддерживалось кооперативными заготовками в Туркестане и Сибири, но эти заготовки были не велики и представляли собой крупную величину только для единичных заводов или групп рабочих [6, с. 5].

Кроме того, во многих уездах Самарской губернии, промышленность была представлена мельничным хозяйством, кожевенными и маслобойными заводами, в связи с отсутствием сырья, многие эти предприятия закрывались. Массы рабочих оставались без средств к существованию [8, л.1] В этих условиях рабочие были вынуждены оставлять свои дома, распродавать имущество и уезжать в безопасные районы [5, с. 206].

Согласно данным, полученным профсоюзами города Самары, некоторые работницы швейных предприятий, чтобы выжить и прокормить семью

вынуждены были заниматься проституцией. Рабочие овчинного завода №1 в виду минимального заработка, питались отбросами от овчин. Факты попрошайничества, нищенства были для рабочих низших разрядов городского водопровода обычным делом [6, с. 8-12].

Многие служащие учреждений и предприятий, на почве отсутствия довольствия и плохого материального положения, брали взятки. Особенно взяточничество, было развито в водном и дорожном транспортах [1, с.75].

Люди, занимающиеся интеллектуальным трудом в Самаре, также не смогли избежать трудностей голода. Сохранились документы, содержащие сведения о крайне бедственном материальном положении историка Самарского университета Михаила Николаевича Тихомирова. В университете практически не платили, на скудный паек было трудно прожить, поэтому, помимо преподавания в университете, он вынужден был заниматься другими видами деятельности. За деятельность в библиотеке и сотрудничество в Библиографической и Исторической комиссии он получал не большое жалованье, которого, однако, не хватало для нормальной жизнедеятельности [3, с.76-77].

Вообще большая часть интеллигенции заблаговременно покинула пораженные голодом местности (учителя, духовенство, медицинский персонал). Так инструктор АРА, побывавший в Мелекесском уезде, писал: «дело помощи тормозится, отсутствием интеллигентных сил и даже достаточно грамотных людей» [2, с.19].

Таким образом, голод не только унес жизни тысячей людей, но и резко изменил психику и поведение населения. В условиях голода людьми предпринимались самые разные способы выживания, от эмиграции в районы, не пострадавшие от голода до убийства своего же голодного соседа. В период «голодомора» произошла нравственная деградация населения, проявившаяся в росте преступности и аморального поведения.

Библиографический список

1. Голод в Средневолжском крае в 20-30 годы ХХ: Сб. док. Т.1. Самара, 2014.
2. Известия Самарского губернского союза потребительских обществ 1922. № 1.
3. Классика самарского краеведения. Антология. Выпуск 2. / Под редакцией Кабытова П.С., Дубмана Э.Л. Самара, 2006.
4. Книга о голоде. Экономический, бытовой, литературно-художественный сборник. Самара: Самарское отделение гос. изд-ва, 1922.
5. На фронте голода. Издание Самарской губернской комиссии помощи голодающим. Самара, 1922.
6. Открытое письмо Компомголода при Самарском Губернском Совете Профессиональных союзов.1922.
7. Самарское Поволжье в ХХ веке: Документы и материалы / Под ред. П.С. Кабытова. Самара, 2000.
8. СОГАСПИ. Ф. 3500. Оп.1. Д. 298.

ЭВАКУИРОВАННЫЕ ДЕТИ НА САМАРСКОЙ ЗЕМЛЕ

С началом Великой Отечественной войны одним из первоочередных стал вопрос оперативной эвакуации огромных людских резервов из прифронтовой полосы на восток страны. ЦК партии приложил огромные усилия к тому, чтобы эвакуация прошла планомерно и организованно. По инициативе партии была создана система центральных и местных эвакуационных органов. Решением ЦК ВКП (б) и Совнаркома СССР от 24 июня 1941 г. был образован Совет по эвакуации, который устанавливал сроки эвакуации производительных сил, места назначения перемещенных граждан и объектов, направлял и контролировал весь ход эвакуации. 26 сентября 1941 г. при Совете эвакуации было организовано специальное Управление по эвакуации населения. Эвакуационная политика определялась постановлениями ЦК ВКП (б) и СНК СССР «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества» от 27 июля 1941 года [1, с. 30].

1 июля 1941 года Куйбышевским облисполкомом было принято решение о приеме и размещении эвакуированного населения [2, с. 18-19]. Была утверждена областная комиссия по приему и распределению эвакуированного населения. Председателем комиссии был назначен Ф. В. Шагимарданов. 5 июля 1941 г. Политбюро ЦК КПСС утвердило разработанное Советом по эвакуации «Положение об эвакуационном пункте». В дни массового прибытия эшелонов с переселенцами на эвакуопунктах трудились специальные бригады, которые днем и ночью встречали приезжих на вокзал и пристанях, перевозили их имущество в места расселения, женщины ухаживали за детьми, обслуживали их в бытовых учреждениях.

Совет по эвакуации 2 июля 1941 года принял постановление о порядке учета эвакуированного населения. Согласно ему устанавливалась форма личной карточки ребенка, эвакуированного без родителей, составляемой в 3 экземплярах: одна направлялась в областной исполнительный комитет Совета депутатов трудящихся, вторая – в Переселенческое управление при СНК СССР, третья – в городской или районный исполком. В карточке указывались: фамилия, имя, отчество, пол, возраст, название местности, откуда прибыл, № эшелона с которым приехал, время прибытия, станция прибытия, место поселения (название детского учреждения или адрес семьи, принявшей его), сведения, которые мог дать ребенок о своих родителях (если не мог рассказать о родителях, описывались личные приметы ребенка). Руководители учреждений заводили на каждого ребенка личное дело. Оба документа призваны были организовать точный учет ребят, что

впоследствии существенно облегчило бы восстановление связей с родственниками [3, с. 45-46].

Для размещения эвакуированных детей использовались различные помещения. Самым востребованным типом учреждений для детей-сирот стали детские дома. В Куйбышевской области до войны было 27 детских домов, в 1942 году насчитывалось 39 детских домов, в 1943 году – 70 детских домов, в 1945 году – 90 детдомов [3, с. 73-74]. До 1944 года детские дома Куйбышевской области приняли 8901 эвакуированного ребенка: 3311 из Ленинграда и Ленинградской области, 5590 из Орловской, Брянской, Смоленской, Воронежской, Сталинградской и других областей [4]. К началу 1945 года в области насчитывалось эвакуированных детей в возрасте до 14 лет 14726 человек, 15-16 лет – 2856 [5].

От жителей принимались теплые вещи, белье, обувь и другие предметы как новые, так и поношенные, которые тщательно дезинфицировались органами райздрава. Население оказывало помощь в открытии детских домов для эвакуированных детей. Так, в 1942 году в Кинель-Черкассах был открыт детский дом для эвакуированных детей, потерявших своих родителей, который был рассчитан на 250 чел.

В Куйбышевской области каждое детское учреждение имело подсобное хозяйство. В 1943 г. все детдома и интернаты располагали 451 га земли [6]. В 1944 г. детские дома области собрали со своих участков 21 т пшеницы, 220 т картофеля, 25 т овощей, от своего скота получили 2 т мяса и 86 т молока. Урожай со своих участков обеспечивали воспитанников продуктами питания на 3-5 месяцев в году. С приездом эвакуированных детей широко развернулось и шефство над детскими домами со стороны заводов, фабрик, ремесленных училищ и школ фабрично-заводского обучения. Если в 1941 г. было организовано шефство над 11 детдомами, то в 1942 г. – над всеми детдомами области [7]. Так, в Куйбышеве заводы авиационной промышленности шефствовали над детскими домами и школами, которые оказывали большую материальную помощь.

СНК СССР 23 января 1942 года принял постановление «Об устройстве детей, оставшихся без родителей». Специальные инспектора занимались организацией патронирования. Лица, взявшие детей на патронаж и опеку, получали от государства пособие в размере 50 рублей ежемесячно. К марту 1942 г. 300 семей Куйбышева взяли на воспитание детей сирот. К 15 апреля 1943 г. в Куйбышевской области была организована опека над 1119 детьми, патронаж – над 1688, было усыновлено 464 ребенка [8].

Таким образом, большое значение имели разнообразные формы помощи эвакуированным детям и детским учреждениям со стороны жителей региона. Эта помощь заключалась не только в сборе продуктов питания, но и в решении конкретных судеб многих детей через усыновление и патронирование.

Библиографический список

1. Федотов В. В. Эвакуированное население в Среднем Поволжье в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.): Монография / В. В. Федотов. Самара, 2009.
2. Здесь тыл был фронтом (1941 – 1945). Сборник документов и материалов. Самара, 2000.
3. Рокутова О. А. Военное и послевоенное детство. Опыт социальной защиты в 1941 – 1950 гг.: монография. Самара, 2013.
4. ЦГАСО. Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 524. Л. 1-2.
5. ЦГАСО. Ф. Р-4073. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.
6. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 33. Д. 61. Л. 37.
7. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 33. Д. 47. Л. 110.
8. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 34. Д. 80. Л. 43.

А.В. Головачева

Самарский государственный социально-педагогический университет

ДЕТСКИЙ ДОМ ДЛЯ ИСПАНСКИХ ДЕТЕЙ В Г. КУЙБЫШЕВЕ

18 июля в Испании прозвучали слова «над всей Испанией безоблачное небо», но это был не прогноз погоды, а сигнал к восстанию против республиканского правительства под руководством генерала Франко. Его поддерживали фашисты Италии и Германии. Началась кровопролитная гражданская война, которая не щадила никого. В наиболее безопасных местах Испании (Валенсии, Кастилии, Аликанте и др.) создавались специальные колонии, в которых воспитывалось несколько тысяч детей. Детские дома для детей погибших испанских бойцов были созданы при госпиталях. Это была временная мера. История города Генрике показывает, что в Испании не было безопасного места, где можно было бы спрятать детей. Республиканское правительство приняло решение об эвакуации детей. В этом приняли участие Красный Крест, Международная организация помощи борцам революции (МОПР), Коминтерн.

С апреля 1937г. по ноябрь 1938 г. из Испании в СССР было эвакуировано около 3000 детей. Среди них был одиннадцатилетний Верхилио де лос Льяноса Маса, который вспоминал: «В ленинградском порту стоял пронизывающий холод. Несмотря на это, толпы людей пришли нас встречать. Это было выражение солидарности советских людей с испанским народом.» [1, с. 14.]

С 1937 года в разных городах Советского Союза создавались детские дома для испанских ребят. Это была сложная задача. Дети не говорили по-русски, были морально подавлены. Поэтому особенно тщательно подбирали воспитателей, учителей. Так, 11 октября 1939г. группа испанских детей

(153 человека) на поезде прибыла в г. Куйбышев. Газета «Волжская коммуна» так описывает приезд ребят: «Шумливая детвора торопливо выходила из вагонов. Поскорее хотелось взглянуть на город, в котором они будут жить. Два года до этого ребята жили под Москвой.» [2, с. 6]

Испанский детский дом №14 был размещён в пригороде Куйбышева на поляне им. Фрунзе в корпусах дома отдыха им. Коминтерна. Выявив уровень знаний детей, распределили их по начальным классам. Первое время процесс обучения шёл трудно. Хотя к тому времени ребята более или менее говорили по-русски, пользоваться учебниками, понимать объяснения учителей им было сложно. Тем более, что с группой приехал всего один переводчик. Но благодаря старанию учителей и воспитателей школьная жизнь постепенно налаживалась. Качество знаний постепенно улучшалось. Если за первую четверть 1939-1940 гг. успеваемость была 64% , то во второй – 73% , третьей – 81 % , в четвёртой – 92%» [3. Л. 22]

Воспитатели детского дома старались окружить ребят заботой и вниманием. Знакомили их с историей советского государства, с историей пионерской организации города Куйбышева. В детском доме проводились пионерские сборы, праздничные вечера, просмотр кинофильмов и их обсуждение. Дети посещали музеи и театры. В распоряжение детей была библиотека с книгами, журналами и газетами на русском и испанском языках.

Комсомольцы завода им. Масленникова взяли шефство над детским домом. По воспоминаниям старшей пионервожатой К.М. Шкотиной «Они привозили им подарки, рассказывали о своей работе, интересовались, хорошо ли живут ребята» [4. Л. 31] Неподалёку от испанского детского дома № 14 находилась воинская часть. По воспоминаниям К.М. Шкотиной: «Красноармейцы часто посещали детский дом, приносили гостинцы, а на праздники проходили со своим оркестром. Ребята для своих новых друзей, готовили к праздникам концертные программы.» [4. Л. 31]

В летние каникулы 1940 г. детский дом №14 для испанских детей превратился в пионерский лагерь. Ребята перемещались в летние домики. Из отчёта директора испанского детского дома № 14 В.А Толстова о воспитательной работе в летний период: «Из числа взрослых воспитанников были созданы 2 футбольных команды...эти команды принимали участие в соревнованиях среди детских команд г. Куйбышева, и первая команда из них выиграла первенство по городу...[5. Л. 19] Пионерская газета «Будь готов!» рассказывала так: «Первая встреча испанский и русских команд закончилась победой испанцев со счётом 6:0. [6, с. 5]

В течение всего лета работала лодочная станция. У детского дома были свои лодки, на которых испанские ребята очень любили кататься по Волге. [5. Л. 14.] Для взрослых воспитанников был организован семидневный поход – «Жигулёвская кругосветка». Это путешествие вызвало у ребят множество впечатлений. Ребята с большим интересом слушали рассказы о событиях революции и гражданской войне Средневожского края.

Юные испанцы с интересом ухаживали за животными в кружке юнатов. Дети из этого кружка ездили на Всесоюзную сельско-хозяйственную выставку в Москву .[5. Л. 26]

Испанские дети с большим энтузиазмом приняли участие в массовых сценах фильма «Тимур и его команда», съемки которого проходили в г. Куйбышеве и его окрестностях в июле 1940 г.

За лето ребята окрепли и повзрослели, с воодушевлением готовились к новому учебному году. Но неожиданно Наркомпрос РСФСР(приказ №1279 от 27 августа 1940 г.) принял решение о расформирование Испанского детского дома № 14. Воспитанников переводили в другие детские дома для испанских детей. Выделялись следующие причины: «непригодность детского дома водной и электроосвещением; плохая связь с городом т.к. не было шоссеиной дороги, а расстояние до города 18 км. [7. Л. 4] До 7 сентября 1940 г. детей должны были отправить в детские дома для испанских детей в Московской, Ленинградской и Калужской областей. К.М. Шкотина вспоминает, что дети были до слёз расстроены переездом. Они сдружились, полюбили свой новый дом, привязались к своим наставникам, стали настоящей крепкой семьёй. А теперь им приходилось расставаться. На память была сделана общая фотография. Потом директор детского дома А.Г. Толстов отправил фотокарточки в детские испанские дома, куда были направлены ребята.

Как дальше сложились судьбы воспитанников испанского детского дома №14? Что с ними было во время Великой Отечественной войны? Вернулись ли они в Испанию или остались в СССР? Все эти вопросы пока остаются без ответа.

В результате работы в архиве установлены имена переведённых детей по каждому детскому дому, что даёт возможность проследить дальнейшую жизнь испанских детей из детского дома г. Куйбышева.

Библиографический список

1. Де лос Льянос Мас, В. Ты помнишь, tovarisch...?: Из архива одного из детей, вывезенных в СССР во время гражданской войны в Испании. Пер. с исп.// URSS. 2008. 272 с
2. Волжская коммуна. Куйбышев. 1939. 12 октября.
- 3.Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 1646. Оп. 3 Д. 6.
4. ЦГАСО Ф. 1646. Оп. 3. Д. 18
5. ЦГАСО Ф. 1646. Оп. 3. Д. 16-17
6. Будь готов! Куйбышев. 1938 г. Июль
7. ЦГАСО Ф. 1646 Оп. 2. Д. 3

СЕКЦИЯ III.

ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ И ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ, ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ, ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ

И.Д. Ерофеев

Московский государственный университет

ПОЛЯКИ В «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ» И РУССКИЕ В «ХРОНИКЕ И ДЕЯНИЯХ ПОЛЬСКИХ КНЯЗЕЙ» ГАЛЛА АНОНИМА

Тема этнического и конфессионального самосознания, а также восприятие одними этно-конфессиональными группами других стала очень популярной в постсоветской историографии. Подобные темы рассматриваются и в контексте средних веков. Но средние века, особенно славянские средние века, характеризуются скудностью письменных источников. Можно ли в таких условиях делать какие-то выводы, например, об отношении друг к другу жителей средневековой Руси и Польши? Обратимся к двум главным источникам по ранней истории этих стран, «Повести временных лет» и «Хронике и деяниях польских князей» Галла Анонима, рассмотрим, как летописец и хронист показывают своих соседей, попробуем сделать выводы о релевантности этих источников в вопросе этнических представлений средневековых людей.

Главным событием во взаимоотношениях Руси и Польши XI в. был поход Болеслава Храброго на Киев летом 1018 г. В «Хронике» Галла Анонима присутствуют описание двух отдельных военных компаний Болеслава в Руси, это главы 7 и 10 [1, с. 35-41]. Опуская вопрос, почему так получилось, обратим внимание на образ русского короля и в принципе русских. В главе 7 говорится, что Болеслав пошёл войной на Русь, так как русский король не выдал за него свою сестру. Вторгшись в земли Руси он не встречает кого-либо серьёзного сопротивления и разгоняет врага, «как ветер разгоняет пыль» [1, с. 35]. Мы видим, что русские не воспринимаются Галлом как народ воинственный и храбрый, что находит своё подтверждение уже в следующей сцене. Вторжение поляков застаёт русского короля во время ловли рыбы, более того, ловли рыбы с «простотою, свойственной его народу» [1, с. 36]. Автор «Хроники» акцентирует на этой черте внимание. Если трусость или малодушность – качества, которые мы можем вывести косвенно из поступков, то о простоте говорится напрямую. И при этом данное качество необязательно может трактоваться как строго негативное, но именно оно экстраполируется на весь «русский» народ.

Стоит обратить внимание на то, как описан Киев. Для Галла Анонима это «богатейший» город, однако подобный факт можно объяснить желанием автора показать большую добычу Болеслава, его успех. Русский король нападает, когда Болеслав с небольшим отрядом возвращается в Польшу. Данный поступок показывает вероломство русского правителя, и, несмотря на такую хитрость, он терпит поражение.

В главе 10 рассказывается об ещё одной битве Болеслава с русским королём, который приказал передать ему следующие слова: «Пусть знает Болеслав, что он, как кабан, загнан в лужу моими псами и охотниками» [1, с. 40]. После чего все русские начали кричать в сторону поляков разные оскорбления, но их противники ничего не отвечали им в ответ. Галл пытается показать ничтожность русских перед поляками и в первую очередь Болеславом. Этот сюжет находит подтверждение в «Повести временных лет», где при Ярославе находится воевода Буда, который оскорбляет Болеслава [2, с. 296].

Мы видим, что автор «Хроники» не скупится на разного рода риторические выдумки. Если мы обратимся к чуть более позднему польскому хронисту Винцентию Кадлубеку, то заметим ещё большее увеличение описаний подобных сомнительных сцен. Например, он говорит, что после боя русского короля со знатью, подобно собакам, привели на верёвке к Болеславу [4, с. 323].

Что говорит нам о поляках «Повесть временных лет»? Прежде чем перейти к сюжету похода Болеслава, стоит обратить внимание, что в «Повести» при описании истории разных славян автор использует термин «ляхи», который с одной стороны обозначает частное название привислянского племени, а с другой является более общим обозначением группы племён [5, с. 148].

В контексте событий 1018 г. поляки представлены куда более схематично и безлико, в отличие от русских в «Хронике». Небольшую характеристику получает лишь сам Болеслав. Он высокий, грузный, а также умён [2, с. 296].

Почему существует такое различие в описании соседей между летописцем и хронистом? Ряд историков вообще не склонны противопоставлять эти два произведения и акцентировать внимание на подобных различиях. Например, обращается внимание на схожесть характера изложения материала в этих двух источниках [7, с. 582]. В работе, вышедшей в 1982 г. под редакцией В.Д. Королюка, указывается на то, что Русь в «Хронике» показана весьма лояльно, как часть христианского мира, и что конфессиональные мотивы авторы сильно преувеличены [5, с. 161]. Однако, несмотря на подобные суждения, вопрос о роли конфессионального разработывался и после, в частности в работах М.В. Дмитриева. Он предлагает концепцию, при которой для латинянина Галла Анонима вопрос об этнической принадлежности играет, куда большую роль, чем для православного монаха [3, с. 352-364]. Отсюда можно вывести и более острую национальную не-

приянь. В православии же критерием «свой-чужой» является христианская вера, и иные категории не играют роли.

На самом деле назвать эти источники релевантными в вопросах этнических взаимоотношений практически нельзя. Во-первых, слишком много поправок надо делать, оба источника написаны уже в XII в., оба написаны представителями церковного клира. В случае Галла Анонима надо ещё делать поправку на этничность самого монаха. Есть мнение, что «Хроника» не могла не отражать воззрения в верхах польского общества [5, с. 157], однако оно ничем не подкреплено. Более того, большой ошибкой будет экстраполировать религиозное мировоззрение клира даже на всю верхушку польского или русского общества, где процесс христианизации растянулся на века. Но где нам не помогают письменные источники, поможет археология, которая даёт нам много информации о русско-польских культурных контактах в средние века [6, с. 228-230].

Библиографический список

1. Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских. М., 1961.
2. Повесть временных лет. М., 1950.
3. Дмитриев М.В. Конфессиональные и этнические компоненты «стратегий различения» в «Повести временных лет» и «Хронике Галла Анонима» // Исторические мифы и этнонациональная идентичность. Вып. 21 (спец.). М., 2007.
4. Бибииков М. В., Глазырина Г. В., Джаксон Т.Н, Мельникова Е. А. Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 2013.
5. Корелюк В.Д. Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего Средневековья. М., 1982.
6. Литаврин Г.Г., Флоря Б.Н. Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М., 1988.
7. Щавелев А.С. Ещё раз о мифопоэтических устных источниках средневекового историописания: рассказы об основателях династии у Галла Анонима и Снорри Стурлусона // Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья. М., 2016.

Я.В. Моргунов

Самарский национальный исследовательский университет

«ПОДГОТОВКА К ПРАЗДНОВАНИЮ 100-ЛЕТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА КАК ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ (НА ПРИМЕРЕ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ САМАРЫ)»

Современные исследователи все чаще обращаются к проблеме исторической памяти, которую поставили Морис Хальбвакс [1] Пьер Нора [2] и другие ученые XX века. Поднимаются дискуссионные вопросы о взаимосвязи исторической памяти с другими отраслями гуманитарного знания,

в частности с исторической политикой. В отечественной историографии проблематика памяти обозначилась как отдельное явление с начала 2000-х гг. [3].

Данное понятие воплощает в себе связь духовного и материального, которое в течении времени и по воле общества приобрело символические элементы исторического наследия общества.

Одним из самых значительных новаторов в изучении направления исторической памяти является Пьер Нора (род. 1931). «Места памяти» Пьера Нора не стоит понимать в узком смысле слова, в его географической подоплеке. В своих исследованиях, историк этим понятием объединяет такие несовместимые на первый взгляд вещи, как: французский национальный флаг, Марсельезу, Жанну д'Арк, французское вино и национальную библиотеку.

Термином «*topos*» обозначающее место, можно лишь приблизительно описать то, что подразумевалось в понятии «место памяти». Сам П. Нора трактовал это как место, на котором аккумулируется память множества людей, сообщества. Его главная функция – сохранять коллективную память о прошедшем событии. Такими местами, как уже упоминалось выше, может быть что угодно – люди, исторические события, предметы архитектуры, искусство, фольклор, а также и географические места, которые окружены исторической аурой. Их главная функция – символическая. Ибо они необходимы для визуализации представления общества о своей истории, а значит и о себе самом. Однако, со временем, значение и даже смысл исторических мест может меняться.

На примере изменений, которые присуще исторической памяти, можно изучать развитие исторического самосознания и коллективной идентичности. Можно выделить три группы таких изменений. Первая, забытые места памяти. Вторая группа это места памяти, которые были забыты, но в силу различных обстоятельств вновь приобрели свое первостепенное значение. К третьей группе можно отнести места памяти, которые не предавались забвению, однако в ходе исторического процесса потеряли свой первоначальный смысл.

В начале XX века, Россия стояла в шаге от перемен, которые вскоре должны были перевернуть весь ход ее истории. Правительство в лице императора Николая II, не до конца отдавало себе отчет о реальном положении дел в стране, и настроении в обществе. Однако, после «маленькой победоносной войны» и всплеска революционных действий, в Петербурге было решено вспомнить свою историю, и героическое прошлое. Момент был как нельзя кстати, сразу два юбилея накладывались друг на друга – 300-летие дома Романовых и 100-летие Отечественной войны. Упускать такую возможность повысить патриотизм среди простого населения было сродни преступлению.

При изучении фондов центрального государственного архива Самарской области «Самарский учительский институт «О выдающихся днях и случаях в жизни института и празднований 100-летнего юбилея Отечественной войны» было выявлено, что инициатива празднования торжества была направленно из центра в Казань, что фиксируется протоколом совещания представителей учебно-окружного управления, администрацией военного округа, различных учреждений и обществ а также начальников и начальниц средних мужских и женских учебных заведений. Данный протокол опубликован 30 апреля 1911 года, что наглядно показывает длительную и продуманную подготовку к юбилею.

В виду взаимной близости времен празднования обоих юбилеев, приходящихся на один и тот же учебный год, совещанием было признано возможным произвести совместное обсуждение программы их чествования, причем Председателем было указано на то, что по отношению к 300-летию Царствования Дома Романовых имеются указания к каким дням следует приурочить празднование этого юбилея, по отношению же к чествованию памяти Отечественной войны таких указаний не сделано, и совещанию придется определить время празднования, потому что от этого будет зависеть непосредственно характер торжества. Члены собрания сошлись на датах 25 августа 1912 – 28 августа 1912 года.

Что характерно, при обсуждении программы мероприятий, был приведен пример организации торжеств в Одессе, по поводу юбилея А.С. Пушкина в 1899 году.

Военный чиновник отметил, что празднование юбилея Отечественной войны 1812 года по большей части военный праздник, со всеми вытекающими из этого последствиями: широкое привлечение военных частей городов, организация парадов и маршей.

Профессором В.Ф. Залесским было выдвинуто предложение организации театрализованных шествий родов войск в исторических костюмах соответствующих эпох, это предложение распространялось на оба торжества, особенно чествованию дома Романовых, где войска смогли бы продефилировать в костюмах стрельцов, преображенцев и других легендарных частей. Однако, данную идею не поддержали в связи с отсутствием денежных средств.

К параду, наряду с военными были допущены потешные полки, но во избежание давки, маршировали они на протяжении нескольких улиц, где им было выделено пространство, огороженное от натиска толпы.

Предлагалось к прослушиванию увертюры Чайковского «1812» и театральное постановки сцен из произведения графа Л.Н. Толстого «Война и мир»:

– подъем народного духа в Москве при обращении Александра I к дворянству;

– совет в Филях;

– получение сведений об отступлении французов из Москвы Кутузовым;

Успех таких мероприятий уже был при проведении юбилейных торжеств в Ревеле.

Предлагалась организация экскурсий по памятным местам: Кострома, Москва, Троице-Сергиева лавра, Бородинское поле. Наряду с этим, членами комиссии было утверждено организация выставки предметов соответствующих эпохе наполеоновских войн в актовом зале Императорской 1-й гимназии (Казань).

Большое внимание было уделено духовно-религиозной составляющей праздника. Учащимся было рекомендовано посещать церковные службы при их учебном заведении.

Главным событием официально-государственной части 26 августа должен был стать торжественный акт. Его открывала речь руководителя учебного заведения, учителя истории или другого лица из педагогического персонала, посвященная разъяснения значения Отечественной войны [4].

К просветительской части торжества относится закупка книг для учебных заведений, относящихся к событиям 1812 года, а так же раздача их учащимся. Так, в Самаре, для этих целей была закуплена книга Н.П. Дучинского «Император Александр I; Его жизнь и царствование».

Попытки в XIX – начале XX вв. консолидации образованного общества и народа в целом вокруг, бесспорно, одной из самых славных и героических побед русского оружия оставили блестящий след в культуре Отечества. Однако с политической и идейной точек зрения их можно считать безрезультатными. Это служит серьезным уроком для последующих поколений. Из него следует делать столь же серьезные выводы как государственным деятелям, так и специалистам-историкам. В частности, следует быть более осторожными в ожидании того, что историческая память сама по себе может средством лечения острых проблем современности.

Библиографический список

1. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. Москва, 2007. 348 с.
2. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция – память. СПб, 1999. С. 17–50.
3. Богомазова О.В. Проблемное поле историографии и «история памяти»: краткий обзор современных исследовательских направлений // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 16 (371). С. 120–126.
4. Артамонова Л.М. «Придать предстоящему юбилею характер общенародно-го торжества: столетие Отечественной войны 1812 года в Самарском учительском институте» // Самарский земский сборник. 2012. № 1 (21). С. 96–104.

МЕМУАРЫ А.И. СТРЕЛКОВОЙ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РОССИИ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

Изучение богатого мемуарного наследия нашей истории обладает высокой степенью социальной значимости, поскольку позволяет выявлять и сохранять духовные ценности, воплощенные в воспоминаниях как документах своей эпохи. В полной мере это относится к женским мемуарам, являющимся неотъемлемой частью национальной истории и культуры. Мемуары представляют собой особый тип исторического источника, обладающий значительным историко-информационным потенциалом для научного исследования тех сторон общественной жизни, которые, как правило, не отражаются в официальных документах эпохи. Мемуары позволяют реконструировать и глубже понять внутренний мир личности и увидеть исторические события глазами их непосредственных участников [1, с.475].

Среди богатой и разнообразной русской женской мемуаристики конца XVIII – первой половины XIX вв. особое место занимает «История моей жизни» – записки и воспоминания Анны Ивановны Стрелковой, урожденной Нееловой [2, с.8]. Мемуары охватывают почти весь период жизни А.И. Стрелковой и являются первыми в истории России мемуарами провинциальной дворянки. В течение почти 100 лет рукопись считалась утраченной, была обнаружена в 2005 г. и введена в научный оборот с 2014 г. публикацией первой части воспоминаний.

Анна Ивановна родилась в начале 1796 года в селе Кулаево (Спасское) Казанской губернии. Ее отцом был богатый казанский дворянин, помещик И.Я. Неелов, крупный землевладелец Среднего Поволжья. По матери же, Варваре Николаевне, урождённой Овцыной, Анна принадлежала известному роду костромских и тверских дворян, помещиков Овцыных. Её мать, рано став сиротой, воспитывалась в доме дяди, князя П.С. Мещерского – Казанского наместника, являвшегося в 1780 1781 гг. также и первым Симбирским наместником [2, с.18].

Помимо богатой событийно-бытовой стороны, мемуары А.И. Стрелковой раскрывают и некоторые аспекты общественно-политической жизни России конца XVIII – первой половины XIX вв. Наиболее подробно в книге освещены завершение царствования Александра I и последние его путешествия; отречение Константина I; вступление на престол Николая I. Очень скупо охарактеризовано восстание декабристов: А.И.Стрелкова пишет буквально одну фразу о «некоторых потрясениях мятежа» и считает, что молодой император, своей мудростью и великодушием преодолев трудности и поборов мятеж, «восприял опять свое могущество» [3, л. 40].

В мемуарах А.И.Стрелковой отражены многие события российской истории, например, Отечественная война 1812 г., казанский пожар 1815 г., пожар в Зимнем дворце в Санкт-Петербурге, наводнения, эпидемии, сожжение знаменитых памятников.

Значительная информация в мемуарах представлена по такому интересному и важному аспекту, как повседневная жизнь русского провинциального дворянства в лице его типичной представительницы – Анны Стрелковой. В мемуарах передается неповторимая атмосфера исторической эпохи начала XIX в., душевные переживания Анны, даются яркие психологические портреты окружавших Стрелкову современников – от членов императорской фамилии, представителей аристократии обеих столиц и родной ей Казани, до безвестных крестьян. По воспоминаниям А.И.Стрелковой о ее семейной жизни мы можем судить о степени привязанности родных и близких людей и о тех факторах, которые определяли характер их взаимоотношений.

Мемуары, отражающие жизнь Стрелковой на разных этапах, дают представление о быте, нравах, характере семейных отношений в среде столичной и провинциальной аристократии, а также крупнопоместных землевладельцев, к кругу которых Анна принадлежала от рождения. Она ярко описывает среду служилого дворянства средней руки, из которого вышел ее муж, ставший впоследствии достаточно крупным чиновником.

Таким образом, содержание мемуаров позволяет лучше понять уклад жизни определенных слоев общества России рубежа XVIII-XIX вв. и первой половины XIX в. Мемуары Анны Ивановны Стрелковой создают основу для развития и углубления конкретно-исторических исследований по широкому кругу вопросов как региональной, так и общероссийской истории.

Библиографический список

1. Медушевская О.М. Метод источниковедения и междисциплинарные аспекты // Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. М., 1998.
2. Прохорова Н.Ф. Россия конца XVIII – середины XIX вв. глазами провинциальной дворянки Анны Стрелковой: публикация, источниковедческий анализ и комментарии мемуаров. Самара, 2014.
3. Стрелкова А.И. История моей жизни. Кн. 3 // Российская государственная библиотека. Научно-исследовательский отдел рукописей. Фонд 218. Картон 67. Ед. хр. 3.

ПОНЯТИЕ «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Споры о сущности интеллигенции, о том, какую роль она играет в обществе, получили развитие в начале XX века и не утихают до сих пор. Именно в начале XX века появилось два основных подхода к определению интеллигенции – нравственно-этический (идейно-нравственный, социально-этический) и социально-профессиональный.

Первое время превалировал нравственно-этический подход. Начиная с историка, социолога, Р.В. Иванова-Разумника, отечественная интеллигенция понимается как духовно-нравственная элита общества, главным ее признаком считается бескорыстное служение отечеству, народу и обладание высокими нравственными качествами. Чтобы быть причисленным к данной общности, не обязательно иметь высокий уровень интеллекта и образования.

В начале XX века появился и второй подход, социально-профессиональный. Начало этому подходу было положено в работе В. И. Ленина «Шаг вперед, два шага назад» (1904). К интеллигенции он относил «образованных людей, представителей свободных профессий вообще, представителей умственного труда, в отличие от представителей физического труда» [1, с. 309].

Советская наука базировалась на классовом подходе, согласно которому интеллигенция рассматривалась как социальный слой или прослойка, существующий в социалистическом обществе вместе с двумя классами – рабочим классом и крестьянством. В работах, основанных на данном подходе, не берется во внимание богатый внутренний мир этой общественной группы.

В 1990-е годы сложилось целое научное направление – интеллигентоведение. В эти же годы оформился новый, комплексный междисциплинарный подход к определению понятия «интеллигенция». В рамках этого подхода интеллигенция определяется и по социально-профессиональным, и духовно-интеллектуальным признакам.

Согласно современному подходу, который представляется наиболее верным, интеллигенция — это социокультурная общность, отличающаяся высоким уровнем образования, творческим подходом к профессиональной и общественной деятельности, которая направлена на производство и сохранение достижений культуры и общечеловеческих ценностей, и обладающая психологическими чертами и нравственно-этическими качествами [2, с. 14].

Сложность в изучении интеллигенции определяется еще и ее социальной неоднородностью. Существуют разные слои, группы. В особую группу

выделяют художественную интеллигенцию. Комплексного исследования по истории российской художественной интеллигенции в целом пока нет. Только в последние десятилетия появились ученые, поставившие себе задачу разобраться в сложности определения и деятельности данной группы.

Но и советские ученые обращались к проблеме идентификации художественной интеллигенции. В частности, по мнению В. Р. Лейкиной-Свирской, определение художественной интеллигенции невозможно при помощи критерия «специального образования», обязательного для других групп интеллигенции, основная роль отводится способности «пристального видения окружающего мира» [3, с. 119].

Современный исследователь И. В. Купцова приходит к выводу, что «российская художественная интеллигенция – это социально-профессиональная группа, объединяющая деятелей литературы и искусства, занимающихся творческим трудом, направленным на создание, распространение и сохранение художественных ценностей» [4, с. 5]. Но по утверждению А. В. Зябликова, данное определение оставляет «лазейку» для разного рода лиц, приближенных к деятелям культуры, принадлежность которых к цеху художников сомнительно. Он предлагает относить к художественной интеллигенции тех, чья профессиональная, умственная, духовная деятельность основана на художественно-образном выражении и переживании мира [5, с. 7].

Однако наиболее полным и верным представляется определение художественной интеллигенции В. В. Тепикина. Это социально-профессиональная группа, являющаяся носителем передовых нравственных идеалов, занимающаяся художественно-образным творчеством, которое основывается на таланте, интуиции, софийном сознании и освоенном в процессе жизни интеллектуальном и профессиональном опыте [6]. Художественная интеллигенция участвует в создании духовных ценностей, их сохранении, изучении и распространении, играет важную роль в воспитании общества. К этой группе следует относить литераторов, художников, музыкантов, режиссеров, артистов, кинематографистов, журналистов и других.

Библиографический список

1. Ленин В. И. Шаг вперед, два шага назад // Полн. собр. соч. Т. 8. М., 1972.
2. Будник Г. А. Понятие «интеллигенция»: новые подходы и дискуссии // Интеллигенция и мир. Иваново. №3. 2009.
3. Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900-1917 годах. М., 1981.
4. Купцова И. В. Художественная интеллигенция в годы первой мировой войны (июль 1914 г. – март 1918 г.): автореф. дис. ... док. истор. наук. М., 2004.
5. Зябликов А. В. Политическое самопознание российской художественной интеллигенции. 90-е гг. XIX в. -1909 г.: автореф. дис... док. истор. наук. Иваново, 2006.
6. Тепикин В. В. Интеллигенция, ее роль в культурном процессе // Культура и интеллигенция. Иваново, 2006. // [Электронный ресурс] URL: http://zhurnal.lib.ru/t/tepikin_w_w/intelligencijaeerolxwkulxturnomprocesse.shtml (дата обращения: 01.05.2018).

**«САМАРСКАЯ ГАЗЕТА» – ЦЕНТР ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ
САМАРЫ КОНЦА XIX В.**

«Самарская газета» была основана в январе 1884 г., но лишь 10 лет спустя (после смены владельца и главного редактора) – с марта 1894 г. – начала выходить в обновленном виде, стараясь быть отражением интересов жителей Поволжья, а также Уфимской и Оренбургской губерний. Для Самары, города, который занимал «первое место на Волге по размерам хлебной торговли» [1, с. 138], но во многих отношениях продолжавший быть «диким» городом, где господствовал «первобытный» купец, «безграмотный хлебный спекулянт, кроме рубля ничего не знающий и знать не желающий» [2], «Самарская газета» являлась не только источником торговых объявлений и «анекдотов», но и своеобразным «окном» в общественную жизнь России.

«Самарскую газету», существующую и до сих пор, по традиции принято воспринимать исключительно с точки зрения ее принадлежности к развитию писательской карьеры молодого А. Пешкова. Самостоятельная же история «Самарской газеты» и ее роль в общественной жизни Самары конца XIX в. не имеет должного освещения в историографии. В воспоминаниях Треплева [3], «Самарская газета» предстает рядовым изданием, получившим известность и признание лишь благодаря работе в ней Горького; подобное мнение долгое время считалось единственно верным. Лишь в 2017 году, в связи с преддверием 150-летия со дня рождения «буревестника революции», Самарским литературным музеем совместно с редакцией «Самарской газеты» был подготовлен проект «Несколько дней в роли сотрудника провинциальной газеты» (названный так по названию фельетона Горького «Несколько дней в роли редактора провинциальной газеты» [4]), а также серия публичных лекций об истории «Самарской газеты». В связи с этим появился и ряд статей [5; 6], в которых на основе работы с фондами Самарского литературного музея, предпринята попытка отойти от традиционной точки зрения о том, что к моменту переезда Горького «Самарская газета» находилась в состоянии кризиса; к иной точке зрения, согласно которой «Самарская газета» и до сотрудничества в ней Горького являлась передовым общественно-литературным органом печати. Тем не менее, современной историографии еще потребуется время, чтобы по праву оценить особую роль «Самарской газеты» в развитии общественной мысли Самары конца XIX в.

Как известно, еще с 70-х гг. XIX в. Самара была местом ссылки, отчасти для уголовных, но в большей мере для политически неблагонадежных элементов. Журналисты, писатели, студенты, попадая в мещанско-торговый

город, пытались объединяться, охотно проводя вечера за разговорами и дискуссиями. Именно «Самарская газета» и стала местом объединения этой «пришлой» интеллигенции, отбывавшей в Самаре срок своей высылки. Таким образом, культурную силу и города в целом, и «Самарской газеты» в частности, составляли наиболее радикально настроенные представители просвещенной интеллигенции, которые и за пределами университетских городов, а также несмотря на надзор полиции, не оставляли своих идей.

Главный редактор – талантливый журналист Н. П. Ашешов, выпускник юридического факультета Московского университета, разделял взгляды народничества. Во многом благодаря редакторской деятельности Ашешова «Самарская газета» и стала выгодно отличаться от большинства провинциальных газет, приобрела определенную известность, тем, что «не дает спокойных дней здешней публике. Она – колетса как еж...» [7, с. 107]

Интеллектуальный же потенциал и духовную атмосферу «Самарской газеты» конца XIX в. формировали сотрудники газеты – в большинстве своем убежденные социал-демократы во главе с Е. Н. Чириковым и Р. Э. Циммерманом. Для этой «легально-марксистской» группы «Самарская газета» стала своего рода «трибуной» для выражения своих взглядов и приобщения городских обывателей к новейшим достижениям общественной мысли. Р. Э. Циммерман, отличавшийся незаурядными способностями, хорошо знавший труды Маркса, писал статьи на философские темы, переводил Ницше «Так говорил Заратустра», печатая отрывки в «Самарской газете».

Последующее изменение состава сотрудников «Самарской газеты» не только не привело к кризису, в частности, на смену покинувшему редакцию Е. Н. Чирикову, Р. Э. Циммерману, П. П. Маслову, А. К. Клафону и других, были привлечены М. Горький и С. С. Гусев, но наоборот послужило новым толчком к дальнейшему укреплению авторитета издания и интересу к нему со стороны самарцев. На страницах «Самарской газеты» велись жаркие полемические споры, за которыми с интересом наблюдали читатели; политически нежелательные темы журналисты представляли в виде иносказания (это делалось для обхода цензуры), что вызывало еще больший успех газеты среди представителей образованной самарской интеллигенции; остросоциальные фельетоны вызывали отклик со стороны государственных и городских учреждений, местной печати и отдельных лиц, словом, общественность не осталась в стороне, о чем свидетельствует постоянно обновляемая рубрика «Письмо в редакцию», благодаря которой можно сделать вывод, что самарцы не были пассивными созерцателями, а достаточно активно отстаивали свою точку зрения.

Таким образом, «Самарская газета» в конце XIX в., объединив вокруг себя людей самых разных, порой непримиримых убеждений, стала своеобразным центром общественной мысли Самары благодаря ежедневному ка-

чественному материалу, касающемуся всех сторон русской общественной жизни. Свою не менее важную роль сыграли и культурные вечера, которые проходили в здании редакции, отличающиеся особой атмосферой интеллектуальных дискуссий.

Библиографический список

1. Лендер Н. Н. Волга. Очерки и картины. СПб, 1889.
2. Далин. Что думают и делают в провинции. В «диком» городе // Биржевые ведомости. 1895. № 174.
3. Треплев А. Максим Горький в Самаре // Максим Горький и Самара / Сост. Л. А. Финк, В. З. Иванов-Паймен. Куйбышев, 1968.
4. Паскарелло. Несколько дней в роли сотрудника провинциальной газеты // Самарская газета. 1895, №№ 116, 117, 122, 129.
5. Гриднева Т. Газета живет один день и три века: 132 года со дня выпуска первого номера «Самарской газеты», 25 лет со дня возобновления ее издания в родном городе // Самарские судьбы. 2016. № 2.
6. Гриднева Т. Лекции о «Самарской газете» // Самарские судьбы: Сайт для общения творческих людей. 2017. 2 апреля. [Электронный ресурс] URL: <http://samsud.ru/blogs/hroniki-samarochki/lekcii-o-samarskoj-gazete.html>; Гриднева Т. Жителям Самары рассказали о «Самарской газете» времен Максима Горького // Самарская газета. 2017. 6 апреля. [Электронный ресурс] URL: <http://sgpress.ru/Obschestvo/ZHitelyam-Samary-rasskazali-o-Samarskoj-gazete-vremen-Maksima-Gorkogo84174.html>.
7. Из письма М. Горького В. Г. Короленко от 15 марта 1895 г. // Максим Горький и Самара / Сост. Л. А. Финк, В. З. Иванов-Паймен. Куйбышев, 1968.

Е.В. Полубоирова

Самарский национальный исследовательский университет

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ И ПУБЛИЦИСТЫ ПОРЕФОРМЕННОГО ПЕРИОДА О ПУТЯХ СБЛИЖЕНИЯ С НАРОДОМ

Вопрос об отмене крепостного права и его последствиях до сих пор является актуальным и дискуссионным. Готова ли была Россия к освобождению народа? Можно ли назвать условия освобождения справедливыми? Получили ли бывшие крепостные то, чего хотели? Одно можно сказать совершенно точно: 19 февраля 1861 года — день, который надолго утвердился в нашей исторической памяти.

День отмены крепостной зависимости в России был встречен в состоянии всеобщей радости и воспринимался, как Божия милость. О манифесте 19 февраля писали все издания, о нем говорило все образованное общество, его положения обсуждались за рубежом. «Разбита рабства цепь. Вставайте, мертвецы! // Вставайте, Лазари, из гроба векового!» [2, с. 85].

И все-таки образованное общество недолго предавалось восхвалению реформы: пережитки крепостничества оказались весьма устойчивыми, что ставило на повестку дня вопрос о путях преодоления последствий крепостного права. В основном все размышления представителей интеллектуальной элиты сводились к трём основным идеям — о необходимости народного просвещения, развития крестьянского самоуправления и, наконец, «сближения с народом». Если первые две идеи представлялись достаточно очевидными, то третья нуждается в более подробном изучении.

Чтобы понять, что означало «сближение с народом», обратимся ко мнениям русских писателей и публицистов второй половины XIX века: К.Н. Леонтьева, Ф.М. Достоевского и А.А. Фета. Все они пользовались у современников репутацией консерваторов, хотя их воззрения во многом существенно различались.

К.Н. Леонтьев понимает «сближение с народом» следующим образом: «Не нам надо учить народ, а самим у него учиться. Мы европейцы, а народ наш не европеец» [5, с. 62]. Автор считает, что «сближение с народом» возможно только в том случае, если образованное общество откажется от своих либеральных взглядов и примет народное традиционное мировоззрение с его христианскими порядками. «Я помню слово одного 20-летнего дворового нашего. Я был тогда студентом и спросил его: “Мне вот ничего, что я ем скромно; а ты не хочешь ни за что. Отчего это?” Он же отвечал мне с улыбкой: “Мы понимаем это так, что господа от счастья забылись... Вот и все!..”» [5, с. 68]. К.Н. Леонтьев считает, что для «сближения» необходимо не смешение с народом, а «идеальное сходство» с ним, «подражание мужику, в развитом восстановлении его идеалов, верных и самобытных, но загубелых и потому не всегда ясных даже и ему самому» [5, с. 69-70].

В свою очередь, Ф.М. Достоевский еще в 1860 г. провозгласил «идейной задачей» своего журнала «Время» «примирение цивилизации с народным началом, синтез русского культурного слоя с подспудными силами народных масс» [1, с. 186]. Ф.М. Достоевский видел возможность «сближения» при условии взаимообмена высших и низших сословий своими устоями и традициями: «Для сближения с народом нужно несколько преобразоваться нравственно и нам самим. Нам нужно отказаться от наших сословных предрассудков и эгоистических взглядов» [3, с. 237]. Много лет спустя в «Дневнике писателя» автор так сформулировал свой взгляд о наиболее верном пути «сближения с народом»: «Мы должны преклониться перед народом и ждать от него всего, и мысли и образа; преклониться пред правдой народной и признать ее за правду. Но, с другой стороны, преклониться мы должны под одним лишь условием, чтоб народ и от нас принял многое из того, что мы принесли с собой» [4, с. 50-51].

Совершенно иначе смотрел на «сближение с народом» А.А. Фет, который в 1860 году купил 200 десятин в деревне Степановке и решил выстроить новые хозяйственные отношения с крестьянами. Приобретенный опыт автор отобразил в цикле очерков под названием «Лирическое хозяйство». А.А. Фет считал, что после отмены крепостного права экономическую ситуацию в деревне спасёт только вольнонаемный труд: «Такой труд, где рабочий напрягает свои силы чисто и единственно для себя, есть идеал вольного труда, идеал естественного отношения человека к труду» [7, с. 50]. А.А. Фет испытал на себе множество уловок и хитростей со стороны крестьян, но упорно следовал своим взглядам практически 17 лет. В итоге он стал обладателем достаточно развитого хозяйства, однако современники автора осуждали. Д. Минаев, Салтыков-Щедрин, другие демократически настроенные публицисты писали о нем, как о стороннике возвращения помещичьего произвола или называли «бессознательным, наивным певцом крепостного права» [6, с. 39].

Во второй половине XIX века высказывались и другие взгляды на «сближение с народом», что говорит об остроте и актуальности этого вопроса для современников. Однако сопоставление воззрений трех мыслителей, принятое в данной статье, показывает наличие острых противоречий по этому вопросу даже в одном – «консервативном» – лагере русской мысли, что ярко характеризует весь спектр сложности вокруг проблемы «сближения с народом». Забегая вперёд, можно констатировать, что желаемого «сближения» образованное общество так и не смогло или не успело достигнуть, что наводит на мысли о утопичности самой постановки такого вопроса. Думается, что наиболее остро это понимал А.А. Фет, который пытался выстроить новые хозяйственные отношения с крестьянами, не поэтизируя воспетую образованным обществом самобытность и праведность крестьянского мира.

Библиографический список

1. Гроссман Л.П. Достоевский. М., 1962.
2. Джаншиев Г.А. Эпоха Великих реформ. Т. 1. М., 2008.
3. Достоевский Ф.М. Два лагеря теоретиков // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 15 т. Т. 11 Л., 1993.
4. Достоевский Ф.М. О любви к народу // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 15 т. Т. 13. СПб., 1994.
5. Леонтьев К.Н. Как надо понимать сближение с народом? // Интеллигенция – власть – народ. М., 1992.
6. Минаев Д.Д. Лирическое художество // Русское слово. 1863. № 9.
7. Фет А.А. Жизнь Степановки, или лирическое хозяйство. М., 2001.

ПОВОЛЖСКИЕ ДЕПУТАТЫ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДУМАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ОБЗОР ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Депутаты Государственной думы Российской империи составляли пестрый конгломерат, где были представители различных сословий, политических партий и территорий страны. Цель данной статьи рассмотреть историю изучения парламентариев от поволжских губерний в Государственных думах Российской империи.

Отечественную историографию по данной проблематике можно условно разделить на три периода: дореволюционную, советскую и современную. Первые работы, посвященные депутатам Государственной думы стали публиковаться одновременно с появлением самого представительного органа. Прежде всего, следует отметить справочные издания, в которых сохранились биографические данные о парламентариях [1; 2]. В дореволюционной историографии не представлено отдельных работ, посвященных депутатам от поволжских губерний. Некоторые сведения мы можем получить из публикаций, рассматривающих общие вопросы функционирования Государственной думы, политических партий или отдельных фракций. Однако следует учитывать, что авторами многих этих публикаций, в основном, выступали непосредственно депутаты или же свидетели думских событий, поэтому работы имеют в большинстве своем публицистический характер.

После 1917 года и до конца 1950-х история первого российского парламента выпадает из поля зрения исследователей. 1960–1980-е годы стали временем, когда интерес к данной проблеме снова возрастает. В этот период выходят специальные работы, посвященные отдельным партиям в период первой российской революции [3].

Если обращаться к краеведческим публикациям, то следует отметить статьи Д.Г. Семочкина [4], в которых автор рассматривает выборы в I и II Государственные думы. Основное внимание Семочкин уделяет деятельности партии большевиков, а Думу же рассматривает как орган, представлявший интересы правящих классов. Господствовавшая в советское время в научной литературе марксистская методология оказала влияние на круг рассматриваемых вопросов и исследовательские оценки процессов и явлений. Однако советская литература обладает богатым фактическим материалом.

В 1990–2000-е годы наметились новые подходы в изучении исследуемой темы, значительно расширилась проблематика исследований, появились новые оценки. Многие исследователи обращаются к проблеме выборов в Государственную думу на материалах отдельных регионов. Особого

внимания заслуживает диссертация Ф.В. Стоянова «Выборы в Государственную думу в губерниях Среднего Поволжья» [5], в которой автор анализирует избирательный процесс в регионе. Стоянов прослеживает влияние власти на организацию выборов и проводит сравнение агитационных практик различных политических партий.

Современная историография характеризуется появлением отдельных работ, посвященные региональным представителям в Государственной думе Российской империи. В настоящий момент наиболее подробно изучены состав и деятельность в Государственной думе депутатов от Казанской губернии [6]. Новым направлением в современной историографии стало появление историко-биографических работ, посвященных различным депутатам от поволжских губерний.

100-летний юбилей первой Государственной думы Российской империи привел к появлению новых публикаций по данной теме. Среди этих работ следует отметить краеведческое справочное издание «Самарцы – депутаты Государственной Думы Российской империи» [7], авторы которого дают общие сведения о Государственной думе, избирательных кампаниях в Самарской губернии и думцах. Также стоит отметить энциклопедию «Государственная Дума Российской империи, 1906–1917» [8], в которой представлены биографические сведения о всех поволжских депутатах.

Подводя итоги, следует сказать, что в истории изучения поволжских депутатов выделяются дореволюционный, советский и современный периоды. Дореволюционная историография озаменована большим количеством публицистических и справочных работ и почти полным отсутствием аналитической литературы. В советский период появилась исследовательская литература, но она была ограничена единой методологией. Современная историография характеризуется появлением новых подходов, расширением тематики исследований, увеличением внимания историков к региональной проблематике.

Библиографический список

1. Члены Государственной думы (портреты и биографии): первый созыв / сост. М. М. Бойович. М., 1906.
2. Первая Государственная дума: Алфавитный список и подробные биографии и характеристики членов Государственной думы. М., 1906.
3. Колесниченко Д.А. Трудовики в период первой российской революции. М., 1985.
4. Семочкин Д. Г. Выборы в I Государственную думу по Самарской губернии // Из истории Среднего Поволжья: сборник аспирантских работ. Куйбышев, 1966. Вып. 51. С. 205–225.
5. Стоянов В.Ф. Выборы в Государственную думу в губерниях Среднего Поволжья (1906–1912) : дис... канд. ист. наук. Пенза, 2002.
6. Усманова Д.М. Депутаты от Казанской губернии в Государственной думе России. 1906–1917. Казань, 2006.

7. Самарцы – депутаты Государственной думы Российской империи / Сост. И.В. Крамарева, И.Н. Лазарева. Самара, 2006. Ч. 1–2.

8. Государственная Дума Российской империи 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008.

Д. С. Парфирьев

Московский государственный университет

«НЕ ХУЖЕ, ЧЕМ РОМАНОВЫ»: ПАВЕЛ МИЛЮКОВ И УКРАИНЦЫ ГАЛИЦИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Политику властей России в австро-венгерской Галиции, которая была оккупирована русскими войсками в самом начале Первой мировой войны, внутри страны особенно резко критиковала конституционно-демократическая партия. Главным предметом критики была борьба с местным украинским движением. Позиция кадетов по этому вопросу изучена хорошо [1; 2; 3], однако представление о ней не может быть полным вне понимания того, как роль кадетов воспринималась самими галицийско-украинскими деятелями. На фоне других представителей партии западно-украинская печать закономерно выделяла её бессменного лидера и главного спикера П. Н. Милюкова. Некоторые представители украинского движения в Галиции знали его лично ещё с довоенных времён: кто-то познакомился с ним в 1908 году на межпарламентской конференции в Берлине [4, с. 149–150], кто-то – во время поездок в Россию [5].

В фонде Милюкова в ГА РФ отложился ряд писем периода Первой мировой войны от украинцев – как с предложениями повлиять на ситуацию в Галиции [6, л. 1], так и с просьбами о помощи. Последние Милюкову перенаправляло «Общество помощи населению Юга России», которое помогало оказавшимся в России галичанам, в основном ссыльным или бывшим пленным. Эти письма однотипны – отправитель просит денег на одежду и еду [7, л. 1, 2, 7]. Среди авторов посланий, попавших к Милюкову, были и видные фигуры, например, бывший депутат австрийского парламента Д. Стахура, отбывавший ссылку в Симбирске [8, л. 3]. Уже после попадания его письма к лидеру кадетов он советовал своему однопартийцу, сосланному в Енисейский край, связаться с Милюковым или «другим каким-нибудь влиятельным депутатом», чтобы тот помог ему перебраться в Симбирск [9, арк. 16зв].

Многие украинские деятели из Галиции, хотя и усматривали в кадетях реальных претендентов на роль российской власти после возможной революции, без энтузиазма оценивали перспективы решения ими украинского вопроса. Так, Л. Цегельский, убеждённый сторонник отделения Приднепровской Украины от России, в брошюре «Независимая Украина» скепти-

чески отзывался о «Милюкове, Родичеве и... других российских либералах и прогрессистах, которые говорят украинцам довольствоваться украинским языком в школах, земстве и суде, не допуская даже «автономии» Украины» [10, с. 4]. Журнал «Шляхи» также отмечал, что украинцы «не будут в восторге от «уступок» ни г-на Милюкова, ни его партии или прогрессивного думского блока». Издание полагало, что уступки эти будут «такого рода, что в любом европейском государстве разумеются сами собой» [11, с. 680].

После Февральской революции Милюков, занявший пост министра иностранных дел России, оказался в центре внимания западноукраинской общественности. Любопытно, что газеты писали, что «руководство страной оказалось в руках Милюкова и товарищи» [12] и выражение «Милюков и товарищи» применительно к новым властям использовали регулярно [13, с. 2]. Поначалу пресса отзывалась о политике позитивно. Лично знавший Милюкова журналист М. Лозинский в передовице газеты «Дило» называл его «человеком, для которого основой политической деятельности является идея, принцип». Между его позицией по украинскому вопросу и стремлениями украинцев могут быть различия, но он не воспользуется средствами власти, чтобы... воспрепятствовать нашей политической борьбе за наши стремления» — заверял читателей Лозинский [5]. Газета «Украинское слово» рассуждала, что «Милюковы, Львовы, Керенские и т. д.» не только не менее способны управлять, чем «Романовы» и «Столыпины», но и в состоянии «найти государственную формулу, которая... могла бы спасти Россию от разложения и распада» [13]. Впрочем, по мере того, как Милюков всё решительнее выступал против автономии Украины, западно-украинские круги всё больше разочаровывались в нём. В начале мая 1917 года «Украинское слово», комментируя его заявление о необходимости государственной независимости для австрийских славян, замечало, что политик «чужое видит под лесом и не видит своего под носом» [14]. До отставки кадетского лидера с поста главы МИД к тому времени оставалось буквально несколько дней.

Библиографический список

1. Брейяр С. Партия кадетов и украинский вопрос (1905–1917) // Исследования по истории Украины и Белоруссии. М., 1995. С. 89 – 110.
2. Щербін Л. Українське питання в діяльності Конституційно-демократичної партії Росії (1905–1918 рр.). Івано-Франківськ, 2011.
3. Трунов К. Н. Партия кадетов и украинский вопрос (1905–1917 гг.) // Клио. 2014. № 11 (95). С. 63 – 72.
4. Трильовський К. З мого життя. Київ – Едмонтон – Торонто, 1999.
5. Лозинський М. У теперішнього російського міністра закордонних справ // Діло. 25 марта 1917. Ч. 70. С. 1.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 579. Оп. 1. Д. 1870.

7. ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1913.
8. ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 6711.
9. Центральний державний історичний архів України, м. Львів. Ф. 372. Оп. 1. Спр. 83.
10. Цегельський Л. Самостійна Україна. Відень, 1915.
11. Мілюков і українська справа // Шляхи. Вересень – жовтень 1916. С. 678–680.
12. Діло. 29 марта 1917. Ч. 73. С. 1.
13. Революція в Росії и вилучене Галичини // Українське слово. 31 марта 1917. Ч. 66. С. 1 – 2.
14. Слова, слова, слова... // Українське слово. 3 мая 1917. Ч. 91. С. 1.

А.А. Шашкова

Самарский национальный исследовательский университет

МЫСЛИТЕЛИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ О КРИЗИСЕ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА

Тема кризиса европейской культуры, поднятая в «Закате Европы» О.Шпенглера, становится в 1920–1930-е гг. одной из главных в культурно-исторической мысли [1, с.73]. Представители русского зарубежья пытались осмыслить кризис, выявить его истоки, проявления и симптомы, в том числе в сфере искусства.

Н.А. Бердяев был воодушевлен новым искусством – кубизмом – в 1915–1916 гг., поскольку видел в нем «симптом разрушения материи», «космический ветер» [2]. Через пару лет после такого высказывания мыслитель пишет статьи «Кризис искусства» и «Пикассо», подвергая современное искусство критической оценке. По мнению Бердяева, Пикассо выразил ощущение эпохи; эпохи «разложения, расплывания, распыления физического, телесного, воплощенного мира» [3]. Пикассо для Бердяева – великий художник, но художник кризиса, а не гармонии, красоты. Бердяев пишет о том, что новое искусство сосредоточено на материальном (а не на духе), но материальное в искусстве разлагается, теряет свою твердость, оформленность. Бердяев обвиняет футуризм во вражде «человеческому»; поверхностности; пассивности. Истоки футуристических течений Бердяев усматривает в механизации мира. По мнению Бердяева, футуризм – не новое творческое начало, а переходная эпоха. Бердяев считает, что необходимо создание подлинно нового, духовного искусства. Р. Гальцева отмечает, что Бердяев, «несмотря на пережитое, остается апокалиптическим теургом, мечтающим о преодолении культуры неким сверхкультурным и освобождающим от материальных пут творческим актом» [4].

И. А. Ильин в статье «Кризис современного искусства» (1927) утверждает, что современному модернизму в искусстве присуща атмосфера чув-

ственной возбужденности, нервной развинченности и духовной пустоты. По мнению Ильина, искусство Европы со второй половины XIX в. поражено религиозным кризисом. Религия и искусство для мыслителя неразрывно связаны, потому что выполняют одну и ту же функцию – одухотворяют и перерождают инстинкты и страсти человека, освобождают его из-под власти бессознательного, т.е. духовно воспитывают человека и наполняют его природу духовным содержанием. Современное же искусство, по мнению Ильина, «выбрасывает» бессознательное, не подвергает его духовной цензуре, перевоспитанию, не совершает духовную власть над ним. Такое искусство является больным, поскольку худшие содержания инстинктов и страстей человека выплескиваются в первозданном, «животном» виде, или отражают «больное бессознательное» художника [5, с. 62-71].

Г. П. Федотов в статье «Борьба за искусство» (1935) характеризует состояние кризиса искусства емкой фразой: «Эротика вместо любви. Жестокость вместо сострадания» [6]. По мнению Федотова, главным содержанием искусства, начиная с XII в., является любовь. В современном искусстве Федотов видит потерю любви и замену любви эросом. В Новое время искусство попыталось занять место религии, но искусство без Бога вскоре пришло к осознанию исчерпанности творческих сил: новый дух времени восстал против изысканной эстетики XIX в., культурного многообразия и гуманистических ценностей [7, с. 68]. Мыслитель полагает, что новое искусство смотрит на мир фрагментарно, так как утрата реализма ведет к утрате цельности мира; новое искусство инициировало гибель гуманистической культуры. Мыслитель возлагает на художника ответственность за состояние кризиса: «Пикассо и Стравинский в духовном мире значат то же, что в социальном Ленин и Муссолини» [8]. При этом он говорит об обреченности служения художника, так как искусство – это сфера не воли и рассудка, а бессознательного человека. Федотов подчеркивает, что искусство еще не умерло, что создаются прекрасные вещи во всех направлениях. Мыслитель считает, что необходимо новое искусство на основе «интуиции, которая сможет узмотреть Бога, человека и мир» [6].

Таким образом, мыслители русского зарубежья критиковали модернистское искусство за бесчеловечность; бездуховность, которая связана с отсутствием религиозной основы; беспомощность; выражение дисгармонии, упадка, болезни. Русские религиозные мыслители и деятели нового искусства жили в атмосфере кризиса, на их глазах рушилась понятная и целостная картина мира, а впереди ждала неизвестность. В таком состоянии рождались разные интерпретации перспектив происходящего и разные способы преодоления кризиса. Русские религиозные философы обратились к вере в Бога и человека как к способу выхода из кризиса. Они обращались к искусству Средневековья и раннего Ренессанса, потому что были убеждены, что гармония и совершенство возможны только при условии духовного возрождения человека и мира.

Библиографический список

1. Гумерова Ж.А. Культурно-исторические взгляды Г.П. Федотова // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 368.
2. Герцык Е.К. Портреты философов // Наше наследие. 1989. №2. URL: http://az.lib.ru/g/gercyk_e_k/text_0010.shtml (дата обращения: 11.11.2018).
3. Бердяев Н.А. Кризис искусства. М., 1990. URL: http://yakov.works/library/02_b/berdyayev/1918_14.html (дата обращения: 11.11.2018).
4. Гальцева Р.А. Об умирании искусства // Новый мир. 1996. №10. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1996/10/knobos05-pr.html (дата обращения: 11.11.2018).
5. Ильин И.А. Собрание сочинений. Т.6. М., 1996.
6. Федотов Г.П. Борьба за искусство // Новый Град. 1935. №10. URL: http://www.odinblago.ru/noviy_grad/10/3 (дата обращения: 11.11.2018).
7. Люкс Л. Георгий Федотов о характере русской революции и о европейском кризисе первой половины XX в. // Вопросы философии. 2015. № 1.
8. Федотов Г.П. Четверодневный Лазарь // Круг. Альманах. 1936. URL: http://www.odinblago.ru/chetv_lazar (дата обращения: 11.11.2018).

А.В. Бочарова

Самарский национальный исследовательский университет

МУСУЛЬМАНЕ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ В АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ КОМПАНИИ 1920-Х ГГ.

После революционных событий 1917 г. и последующих изменений в регулировании положения религии в стране, советской власти было необходимо не только отделить религиозные институты от государства, но и повысить положение новой идеологии марксизма, установить ее господство не только официально, но и внедрить в умы всех граждан. Именно поэтому, советскому руководству было необходимо бороться со старыми религиозными предрассудками большинства населения, очерняя религиозность, высмеивая обряды и атрибуты прежней религиозной жизни.

В июле 1921 г. отдел пропаганды и агитации при ЦК РКП(б) и его национальные отделения получили установку на проведения антирелигиозной пропаганды. Начавшись преимущественно с православного крыла, антирелигиозная работа постепенно перешла и на другие конфессии, затронув обряды и праздники различных религиозных общин Самарской области. Ислам, как вторая по численности приверженцев религия, также подверглась влиянию новой идеологии.

Для активной антирелигиозной пропаганды власти выработали особую стратегию, которая несколько отличалась от аналогичной в православии. Например, одной из задач являлась необходимость популяризации естественнонаучных знаний среди татаро-башкирского населения, не задевая при этом религиозных чувств верующих. Также предусматривалось взяться

за осторожную и корректную критику существующих бытовых привычек мусульман, имеющих обоснование в религиозных книгах [1. Л.10].

Для руководства работы среди нехристианских народов России в Исполбюро Союза Безбожников СССР был создан отдел Национальных меньшинств, с рядом секций. Основным принципом работы данного органа было предоставление максимальной автономии местным ячейкам, не нарушая при этом указания высшего руководства. Татаро-башкирская секция носила название «Дегриляр» [1. Л.11].

Татаро-башкирская секция имела свой печатный орган, который издавал газеты. Например, в свет выходили газеты «Эшче», «Эгенчиляр», «Яш эшче» и др. Секция также изыскивала средства, которые шли на пропаганду безбожия только среди мусульман. Важным направлением деятельности «Дегриляра» была работа среди женщин мусульманок. Велась борьба против многоженства, против насильственной выдачи замуж и т.д. [1. Л.12].

В задачи татаро-башкирской секции входила подготовка активных работников, способных вести антирелигиозную пропаганду среди татар и башкир Самарской губернии. Также секцией разрабатывалась программа для аульных естественнонаучных кружков, освещались антирелигиозные вопросы в газетах «Фон-эм-дин» и «Безбожник». Советская власть всеми силами старалась бороться с религиозными праздниками у мусульман, особенно в школах. Во время праздника мавлюд-байрама, весь день в школе был отведен под клубную и пионерскую работу. Однако на него явилось только 20% всех учащихся. Мусульманские праздники отрывали 80% детей от процесса приобщения к пионерской организации [2. Л.15].

Одним из привычных форм приобщения населения к атеистическому сознанию были в то время различные антирелигиозные кампании, демонстрации. По плану татаро-башкирской секции Самарского губкома в 1926 г. планировалось организовать Сабантуй в городе, а в день уразы устроить вечернее выступление с докладом на антирелигиозную тему [1. Л.160]. Также решено было провести инструктивные совещания безбожного атеизма, прочитав лекции на различные темы, добиться организации бесплатных завтраков для школьников.

С конца 1920-х гг. — начала 1930-х гг. начинается еще более жесткий этап в антирелигиозной борьбе государства, который, начавшись с раскулачивания и лишения избирательных прав большей части населения национальных меньшинств, вылился в закрытие мечетей, и в аресты духовенства. В этот период в области было репрессировано 68 служителей мусульманского культа [4. С.363]. Однако в нескольких селах — Теплый Стан, Новое Фейзуллово, Камышла и т.д. мечети продолжали свою работу, а функции репрессированного духовенства исполняли местные старики [3].

Воинствующий атеизм стремительно шел по стране, и конечно, оказал свое влияние и на мусульман самарской губернии. Однако, как и другие национальные меньшинства, мусульмане долго и упорно сохраняли традиции своей веры, молились и пытались выжить в новых условиях СССР.

Библиографический список

1. Государственное бюджетное учреждение Самарский областной государственный архив социально-политической истории (ГБУСО СОГАСПИ). Ф.1. Оп.1. Д.2115.
2. ГБУСО СОГАСПИ. Ф.1. Оп.1. Д.2115(а).
3. Дружба народов на Самарской земле. Самара, 2015.
4. Татары Самарского края: историко-этнографические и социально-экономические очерки. Самара, 2017.

Г.А. Зыбанова

Самарский национальный исследовательский университет

НАРРАТИВ КАК МЕТОД И СРЕДСТВО ИЗУЧЕНИЯ ДЕТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ 1920-Х ГГ.

В январе этого года в книжном магазине Санкт-Петербурга мне в руки попала тоненькая книжка, имеющая название «Детям о детях» [2]. Она состоит из рассказов и иллюстраций, написанных и нарисованных детьми в возрасте от 10 до 13 лет. Опубликованные источники оказались датированы 1920-м годом и впервые напечатаны в Париже тиражом всего в 100 экземпляров. Архивные материалы, касающиеся детской повседневности, достаточно скудны. Обычно это воспоминания взрослых о детстве, но никак не записи детей о себе. Но никто не расскажет о детях так, как рассказали бы они, поэтому находка из питерского магазинчика послужила уникальным документом для данной работы. И предстоит целое исследование, чтобы приоткрыть этот маленький нарратив в большой истории.

Историческое познание основывается на «нарративном понимании» [5, с. 11]. История «литературна» по своей сути, т. е. «возможна как таковая только оформленная в нарратив (текст)» [7, с. 164]. Литературный язык — важная составляющая словесной формы исторического нарратива [7, с. 165].

Под историческим нарративом можно понимать специфическую форму организации исторического знания. Она включает в себя такую систему взаимоотношений, в которой осуществляется диалог между современным историком и исторической действительностью с помощью исторических текстов [7, с. 173]. В качестве исторических текстов в работе рассматриваются рассказы детей из вышеупомянутого источника.

Нет никаких данных, как эти дети русского происхождения, чьи рассказы были опубликованы, оказались в чужой стране и что послужило началом публикации подобных сборников. Но по содержанию детского повествования можно предполагать, что эти дети принадлежали семьям эмигрантов «первой волны».

Известно, что с осени 1920 г. население Парижа стало увеличиваться за счет потока беженцев из России, где завершалась прежняя русская жизнь.

[4, с. 6]. Французская столица 1920-х гг. стала культурным центром русской диаспоры за рубежом. Множество русских литературных организаций способствовало росту числа изданий и книжных магазинов [6, с. 18]. Издательское слово было адресовано в первую очередь эмигрантам взрослого поколения, а уже потом — детям [3, с. 294]. Но мы имеем дело даже не с детской литературой, написанной взрослыми, а с детской литературой, написанной детьми. На первой странице книги дети обращаются к детям: «Милые читатели! Надеемся, что вы не откажете нашему сборнику и что он вам понравится» [2, с. 3]. И приглашают вместе с ними участвовать в публикации собственных рассказов: «Многие из вас столько напутешествовались, столько насмотрелись, что найдут о чем писать» [2, с. 3].

Далее одно за другим идет повествование детей, авторов первого сборника. В нем нет особой заданной темы, дети пишут о том, что хотели бы рассказать. В содержании фигурируют шесть ребят — Вера К., Бетти М., Женья К., Ира В., Нолли В., Юра П. Здесь и тоска по «серенькой родине», и чувства «несчастливого беженца», попавшего в Константинополь, и о том, как мальчик Гриша во французский лицей поступил, и о детских ощущениях праздника [2, с. 4-31].

История детства строится вокруг двух проблем: реконструкция мира детей как социальной и семейной группы и представления взрослого мира о детстве как «реальной стадии жизни и как культурном символе» [1, с. 8].

Данный сборник рассказов «Детям о детях» охватывает первый круг проблем. И можно продолжать исследование, затрагивая условия существования детей, изучение роли, места, социальных функций, что отводилось детям в различных социокультурных контекстах. Во второй группе проблем источником могут служить воспоминания взрослых о детских годах. В Самарском областном государственном архиве социально-политической истории мной была обнаружена повесть Николая Константиновича Иванова «Питерский мальчишка» [8], не вводимая ранее исследователями в научный оборот. Герой повести — рабочий паренек Мишка, чье детство проходило на улицах Петербурга. Он и есть сам автор произведения. В 1918 г., возможно из-за меняющейся российской действительности, в возрасте одиннадцати лет он с семьей переехал в город Чапаевск. В 1924 Николай Иванов пришел работать в самарскую газету «Голос молодежи», где, должно быть, и раскрылся его талант как писателя [9, л. 15-24]. Тема детства в повествовании является сквозной. Автор начинает свой рассказ с того, как жилось мальчишкам из семьи Обуховского военного завода, описывает переулки, улицу, которая «манила их множеством интереснейших дел, игр, занятий» [9, л. 1]. Данный источник позволит изучать детство как культурный феномен через призму воспоминаний взрослого о собственном детстве.

Взятые исторические тексты, детские рассказы и повесть в отдельности представляют собой предмет изучения историка с целью исследования ис-

торической действительности [7, с. 162]. Прошлое, заключенное в источниках, — повод для создания исторического нарратива как метафорического заявления, который служит связующим звеном между этим прошлым, чтобы «наделить значениями и смыслами незнакомые события и ситуации» [10, с. 316–318]. Исторический нарратив, дискурсивный тип повествовательного текста как интерпретации прошлого, выступает «единственно доступной действительностью для непосредственного «наблюдения» историка» [7, с. 161].

История детства, на мой взгляд, является широким малоизученным полем для создания этого нарратива. В интерпретации детских рассказов, написанных самими детьми, в исследовании детства через представления взрослых о детском мире он, будучи и предметом исследования, выступает в то же время и в роли метода исторической науки.

Библиографический список

1. «Вся история наполнена детством». Труды семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики». М., 2012. Вып. 10.
2. Детям о детях. Сборники рассказов, написанных и иллюстрированных детьми в возрасте 10–13 лет. СПб., 2014.
3. Димьяненко А.А. Русская детская книга в Финляндии (1917—1940 гг.) // Библиотековедение. Т. 65. М., 2016. № 3.
4. Зверев А.М. Повседневная жизнь русского литературного Парижа. 1920–1940. М., 2011.
5. Копосов Н.Е. Как думают историки. М., 2001.
6. Лбова Е.М. Книжная культура русской эмиграции во Франции: автореф. дис....канд. ист. наук. Казань, 2015.
7. Мишалова Е.В. Исторический нарратив как форма организации и репрезентации исторического знания // Эпистемология и философия науки. Т. 31. М., 2012. №1.
8. СОГАСПИ. Ф. 651. Оп. 7. Д. 34.
9. СОГАСПИ. Ф. 651. Оп. 7. Д. 99.
10. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2014.

Д.А. Муллаянов

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ЗАМЕТКИ ОБ АНТИКОМИНТЕРНОВСКОМ ПАКТЕ 1936 Г.

25 ноября 1936 г. в Берлине было подписано германо-японское Соглашение против Коммунистического интернационала, известное также как Антикоминтерновский пакт. Это, вероятно, один из самых спорных международных договоров межвоенного периода. Сближение Третьего Рейха,

проведшего в начале 1936 г. ремилитаризацию Рейнской области, и Японской империи, на протяжении пяти лет удерживавшей контроль над Маньчжурией, вызвало беспокойство мировой общественности. В связи с этим вокруг пакта возникло множество мифов и заблуждений. В тоже время реальной сущности пакта уделялось мало внимания, а серьезных научных работ по данной теме чрезвычайно мало до сих пор.

Угрозой для мира в пакте называлась международная организация – Коммунистический Интернационал [1, с. 136-138]. В тексте не упоминался Советский Союз, но направленность пакта против него была очевидной, так как штаб-квартира Коминтерна находилась в Москве, и организация фактически подчинялась Советскому руководству. Когда германо-японское соглашение было заключено, многие политики и дипломаты выражали свою уверенность в том, что существовало также тайное приложение к пакту. Такой была и официальная позиция НКВД СССР.

С японской стороны пакт подписывал посол виконт Мусякодзи, с немецкой – на тот момент посол в Великобритании Иоахим фон Риббентроп. Хотя мы до сих пор не обладаем относительно полной информацией о процессе подготовки пакта. Сейчас можно с уверенностью утверждать, что в ключевую роль с японской стороны играл военный атташе Хироси Осима [2]. С немецкой стороны переговоры велись также не официальными представителями МИД, а доверенными лицами фюрера. Характерно, что как посол Мусякодзи вступил в процесс подготовки пакта только на последней стадии, а посла Германии в Японии Герберта фон Дирксена вообще не информировали ходе переговоров [3, с. 250-251].

Таким образом, уже у современников возникли твердые убеждения, что за фасадом несодержательного пакта скрывается военный сговор, направленный против СССР. Более спорным был тезис о том, что пакт был также направлен на устрашение Британии и Франции. Его, в частности, выдвигал посол США в Германии Уильям Додд [4, с. 457-458]. Это идея становится еще более дискуссионной, если учитывать множество свидетельств об англофильстве Гитлера. Тезис о направленности Антикоминтерновского пакта против Британии, Франции и других западных демократий часто встречается в научной литературе, но подробной его аргументации почти нет.

В связи с этим можно предположить, что многие авторы видели (или хотели видеть) в Антикоминтерновском пакте 1936 г. отражение будущего Берлинского пакта Германии, Италии и Японии 1940 года. С такой точки зрения Соглашение против Коминтерна сразу становится сговором агрессивных, требующих ревизии Версальско-Вашингтонской системы, держав против мира. Подобная концепция была утверждена в качестве официальной в ходе Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока (IMTFE). Сам договор и секретный протокол к нему стали доказательствами обвинения в сговоре с целью ведения агрессивной войны [5]. По тако-

му обвинению, например, к смертной казни был приговорен японский дипломат Хирота Коки, являвшийся в 1936 г. премьер-министром Японской империи.

В целях более объективного исследования истории межвоенного периода необходимо отстраняться от устоявшегося со времен Токийского трибунала подхода к оценке Антикоминтерновского пакта. Недопустимо распространять реалии начала 40-х годов на события 1936 г. Раскрытие всех загадок Антикоминтерновского пакта 1936 г., по моему мнению, позволит нам пересмотреть всю дипломатическую историю второй половины 30-х гг. XX века. Наибольший интерес представляет изучения механизма выработки решения в руководствах Германии и Японии, мотиваций правительств, а также причин, по которым текст документа приобрел свой итоговый вид.

Библиографический список

1. Антикоминтерновский пакт 1936 г. // Системная история международных отношений в 4 томах. События и документы. 1918-2000. / Отв. ред. А.Д. Богатов. Т. 2. Документы 1910-1940-х гг. М., 2000.
2. Boyd C. The role of Hiroshi Oshima in the preparation of the Anti-comintern pact // Journal of Asian History, Vol. 11, No. 1, 1977. Pp. 49-71.
3. Дирксен фон Г. Москва, Лондон, Токио. Двадцать лет германкой внешней политики / Пер. с англ. Н.Ю. Лихачевой. М., 2001.
4. Додд У. Дневник посла Додда. 1933-1938. / Пер. с англ. В.Н. Мачавариани, В.Н. Хинкиса. М., 1961.
5. Doc. No. 1561. Analysis of Documentary Evidence. Treaties between Japan and Germany (25 nov. 1936). // IMTFE Digital Collection. [Электронный ресурс]. URL: <http://imtfe.law.virginia.edu/collections/tavener/24/3/doc-no-1561-analysis-documentary-evidence> (Дата обращения 04.11.2018).

Л.Г. Мкртчян

Самарский национальный исследовательский университет

АРМЯНСКАЯ ДИАСПОРА РОССИИ В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИОГРАФИИ

Проблема изучения армянской диаспоры представляется весьма актуальной в рамках современного направления исторической науки — «новой локальной истории», чьей характерной чертой является нацеленность «на всестороннее изучение той или иной локальной общности как развивающегося социального организма, на создание ее полноценной коллективной биографии» [1, с.75]. В качестве такой локальной общности может рассматриваться и диаспора (в переводе с иврита «рассеяние»); под этим термином в современной науке понимается «совокупность населения определенной этнической или религиозной принадлежности, которое проживает в стране или регионе нового расселения»; при этом особо отмечаются та-

кие черты диаспоры, как «наличие и поддержание коллективной памяти, представления или мифа о “первичной родине”» и «стремление воссоздавать культуру (часто в сложной и обновленной форме) в различных местонахождениях» [2, с.43].

Применительно к феномену армянской диаспоры следует отметить следующее. Армянская диаспора входит в десятку в «мировой этнической сетке» по численности и в тройку по уровню влияния и ресурсам. Более того, по мнению некоторых экспертов, именно армянская диаспора считается классической. Костяк сегодняшней «классической» диаспоры составляют потомки выходцев из Западной Армении, чьи предки сумели спастись во время Геноцида 1915-1923 гг. [3, с.7]. Можно выделить такие типичные черты армянской диаспоры, как: 1) приверженность христианскому канону и объединение вокруг Армянской Апостольской Церкви; 2) объединяющая коллективная память о потерях и жертвах народа; 3) стремление к этнополитической справедливости, попытки добиться официального признания геноцида армянского народа, правильной с его точки зрения трактовки проблемы Карабаха и западных территорий; 4) укоренение в местах проживания; 5) поддержание внутриармянских родственных и дружеских связей [4].

Армянская диаспора России является самой многочисленной из всех армянских общин за рубежом. В США проживают около 1 млн. армян, во Франции – 500 тыс., в Турции – 150 тыс., в России – 2,5 млн. По некоторым неофициальным данным, число армян в России превысило 3 миллиона. Их в России больше, чем в самой Армении [3, с.33].

Э.Р. Григорьян отмечает, что российская армянская диаспора имеет свои особые группы и характерные черты. Во-первых, она включает «старожильческую» часть российских армян, которые испокон веков проживали и проживают в России; во-вторых, армян, которые переезжали в Россию в советские годы; в-третьих, выходцев из Армении, которые переехали в Россию на рубеже 1980-1990-х гг. (после разрушительного Спитакского землетрясения и в разгар армяно-азербайджанского противоборства, бакинских и сумгаитских погромов и т.д.) [5, с.33].

Среди российских армян, прочно интегрированных в социально-экономическую жизнь большой страны, очень много известных людей науки, искусства, военачальников, ученых, физиков-ядерщиков, авиаконструкторов, композиторов, писателей, врачей и др. И все они внесли свой огромный и особый вклад как в развитие СССР, так и Российской Федерации [5, с.35].

В современной историографии проблема диаспор широко изучается как в общероссийском масштабе, так и на региональном уровне. Специфика региональных исследований заключается в том, что они проводятся на основе разных подходов и методологий, в зависимости от специфики местных диаспор. Так, в диссертации М.С. Симоняна изучен процесс формирования армянской диаспоры Северо-Западного Кавказа с момента ее появления до современного этапа, уделено внимание этнокультурному обли-

ку армян, религиозной жизни и переселенческим волнам диаспоры [6]. В работах, посвященных астраханской диаспоре, рассматривается история армянских колоний и их вклад в социально-экономическую жизнь региона [7]. В диссертации Л.А. Агаджанян исследованы этнокультурные и миграционные характеристики современной армянской общины Самары, тенденции развития и социальные устремления армянской молодежи [8].

Таким образом, армянская диаспора России является частью мировой армянской диаспоры, ей свойственны общеармянские характерные черты. С другой же стороны, диаспора уникальна с точки зрения социокультурного и этнического пространства, экономических и политических условий России. Это вызывает необходимость ее дальнейшего изучения.

Библиографический список

1. Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2009.
2. Тишков В.А. Исторический феномен диаспоры // Этнографическое обозрение. 2000. № 2.
3. Армяне в России. Сборник статей / Под ред. Э.Р.Григорьяна. М., 2013.
4. Геворгян А.А. К вопросу о формировании армянской диаспоры Северного Кавказа // Университетские чтения-2010. Сайт Пятигорского государственного университета. – URL: http://pglu.ru/editions/un_reading/detail.php?SECTION_ID=2828&ELEMENT_ID=14732
5. Григорьян Э.Р. Армянство России: неиспользуемые ресурсы // Армяне в России. Сборник статей / Под ред. Э.Р.Григорьяна. М., 2013.
6. Симонян М.С. Армянская диаспора Северо-Западного Кавказа: формирование, культурно-конфессиональный облик, взаимоотношения с властью, общественными и религиозными объединениями: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2003.
7. Аветикян А.С. Армянская община Астрахани и ее роль в социально-экономической и культурной жизни региона в XVIII – нач. XX вв.): дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2006.
8. Агаджанян Л.А. Армянская община в Самаре: история и этнокультурные аспекты развития (середина XIX–XXI века): дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2016.

Д.А. Афанасьева

Самарский национальный исследовательский университет

ОБРАЗ ИРЛАНДСКОЙ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ АРМИИ В СОВЕТСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

С конца 60-х годов XX века советская пресса начинает проявлять неподдельный интерес к событиям в Северной Ирландии. В этот период начинается приток в Россию ирландской культуры: переводится ряд романов и новелл ирландских писателей. Если говорить о массовой культуре, вплоть

до 90-х годов об Ольстере пишутся статьи и выпускаются публицистические книги.

При анализе авторского видения событий, происходящих в Северной Ирландии, становится ясно, что советская официальная линия поддерживает католическое население, называя его «рабочим», «трудящимся» [4, с. 4] и перечисляя беды, выпавшие на его долю. В то же время, оно порицает действия протестантских радикалов, называя вовлеченное в борьбу протестантское население «сторонниками англичан», «банкирами и промышленниками» [1, с. 113] и подчёркивая слепую ненависть, которая переполняет этих людей по отношению к своим соседям-католикам [5, с. 47].

В этом контексте довольно интересно отношение советской публицистике к ИРА. Создаваемый средствами массовой информации образ бойцов Ирландской Республиканской армии весьма неоднозначен и при рассмотрении даже противоречив.

Для начала следует отметить то, что пресса крайне редко и неохотно говорит о существовании ИРА и о каких-либо операциях ею проводимых. Террористические акты часто списываются на операции протестантских экстремистов [2, с. 24], столкновения регулярной армии с вооруженным сопротивлением же называются самозащитой местного населения [5, с. 90].

Выступления католического населения оцениваются в положительном ключе, однако практически без исключений говорится о борьбе политической или бескровной [2, с. 62-63]. Погромы совершают, прежде всего, протестанты и введенные на территорию Северной Ирландии войска [1, с. 114].

Однако, несмотря на указанную выше тенденцию, столкновения ИРА с полицией и армией, а также подготовленные ею взрывы все же не остаются вовсе без внимания. О них говорят, но совсем в ином ключе, чем при освещении аналогичных действий протестантских радикалов.

О боях республиканской армии говорится то, что они «отважные бойцы» [2, с. 61]. Подчеркивая это Г.В. Васильев описывает сцену идущих в дневное время посреди улицы членов ИРА, которые сопровождают гроб своего товарища. «За них заступится вся улица» — подчеркивает автор, выстраивая контраст между поддерживаемой населением подпольной армии и вселяющей ужас армией регулярной [2, с. 61]. Однако встречаются и иные точки зрения: Э.А. Чепоров отмечает, что всякий раз, спрашивая, считают ли жители «гетто» ИРА своей защитницей встречал повисающую в воздухе паузу [5, с. 95].

Немаловажным моментом является то, что ИРА не приравниваются к протестантским экстремистам по причине того, что они действуют не против соседей-протестантов, но исключительно против британского присутствия в Ольстере. Жертвы среди мирного населения обусловлены лишь тем, что «лес рубят — щепки летят» [5, с. 93].

Нельзя не отметить того, что всегда прослеживается четкое отделение ИРА «официальной» от ИРА «временной». Первую называют марксистской организацией, которая предпочитает придерживаться политического метода решения проблем, вторую же обозначают как «подпольную экстремистскую организацию» [5, с. 88-89], которая готова «отвечать на террор лишь террором» и действовать в условиях кризиса лишь с помощью оружия [3, с. 14]. «Мне говорят, что насилие ничего не дает, что оно устарело...Но разве те же «продсы» и англичане не прибегают каждый день к самому жестокому насилию? Им наплевать на то, что в католических гетто от пуль гибнут женщины и дети» – «цитирует» рассуждения бойца ИРА Д. Лихачев. [3, с. 15].

Важным моментом является и то, что у ИРА, по словам публицистов, изначально практически не было оружия [5, с. 89]. Тем самым подчеркивается, что изначально вооруженных выступлений против британского правления не планировалось – они стали ответом на действия «банд фашиствующих оранжистов» [1, с. 114] и британской армии.

О том, что взрывы – ответ на то, что совершается в Ольстере с подачи официального Лондона, говорится довольно часто, однако столь же часто повторяется, что насилие, призванное прекратить насилие приводит лишь к углублению этносоциального конфликта [2, с. 62]. Растет уровень озлобления и число человеческих жертв.

Из публицистических текстов следует, что террористические акты «временной» ИРА являются следствием, но не причиной Ольстерского кризиса. Это «феномен отчаяния» католического населения, вынужденные действия в условиях абсолютного бесправия. Взрывы и столкновения с армейскими частями являются не актом ненависти к определенной социальной группе, как в случае с описанием действий «молодчиков Пейсли» [1, с. 113], не возмездием, а попыткой улучшить свое положение, сделать хоть что-то для борьбы с жестким режимом, установленным Англией [5, с. 87].

Библиографический список

1. Бельская А. Северная Ирландия. Нерешенные проблемы// Международная жизнь. №4. 1969.
2. Васильев Г.В. Зеленое и оранжевое. М., 1981.
3. Лихачев Д. «Алуэт прилетит в полдень»// Вокруг света. №7 (2562). 1987.
4. Туркатенко Н.. Ольстер – «британский Вьетнам» // Огонек. №34. 1971.
5. Чепоров Э.А. Ольстер: время остановилось? М., 1985.

**ЛИЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ В ИЗУЧЕНИИ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ОСНОВАТЕЛЯ КУЙБЫШЕВСКОЙ (САМАРСКОЙ) ШКОЛЫ
СОСУДИСТОЙ ХИРУРГИИ Г.Л. РАТНЕРА**

Георгий Львович Ратнер (1923-2001) – выдающийся советский и российский хирург. Уроженец Екатеринбурга. В годы Великой Отечественной войны был командиром взвода артиллерийской разведки. Боевые заслуги Г.Л. Ратнера отмечены двумя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны II и III степеней. Выпускник Свердловского медицинского института (1949). Ведущим научным направлением деятельности Г.Л. Ратнера была реконструктивная хирургия сосудов. Г.Л. Ратнер создал в нашем городе центр экстренной хирургии сосудов, который в течение 16 лет функционировал на кафедре факультетской терапии. Родоначальник метода гипербарической оксигенации или барокамеры, получившего мировое признание. Пионер в применении электрической стимуляции сердца.

Достижения Г.Л. Ратнера получили высокое признание за рубежом. Г.Л. Ратнер – обладатель Большой серебряной медали Кембриджа, звания лауреата международной награды «Золотой академический Оскар» и ряда других. Именем самарского знаменитого хирурга, Г.Л. Ратнера, названа одна из улиц города.

В истории российской медицины изучение биографического пути и научно-педагогического наследия Г.Л. Ратнера является несомненно актуальной задачей. И в этом большую роль играют личные документы. Для этого нами были использованы как опубликованные источники (автобиографические сочинения Г.Л. Ратнера «Советы молодому врачу» [2], «Искусство лектора» [3], «Моя профессия хирург» [4]), так и неопубликованные (материалы интервью с супругой Г.Л. Ратнера – С.В. Ждановой [1], проведенного автором этих строк в ноябре 2018 г.). На этой основе представляется возможным дополнить ключевые вопросы становления Г.Л. Ратнера как хирурга и его отношение к профессии.

Истоком в медицинской биографии Г.Л. Ратнера является выбор профессии. Какие факторы повлияли на его решение стать врачом? Большое влияние оказала его семья. Его отец Лев Моисеевич Ратнер был известным хирургом, а мать медсестрой. Однако путь к обретению профессии врача складывался постепенно. В 1940 г. в родном городе окончил среднюю школу и поступил учиться на факультет автоматики и телемеханики Московского энергетического института. Всего один мирный год Георгий Ратнер занимался изучением технических наук. Грянула Великая Отечественная

война. Георгий некоторое время еще продолжает учиться в Энергетическом институте и одновременно работает водителем троллейбуса взамен отправленных на фронт водителей.

Учебу и труд он совмещал до самого призыва в Красную Армию.

Военные дороги Георгия Ратнера начались в Крыму, но вскоре командование направило недавнего студента на учебу в Одесское артиллерийское училище. По окончании он продолжает сражаться за Родину уже офицером-артиллеристом разведки. Четырежды тяжело ранен, в том числе, серьёзную травму правой кисти, приведшую к её контрактуре. Лежал в госпиталях и по состоянию здоровья был демобилизован.

Материалы проведенного интервью с супругой Г.Л. Ратнера позволили уточнить, что основным источником профессиональной мотивации было влияние его отца. После ранения в руку Лев Моисеевич Ратнер приложил все усилия и современные методы лечения для восстановления кисти у Георгия. Именно этот успех смог удивить Г.Л. Ратнера на столько сильно, что он посвятил этой профессии всю свою жизнь.

В 1954-1962 г. Г.Л. Ратнер руководит отделением грудной и сердечно-сосудистой хирургии в Челябинском медицинском институте. Он увлеченно осваивает восстановительные операции на кровеносных сосудах, изучает технологии протезирования сосудов. В то время это было абсолютно новаторское направление в отечественной медицине, и доктор Ратнер стал одним из его первопроходцев. В 1961 г. Г.Л. Ратнер защитил докторскую диссертацию по теме «Сравнительная оценка и применение комбинированного сосудистого протеза».

Георгий Львович был умным, энергичным и весёлым человеком. Как отметила С.В. Жданова, Г.Л. Ратнер обладал изощренным умом, отличался оригинальностью суждений. Распорядок его дня складывался так: вставал рано утром и делал зарядку, в 8 часов Георгий Львович шёл на работу, часов в 5 он приходил домой и вместе со своей супругой посещал оперные и театральные спектакли или шел на прогулку. К своей работе относился очень серьёзно, отдавая ей всего себя, постоянно думал и самосовершенствовался.

В сфере личных и профессиональных отношений не прощал предательства. В этом вопросе он был непреклонен. Г.Л. Ратнер постоянно думал, самосовершенствовался, ездил за границу для приобретения дополнительного опыта и не терпел «застоя» в своём отделении. Он стремился побудить своим энтузиазмом коллег, студентов заниматься наукой и это у него хорошо получалось. Под его руководством было подготовлено более 1000 прекрасных хирургов.

Что касается отношения к религии Г.Л. Ратнера, то он всегда был открыт для этой темы. Ему сложно было поверить, что природа могла создать настолько сложный и прекрасный механизм, как человеческое тело. В про-

цессе написания научных работ, как рассказала Светлана Вениаминовна, Г.Л. Ратнер пользовался блокнотом, делая в него пометки.

В учениках и коллегах ценил наличие своей точки зрения на научные проблемы, любил людей, открытых к научному спору и дискуссии. Г.Л. Ратнер откликался на насущные вопросы социально-экономической действительности. При этом он занимал не критикантскую позицию, а выражал свои пожелания в конкретных проектах.

Досуг профессора: любил посещать оперу, театральные представления, увлекался музыкой. В семье Ратнеров был любимый питомец – фокстерьер.

Подводя итоги, можно отметить, что личные источники играют большую роль в раскрытии факторов, повлиявших на профессиональное становление Г.Л. Ратнера, позволяют восстановить повседневный уровень научных занятий и исследовать выработанные принципы взаимоотношений с коллегами и учениками.

Библиографический список

1. Интервью с С.В. Ждановой (ноябрь 2018 г.) // Личный архив автора.
2. Ратнер Г.Л. Советы молодому врачу. Б. м.: Б. и., Б. г .Самара, 1991.
3. Ратнер Г.Л. Искусство лектора. Самара, 1993.
4. Ратнер Г.Л. Моя профессия-хирург, заведующий кафедрой: [Воспоминания зав. каф. фак. хирургии Самар. мед. ун-та]. Самара, 1995.

СЕКЦИЯ IV. РУССКАЯ КУЛЬТУРА, ИСТОРИЯ ЭТНОСОВ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

П.А. Имукова

Самарский национальный исследовательский университет

ЧАЙНАЯ ЦЕРЕМОНИЯ В РОССИИ В XIX ВЕКЕ: К ВОПРОСУ О ЗАИМСТВОВАНИЯХ

Когда мы говорим о русских традициях и обычаях, в центре нашего внимания оказывается не только множество укоренившихся привычек, а прежде всего национальное наследие, народная культура, которая передается из поколения в поколение. Изучение, а также соблюдение русских традиций позволяет нам ощущать себя частью огромного народа. Каждая традиция – это характерная черта, которая выделяет русский народ из множества других. Это относится и к традиции чаепития.

Актуальность выбранной нами темы обусловлена тем, что в российской исторической науке крайне мало внимания уделено изучению традиций, связанных с чаем и культурой его потребления. И если первая часть этого вопроса частично раскрыта, то вторая остается малоизученной.

В XIX веке чай уже был известен в России как популярный практически во всех слоях общества напиток, ставший уже, можно сказать, традиционным. Сцены с чаепитием присутствуют во многих произведениях русских писателей Золотого века. Иностранцы путешественники постоянно отмечают страсть русских к этому напитку. Вполне естественным явлением было возникновение традиций, связанных с его потреблением. Впрочем, не все эти традиции были исконно русскими. Для полного понимания места и роли чая и традиций, связанных с его потреблением, мы считаем необходимым проследить истоки некоторых из них и определить их значение для русской чайной культуры.

Существовало два очевидных канала заимствований: Восток – родина самого чая и Запад – основной культурный ориентир России со времен Петра I.

После петровских реформ культура России была ориентирована на Запад. Именно оттуда заимствовались некоторые обычаи и традиции. Еще при Петре I в придворной и дворянской среде стало принято разговаривать на иностранных языках. Вместе с модой на европейские языки, костюмы и развлечения в Россию вполне естественным образом проникла мода на европейскую кухню.

Началом английской экспансии в чайную культуру России можно считать открытие английских обеденных клубов в Москве и Петербурге в конце XVIII века. Так в работе Ю. М. Лотмана «Великосветские обеды» мы читаем: «Они [английские клубы — П. А.] появились во Франции незадолго до революции, когда вдруг распространилась мода на все английское, в том числе и на обеденные клубы в английском духе. В России первый английский клуб возник 1 марта 1770 года» [1, с. 34.] Специфика таких клубов заключалась в обязательном членстве, поэтому первое время популярностью они не пользовались. «Но уже в начале XIX века клуб насчитывал до трехсот членов, в их числе были высшие государственные сановники», — отмечает Ю. М. Лотман [1, с. 34].

В московских английских клубах широко практиковались азартные карточные игры. «В сравнении с московским Английским клубом, который, несмотря на официальный запрет, был местом, где процветали азартные игры, петербургский отличался строгостью нравов...», — такое описание московским клубам дает Ю. М. Лотман в своей работе [1, с. 34–35]. Карточные игры в России не были чем-то исключительным. Они были весьма распространены во многих слоях русского общества. К примеру, в повести Н. В. Гоголя «Шинель» игра в вист (один из видов карточной игры) изображается как элемент повседневности петербургских чиновников: «<...> когда все чиновники рассеиваются по маленьким квартиркам своих приятелей поиграть в шуговой вист, прихлебывая чай из стаканов с копейными сухарями, затягиваясь дымом из длинных чубуков, рассказывая во время сдачи какую-нибудь сплетню, занесшуюся из высшего общества...» [2, с. 97].

Карточные игры за чаепитием проводились не только в клубах и кабаках, но и в дворянских домах. Однако в повседневной среде большее распространение получали «идиллические» карточные игры [3, с. 197]. Такие игры часто имели место в семейном кругу или в кругу друзей. Выигрыш не был конечной целью игры, он только повышал интерес. Такая игра рассматривалась в качестве организации досуга. Стоит отметить, что этот элемент повседневной культуры типичен не только для России, но и для европейских стран. Карточная игра (естественно, идиллического типа) являлась частью досуга английского дворянства. Свидетельства этому мы находим в произведении У. Теккерея «Ярмарка тщеславия».

Перед нами письмо мисс Бекки Шарп, состоявшей гувернанткой в доме семьи Кроули, к подруге мисс Эмили Седли. В письме Бекки подробно рассказывает о своей жизни в доме английских аристократов. Среди прочего мы встречаем следующие слова: «Когда мы перешли в гостиную, леди Кроули вынула из ящика своего рабочего стола какое-то бесконечное вязанье, а девочки засели играть в крибедж [английская карточная игра для двух игроков — П. И.], вытащив засаленную колоду карт» [4, с. 123]. Эта часть письма посвящена описанию одного из вечеров в поместье Кроули.

Итак, после ужина члены семьи переходят в гостиную и проводят время за чтением, чаепитием, играми или другими формами досуга, приличествующими английским дворянам. В данном случае мы наблюдаем детскую игру. Упомянутые девочки – дочери четы Кроули и ученицы мисс Шарп. Итак, мы можем утверждать, что традиция совмещения идиллических карточных игр и чаепития в России является заимствованием из европейской культуры.

Помимо карт, у английского и русского дворянства была еще одна обаятельная традиция. Мы имеем в виду пятичасовой чай, или, как он называется в Англии, five o'clock. Исконно английская традиция оказалась тепло принята в России. В русской художественной литературе XIX века мы можем встретить множество упоминаний пятичасового чая. Примером этому может послужить следующий отрывок из повести Ф. М. Достоевского «Дядюшкин сон»: «Крестный отец мой, Бородуев... купец, встретился сегодня со мной. Старик решительно сердится, упрекает, говорит, что я загордился. Вот уже третий раз я в Мордасове, а к нему и носа не показывал. «Приезжай, говорит, сегодня на чай». Теперь ровно четыре часа, а чай он пьет по-старинному, как проснется, в пятом часу» [5, с. 85]. Причем, чай в данном случае выделяется в отдельный прием пищи. Нельзя с уверенностью сказать, что пятичасовой чай в России является прямым копированием английской традиции. В XIX веке приемы пищи были четко регламентированы. За завтраками, обедами и ужинами закреплялось строго определенное время, которое соблюдалось и дома, и в заведениях. В связи с этим, Ю. М. Лотман в своей работе «Великосветские обеды» приводит французскую поговорку: «<...> В Париже говорили, что ремесленник обедает в два часа, рыночный торговец – в три, клерк – в четыре, нувориш – в пять, министр и богатый банкир – в шесть, а Талебран – в восемь вечера» [1, С. 36].

О заимствовании восточных традиций нам пока известно меньше. Однако стоит сказать о традиции устраивать чайную комнату в домах русских дворян. Чайная комната была удовольствием, которое могли себе позволить в основном жители больших уездных поместий. В Японии и Китае, откуда родом эта традиция, помещение для чаепития представляло собой целую комнату или у менее зажиточных людей просто отгораживалось ширмой [6, с. 115].

Подведем некоторые итоги. Русская чайная традиция перенимает черты английской. Чай пьют после обеда и ужина, а также после дневного сна – знаменитый five o'clock. Подают чай в гостиной, а чаепитие сопровождается непринужденной беседой или карточной игрой, как это было принято в среде английского дворянства. Кроме гостиной, чай подавали также и в чайной комнате. Эта традиция была заимствована из азиатской культуры. В китайских и японских домах часть пространства отделяли исключительно для проведения чайной церемонии. Летом чайные столы накрывали на

свежем воздухе в беседках, на террасах, на островах искусственных прудов.

Помимо заимствованных черт, русская чайная традиция обзавелась и своими собственными элементами. Ярчайшим примером этому служит самовар, аналогов которому в мире нет. Он становится предметом гордости русских людей. Чаепитие в России в XIX веке не мыслится без самовара. Таким образом, заимствованные с Запада и Востока традиции дополняются собственными национальными обычаями, на основе чего постепенно формируются русская традиция чаепития.

Проблема заимствований в русской чайной церемонии остается актуальной и необходимо продолжать разработку этой данного направления.

Библиографический список

1. Лотман Ю. М., Погосян Е. А. Великосветские обеды: панорама столичной жизни. СПб.: Пушкин. фонд, 1996.
2. Гоголь Н. В. Шинель // Гоголь Н. В. Избранные сочинения. М.: Худож. лит., 1987.
3. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Азбука, 2014 г.
4. Теккерей У. Ярмарка тщеславия // Теккерей У. Ярмарка тщеславия. В 2 ч. Ч. 1. М.: Правда, 1982.
5. Достоевский Ф. М. Дядюшкин сон // Село Степанчиково и его обитатели. М.: Советская Россия, 1986.
6. Похлебкин В. В. Чай. М.: Эксмо, 2017.

Е.А. Елисеева

Самарский национальный исследовательский университет

«ВЫЗОЛОТИТЬ С ЛУЧШИМ МАСТЕРСТВОМ»: ОФОРМЛЕНИЕ ИКОНОСТАСА КАК ПРЕДМЕТ ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА В ЖЕНСКИХ МОНАСТЫРЯХ СИБИРСКОЙ ЕПАРХИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Иконостас русского православного храма представляет собой важный элемент храмовой архитектуры, отражающий особенности религиозного сознания. Цель данной статьи – изучение декоративного оформления иконостасов в женских монастырях Симбирской епархии во второй половине XIX столетия. Рассмотрение декоративного убранства иконостасов важно для понимания развития церковного искусства второй половины XIX века.

В данной статье мы рассмотрим декоративное оформление иконостасов храмов Сызранского Сретенского женского монастыря и Симбирского Спасского женского монастыря. Проектная документация свидетельствует о том, что в оформлении иконостасов не существовало четко заданного стиливого направления. Так, в проекте храма Рождества Пресвятой Бого-

родицы Сызранского Сретенского женского монастыря отмечено, что в иконостасе «по всем сторонам икон поставлены вызолоченные полуколонки с капителями; царские врата резные, вызолочены, состоят из двух створов» [1, л. 22об.]. В описании иконостаса деревянного храма отмечено, что «вверху на царских вратах имеется вызолоченная резная корона. По сторонам икон поставлены пилястры – белые, с тремя углублениями, лоточками, которые вызолочены» [1, л. 22об.]. Вышеназванные элементы представляют собой неоклассицизм. В то же время, обращаясь к изображениям иконостасов храмов монастырей, мы отмечаем присутствие растительного орнамента и элементов стиля барокко. Так, в оформлении иконостаса храма Симбирской Спасской женской обители эскизы киотов демонстрируют большое количество растительного орнамента в виде цветущего чертополоха, херувимов и колонн с капителями.

Элементы иконостасов рассматриваемых храмов женских монастырей несут в себе определенную символику. Херувимы, золото, растительный орнамент в виде цветущего чертополоха, царская корона – все эти декоративные элементы обращают нас к образу Рая.

Отдельно стоит сказать о материале, который подбирался для создания иконостасов. Так, например, согласно проекту, иконостасных дел мастер Петр Захаров обязался сделать Симбирскому Спасскому женскому монастырю «три иконостаса из сухого соснового леса, а резьбу и деки для икон из сухого липового леса. На престолах деки кипарисовые» [1, л. 22об.]. Другому московскому мастеру Николаю Сафронову предстояло сделать иконы из красного сухого соснового леса, а деки икон из липового леса [2, л. 1об.]. В храме Рождества Пресвятой Богородицы Сызранского Сретенского женского монастыря главный предалтарный иконостас был сооружен из липового дерева [1, л. 22об.]. По нашему мнению, выбор сосны и липы, как главных материалов для создания элементов икон, объяснялся не только широкой распространенностью данных пород на территории России и их пригодностью для обработки, но и их символическим значением. Так, в христианской традиции кипарис – свидетель различных событий жизни Богородицы, сосна и липа – место явление икон Богородицы.

Создание окна в «горний мир» требовало от мастеров владение хорошей столярной техникой и высокой квалификации. В монастырской документации отмечалось, что работы по созданию элементов иконостаса должны быть сделаны отчетливо, и искусно знающими свое дело мастерами [1, л. 5об.]. Поэтому для проведения вышеназванных работ приглашались мастера из других городов. Так, в проектных материалах значатся московские купцы, иконостасных дел мастера Петр Захаров и Николай Сафронов. Приглашение мастеров из столь далеких территорий свидетельствует об ограниченности числа специалистов, которые были способны справиться с подобной работой. Все мастера, трудившиеся над созданием иконостасов, в каждом проекте писали: «резную работу сделать с лучшим и проч-

ным мастерством» и « всю работу произвести в самом лучшем виде и прочно» [2, л.1об.]. Мастера понимали всю важность предстоящих работ и брали на себя все расходы по транспортировке и ремонту иконостасов.

Таким образом, иконостасы храмов Сызранского Сретенского женского монастыря и Симбирского Спасского женского монастыря являлись особым элементом в структуре храма. В оформлении иконостасов можно проследить смешение различных стилей. Однако все их элементы были символами, которые несли определенный религиозный смысл. Создание иконостасов было сложным процессом, которое требовало высокой квалификации специалистов, поэтому для этой работы привлекались мастера из Москвы.

Библиографический список

1. Сызранский филиал Центрального Государственного архива Самарской области (СФЦГАСО). Ф.26. Оп.1. Д.57.
2. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф.185. Оп.1. Д.2.
3. Флоренский П. Иконостас. М., 1994.

В.А. Новиков

Самарский государственный институт культуры

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ОТКРЫТИЕ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В ПРОВИНЦИАЛЬНОМ ГОРОДЕ СЕРЕДИНЫ XIX В. КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ (НА ПРИМЕРЕ САМАРЫ)

Самарская губерния была создана 1 января 1851 г. В городе было тогда всего 27 учеников в уездном и 31 – в приходском училищах [5, с. 309]. 29 января в новой губернии заработала дирекция училищ. Этот орган непосредственно управлял школами Министерства народного просвещения. Ей также были подотчетны домашние учителя, частные школы и пансионы, сельские училища, открытые Министерством государственных имуществ и Департаментом уделов.

В 1856 г. в ведении дирекции насчитывалось 5 уездных училищ, 7 приходских, 1 частное заведение [1, с. 68]. Начальный уровень образования удовлетворял потребности не всех жителей новой губернии, особенно, из привилегированных сословий. Создание дирекции училищ предполагало обязательное открытие гимназии в губернском городе. Всячески содействовал ее открытию, как, впрочем, и ряда других учебных заведений, самарский губернатор, активный сторонник реформ и просвещения К.К. Грот [2].

18 декабря 1855 г. на доклад по этому вопросу, который представил министр народного образования, последовало повеление императора Александра II «приступить немедленно к открытию в Самаре гимназии».

На Самарскую гимназию, несмотря на еще не закончившуюся Крымскую войну, с 1 января 1856 г. выделялись из государственного казначейства средства. Всего казна финансировала Самарскую гимназию на общую сумму в 7583 руб. 21 коп. в год [4, л. 1-1 об.]. Для сравнения укажем, что все школы Самарской дирекции за 1855 год получили из государственного бюджета 7333 руб. 36 коп.

Удалось сформировать работоспособный преподавательский коллектив. Был подобран ученый священник – преподаватель Закона Божьего [6]. Самарские жители были неоднократно оповещены об открытии гимназии, в “Самарских губернских ведомостях” публиковались приглашения поступить в нее [7].

Само открытие гимназии состоялось 5 августа 1856 г. По традиции, идущей со времен «просвещенного абсолютизма», такие мероприятия сопровождались торжественным церемониалом, символизирующим попечение, заботу монарха, церкви и местных властей о просвещении народа, способствующим изъявлению верноподданных и религиозных чувств населения [3].

В 9 часов утра учителя и воспитанники гимназии во главе с директором, инспектором, помощником попечителя Казанского учебного округа собрались в храме, где самарский епископ Евсевий в присутствии губернатора К.К. Грота и многочисленных любителей просвещения отслужил литургию. Вместе с городским духовенством и в сопровождении губернатора, помощника попечителя округа, руководителей и учителей гимназии, ее воспитанников и многочисленных собравшихся жителей он «совершил торжественное шествие в дом, нанятый для гимназии, в преднесении хоругвей и святых икон». Очевидец заметил, что «религиозная процессия производила поразительное впечатление, невольно пробуждавшее в зрителях благоговейные чувства» [4, л. 138-138 об.]. По прибытии в гимназию совершено было молебствие с водоосвящением. Епископ, «обходя классные комнаты, кропил их святою водою, а также и воспитанников и всех чинов заведения». Затем с речью к присутствующим обратился директор гимназии и училищ Самарской губернии А.П. Пономарев. В ней он изложил историю народного образования в губернии, создания гимназии, дал оценку этому событию [4, л. 138 об.-140].

Всем присутствовавшим на церемонии от начальства гимназии «предложен был обильный завтрак». На нем был первым провозглашен тост за здоровье государя императора. За ним последовали тосты в честь министра народного просвещения Норова, самарского епископа Евсевия, начальника Самарской губернии К.К. Грота, попечителя Казанского учебного округа В.П. Молодцова и его помощника В.И. Антропова [4, л. 144].

В Самаре создавались условия для доступа к просвещению и девочек. Большие усилия к открытию школ для них в Самарской губернии приложил лично К.К. Грот. В конце 1857 г. он предложил городскому самоуправ-

лению открыть первое в Самаре женское приходское училище. Он указал городскому обществу на необходимость «отпускать ежегодно потребную сумму на содержание такого училища». Самарское городское общество приняло это предложение. Губернское правление утвердило решение, сообщив о нем в дирекцию самарских училищ. 2 сентября 1858 г. состоялось открытие первой общеобразовательной школы для девочек в Самаре. Приходское училище для девиц было открыто лично К.К. Гротом, в присутствии бывшего директора училищ А.П. Пономарева и нового заведующего дирекцией Самарских училищ И.Д. Веретенникова, других училищных чиновников, наставницы училища, городского головы с некоторыми гражданами, поступивших учениц и их родителей. Перед началом церковного обряда И.Д. Веретенников объявил о разрешении начальства на открытие учебного заведения и при этом в речи, обращенной к посетителям, указал, кому обязано своим открытием новое училище, а в назидание учащимся сказал несколько слов об их обязанностях. Вслед за этим начался молебен. По окончании его городской голова В.Е. Буреев от имени жителей выразил благодарность К.К. Гроту за участие в открытии школы, а сам губернатор отметил, что городское общество предоставило средства на ее содержание [2, с. 16-17].

Уже 7 августа 1859 г. в Самаре была открыта для девочек и средняя школа. Ею стало женское училище 1-го разряда – будущая женская гимназия. К концу XIX в. в городе функционировали несколько средних общеобразовательных учебных заведений. Они дополнялись многочисленными приходскими училищами, пансионами, другими образовательными учреждениями.

Всё это свидетельствует о том, что народное просвещение и культура в целом сделали в конце 1850-х гг. важные шаги в Самаре и Самарской губернии. Участие губернатора, священников, педагогов, представителей общественности и местного самоуправления в создании и торжественном открытии новых учебных заведений превращало эти акты в значимые социокультурные явления, способствовало преодолению негативного отношения к школьному обучению детей, которое еще бытовало в городской среде. Все это вело к успехам в образовательной и социальной сфере, процессам модернизации страны и региона.

Библиографический список

1. Артамонова Л.М. В начале самарской науки: самарские учителя середины XIX века и их ученые занятия // Модернизация культуры: идеи и парадигмы культурных изменений. Материалы Международной научно-практической конференции. Самара, 2013. Ч. 2. С. 65-73.

2. Артамонова Л.М. Губернатор К.К. Грот и самарское учительство в условиях социальных, административных и культурных трансформаций (середина XIX в.) // Гротовские чтения: материалы IV межрегиональной научно-практической конференции. Самара, 2016. С. 10-22.

3. Кинзябулатова Г.Р. Приветственные речи и хвалебные слова духовных лиц по случаю открытия народных училищ в 80-е гг. XVIII в. // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. Электронный научный журнал. 2013. № 2. URL: <http://apriori-journal.ru/serial/2-2013/Kinzyabulatova.pdf> (дата обращения: 21.11. 2018).

4. Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф.92. Оп.1. Д. 7204.

5. Самарское Поволжье с древности до конца XIX в.: сб. док. и мат-лов. Самара, 2000.

6. Смирнов Ю.Н. Выбор преподавателя Закона Божьего для Самарской гимназии при ее открытии в 1856 году // Двадцать первые Иоанновские чтения: материалы научной конференции. Самара, 2017. С. 3-13.

7. Самарские губернские ведомости 1856. № 4. Часть неоф.

Д.В. Мишустин

Самарский государственный институт культуры

СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ САМАРСКОГО ОБЩЕСТВА ПООЩРЕНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В 1873-1886 ГГ.

С середины XIX в. в связи с кардинальными изменениями в различных сферах жизни Российской империи, стала все более актуальной тема дальнейшего развития народного образования. Государство старалось всячески поддерживать образовательные и просветительские учреждения. Однако без помощи частных лиц и общественных организаций российское образование в тот период времени не могло развиваться достаточно быстро. Кроме того, не следует забывать и об отсутствии у населения достаточной мотивации и настоятельной потребности в грамотности [6, с. 496]. Активное общественное участие помогало преодолеть инертное или негативное отношение к обучению детей в школах, существовавшее у значительной части родителей.

В данной статье просветительская активность представителей провинциального общества рассматривается на материалах Самарской губернии. В качестве конкретного примера ее проявления избрана деятельность Самарского общества поощрения высшего образования за время его существования в 1873 – 1886 гг. Эта деятельность реконструируется на основании статистических и справочных материалов того времени [1]. Отметим, что отчеты данной организации публиковались регулярно [5, с. 647].

В 1851 г. Самара стала центром губернии. Это способствовало активизации местного самоуправления и общественной жизни, развитию социальной и культурной инфраструктуры [4]. Получение губернского статуса значительно повлияло на развитие просвещения, хотя высшее образование самарской молодежи можно было получить, только уехав в Москву, Петербург или Казань. Общественность стала прилагать значительные усилия по устройству различных учебных заведений, а также оказывать посильную

помощь учащимся. Значительный прорыв в активизации благотворительной деятельности на ниве просвещения произошёл с появлением в губернии 25 февраля 1873 г. общества поощрения высшего образования. Инициаторами стали А.И. Смирнитский, Г.И. Жуковский, Н.А. Мордвинов, С.О. Лавров, В.О. Португалов [2, с. 292-294].

Появилось указанное общество, благодаря праздничным собраниям чиновников, дворян и интеллигентов, получивших университетское образование. В 1871 г. на торжественном январском обеде по случаю университетского праздника – Татьянина дня, А.И. Смирнитский предложил «собираться всем студентам каждый год 12 января, знакомиться между собою и с положением каждого из нас и, в случае надобности, оказывать поддержку нравственную и материальную». Данная мысль была единодушно поддержана. На её основании разработали и составили Устав упомянутого общества, который был 22 января 1873 г. утверждён министром внутренних дел [7, с. 3].

Членом Самарского общества поощрения высшего образования мог стать любой желающий вне зависимости от звания и положения. Принятие в состав организации происходило путем закрытого баллотирования. Причиной исключения из общества могла послужить неуплата в установленный срок годового взноса, который составлял 10 руб.

Основным управлением делами общества ведало Правление, состоящее из председателя, казначея и ещё шести человек, которые избирались на один год. На Общем собрании должно было присутствовать не менее половины членов общества. Решения принимались простым большинством голосов, после чего составлялся специальный журнал с подписями всех присутствующих лиц. При равном количестве голосов решающую роль играло мнение председателя.

Основная цель организации заключалась в предоставлении благотворительных пособий тем, кто, готовясь к поступлению в высшие учебные заведения, обучаясь в них или закончив курс такого обучения, испытывали необходимость в материальной поддержке [2, с. 270-271]. На такую помощь могли рассчитывать нуждающиеся учащиеся средних учебных заведений, духовной семинарии и лица, получившие домашнее образование, которые не имели средств для поступления в вузы; нуждающиеся студенты вузов, получившие среднее образование в Самарской губернии или имевшие в ней родственников; выпускники вузов, оказавшиеся в Самаре в тяжелом материальном положении.

Отметим, что Устав впоследствии изменялся из-за распространения деятельности общества и на учеников средних учебных заведений. В 1886 г. организация стала именоваться просто Самарским обществом поощрения образования, убрав из названия слова «высшего» и отказавшись от нацеленности на оказание помощи, главным образом, поступающим в университеты.

Оказываемая обществом помощь представляла собой, как правило, взносы за обучение финансово недостаточных учеников средних учебных заве-

дений, реже — факты выдачи пособий на покупку платья или книг. Для студентов и курсисток эта помощь заключалась в предоставлении единовременных пособий и назначении особо нуждающимся лицам стипендий [7, с. 12].

Первые собранные деньги в размере 233 руб. были переданы нуждавшимся в средствах для поступления в университет выпускникам Самарской гимназии. В 1874 г. общество содержало трёх стипендиатов в Казанском университете, что составляло 470 руб. в год. Ещё 3 студента и 1 вольный слушатель получили единовременные выплаты. Помимо них, материальную помощь оказали трем студентам Медико-хирургической академии и бывшему воспитаннику Самарской духовной семинарии. Также выплачивались ученикам Самарской гимназии три постоянных пособия и два единовременных [2, с. 300-301].

Всего же за время в 1873-1886 гг. общество поощрения высшего образования потратило 34776 руб. на стипендии студентам и другие пособия учащимся [3, с. 51-52]. Главным образом, оно помогало воспитанникам высших учебных заведений (62,04% всех расходов), преимущественно, университетов. На местные средние учебные заведения ушло 36,74% всей выделенной помощи, и наибольшее количество пособий выпало на долю учеников мужской гимназии, поскольку именно от них поступало больше всего прошений [7, с. 11].

Самарское общество поощрения высшего образования стало уникальным объединением, сплотившим вокруг себя представителей различных сословий, которым был небезразличен уровень образования в губернии. Благодаря его деятельности, многие ученики и студенты, не имевшие возможности оплатить своё обучение, получили шанс продолжить постигать знания.

Библиографический список

1. Адрес-календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1874 г. Самара, 1874.
2. Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары как губернского города. (Историко-статистический очерк). Самара, 1877.
3. Алабин П.В. Трехвековая годовщина города Самары. Самара, 1887.
4. Артамонова Л.М. Получение Самарой губернского статуса и расширение культурного пространства провинциального города // Городская культура и город в культуре: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Самара, 2012. Ч. 1. С. 266-275.
5. Курмаев М.В., Машенцева Л.П. Самарская книга второй половины XIX — начала XX вв.: сводный каталог-репертуар. Самара, 2013.
6. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. Т. 3. СПб., 2018. Изд 2-е.
7. Отчёт о состоянии Самарского общества поощрения образования с открытия его 25 февраля 1873 г. по 1 октября 1897 г. (двадцать пять отчётных лет). Самара, 1898.

МИССИОНЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ПЕНЗЕНСКОЙ ЕПАРХИИ СРЕДИ РАСКОЛЬНИКОВ В 1860-1890-Е ГГ.

Одним из основных направлений церковной деятельности являлось распространение православной веры. Охрана и распространение православной веры на территории Пензенской епархии относилось к функциям Пензенской духовной консистории. Миссионерское дело сосредотачивалось в руках священников, которые находились в приходах с раскольническим населением.

Вопрос об учреждении миссии для борьбы с расколом возник еще в царствование Николая I. В 1828 г. была учреждена миссия в Пензенской епархии, успехи ее были незначительными, т. к. в православие обращалось весьма небольшое количество лиц. Усиление раскола было причиной того, что по ходатайству Пензенского епархиального начальства было решено создать в 1857 г. в с. Поим Чембарского уезда особую миссию в лице одного миссионера, на котором лежала обязанность действовать против раскольников во всех других местах епархии. В 1885 г. было открыто Иннокентиевское братство. Со времени открытия братства дело миссии стало в полную зависимость от братства и велось священниками десяти раскольнических приходов, которым и выдавалось вознаграждение от 50 до 100 р. в год [1, с. 3-4].

Одним из главных центров раскола стало с. Поим Чембарского уезда. В ближайших селах и деревнях, а также в других уездах имелось не малое число раскольников, но все они имеют отношение к Поиму. В Поиме существовало несколько сект: Поповщинская, Спасово согласие, Покрещенская [2, с. 265]. Данные секты оказывали сильное влияние и на другие уезды. В селе Садовки проживали раскольники Поповщинской секты [3, л. 3]. В селе Озерках существовал раскол, проявившийся с 1861 г. [4, л. 41 об.]. По статистическим отчетам за 1866 г. числилось раскольников в данном уезде 3,230 мужчин и 3, 473 женщин. Также раскол был распространен в Мокшанском уезде. В 1866 г. на территории уезда раскольниками числились 1110 мужчин и 1350 женщин. Отчеты за 1866 г. по Нижнеломовскому уезду показывают, что количество раскольников было 822 мужчины и 820 женщины. В Наровчатском уезде насчитывалось раскольников 542 мужчины и 681 женщина. Наименьшее число раскольников группируется в Саранском, Керенском и Пензенском уездах. В Краснослободском и Инсарском раскола не было [5, с. 79-80].

Предметом проповедей служили: объяснение священного писания, догматические, нравственные, церковно-обрядовые, священно-исторические истины. Для борьбы с расколом применялись различные средства: беседа,

распространение брошюр и листов, открытие церковно-приходских школ. Деятельность миссионеров приносила определенные результаты. Из отчета, представленного в Братство в 1884 г. священником с. Агапова Лебедевым видно, что он присоединил к православной вере 75 человек [6, с. 11]. Иногда применялись и другие меры. Например, по доносу приходского священника и донесению епархиального начальства в с. Царевщина, помещичья контора обязала всех принимать таинства от православной церкви, тех, кто отказывался отсылали на тяжелые работы. Т. о., в 1846 г. на данной территории раскол был практически подавлен, в приходе числилось только 5 раскольников мужского пола и столько же женского. Но к 1860 г. раскол вновь стал возвращаться. В с. Юлов Мокшанского уезда для борьбы с расколом местные землевладельцы применяли такие меры как: ссылка в Сибирь и другие отдаленные места, отдача в рекруты. В 1846 г. в с. Юлов не числилось ни одного раскольника, но к 1862 г. раскольников было 200 человек. С 1864 г. по 1871 г. священником Симилейским возвращено в православную веру до 30 человек, но в расколе оставалось 66 мужчин и 79 женщин [7].

Священник О. Масловский отмечал, что дело проповедничества идет неудовлетворительно, «большинство пастырей, по-прежнему молчит, исполняя волю начальства только на бумаге – представлением своих тетрадок, куда следует с поучениями нигде не говоренными». Число миссионеров было невелико. В 1880 г. в епархии было всего 532 проповедника, из них 508 протоиереев и священников, 4 дьякона и 20 псаломщиков. Самостоятельное проповедничество наиболее развито было в округах: первом Городищенском, третьем Мокшанском, втором Краснослободском, первом Керенском и первом Инсарском. В частности, большее число проповедей составлено священником с. Мордовского Ишима И. Архангельским, представившим в цензуру 30 поучений [8, с. 1-2]. В начале 1890-х Иннокентиевское просветительское братство было объединено с епархиальным училищным советом [9, с. 42]. В Пензенской епархии оставались сильными позиции раскольничества, Епархиальное руководство пыталось совершенствовать миссионерскую деятельность, но, видимо, она не приносила ожидаемых результатов.

Библиографический список

1. Корольков К.Н. Раскол и сектантство в Пензенской епархии. Пенза: Типография губернского правления, 1897.
2. Раскол в селе Поим и учреждение единоверия // Пензенские епархиальные ведомости. 1868. №8. с. 256-271.
3. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 182. Оп. 1. Д. 2142. Л. 3.
4. ГАПО. Ф. 182. Оп. 1. Д. 2142. Л. 41 об.
5. Смирнов Н. Раскольническая молежня в с. Абашев Наровчатского уезда // Пензенские епархиальные ведомости. 1873. №2. с. 79-89.

6. Бурлуцкий И. История раскола в Пензенской епархии (часть вторая) // Пензенские епархиальные ведомости. 1875. №3. с. 10-21.

7. Соловьев Н. Отчет о действиях Иннокентиевского братства // Пензенские епархиальные ведомости. 1888. №9 оф.

8. Проповедничество в Пензенской епархии за 1880-й год // Пензенские епархиальные ведомости. 1881. №21. С. 1-12.

9. Тюстин В. Т., Шишкин И. С. Славу Пензы умножавшие. Т. 2. Пенза: Айсберг, 2012.

А.Н. Гривастова

Московский государственный университет

**БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ
ИЛИ ЧАСТНАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ?
ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ ФОРМ
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ НА ОСНОВЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А.К. КАРАМЗИНОЙ**

В истории женской благотворительности редко можно встретить имя А.К. Карамзиной, несмотря на то, что она на протяжении всей жизни оказывала действительную помощь обездоленным. Особенностью её благотворительности является то, что, распространив свою деятельность на территории двух современных государств, России и Финляндии, она стала представителем обеих форм благотворительности: российской и европейской. Способность А.К. Карамзиной действовать в определенной социальной обстановке и согласно традиционному установившимся нормам позволяет проанализировать особенности двух форм женской благотворительной деятельности, развивавшихся на протяжении XIX века, — частной и организованной.

Для более подробного изучения принципов, согласно которым А.К. Карамзина осуществляла свою деятельность, необходимо кратко рассмотреть основные акты её благотворительности, совершенные в Нижнетагильском регионе и Великом княжестве Финляндском.

Благотворительная деятельность А.К. Карамзиной на Урале осуществлялась в русле благотворительных традиций семьи её первого мужа горнозаводчиков Демидовых. Среди главных целей широко развернувшейся благотворительной деятельности династии было нравственное развитие рабочих и поддержание их благосостояния. Задачей А.К. Карамзиной в этом регионе была организация системы заведений, нацеленной на оказание помощи всем нуждающимся независимо от состояния и сословия. Свою деятельность в Нижнетагильском регионе она начала с открытия детского приюта для детей рабочего класса от 1 до 8 лет, названный в честь своего создателя — Авроринский и открывшийся 31-го июля 1849 года. Цель при-

юта состояла в том, чтобы «дать призрение детям на то время, когда родители находятся на работе, и тем преимущественно открыть средства к работе матерям...» [1, Л.10б.]. Между тем дети, принятые в приют, кроме ухода и содержания пищей, обучались грамоте, получали необходимые наставления в религии и упражнялись в рукоделии, свойственных их полу и быту.

Другим по значению стало основание владельцами Нижнетагильских заводов богадельни для призрения больных и престарелых и медицинского учреждения – Родильного дома с приютом для подкидышей и повивальной школой с целью сокращения высокой смертности младенцев.

Иной по форме стала деятельность А.К. Карамзиной в Финляндии, куда она вернулась в 1860 году. Сложная социально-экономическая обстановка, установившаяся в Финляндии в результате «Великих голодных лет» 1866-1868 годов и продовольственного кризиса 1868-1869 годов, повлекла за собой ряд социальных проблем, наиболее острой из которых было нищенство.

Основным делом А.К. Карамзиной в эти годы стала организация такой формы женского образования, которая могла бы обеспечить оказание помощи всем, в ней нуждающимся. Основные задачи планируемого учреждения заключались в подготовке женщин к осуществлению христианской службы и в дальнейшем в оказании помощи бедным, больным и престарелым [2, с. 23]. Познакомившись с существовавшей в странах Европы сетью учреждений женской благотворительности, в особенности, с общиной диаконис Германии, А.К. Карамзина приступила к организации Института диаконис в Хельсинки. В 1867 году план института был одобрен Сенатом и Императором и открыт. Все расходы, необходимые для оборудования дома, оплачивала А.К. Карамзина.

Институт работал в надежде на пробуждение общества, и, хотя первоначальные результаты его были скромными, эти начинания не были незначительными. Меньше, чем за десять лет Институт диаконис Хельсинки вошел в европейскую систему диаконий, и важность его деятельность была признана широкой общественностью [3, с.7].

Особенности форм благотворительной деятельности А.К. Карамзиной отражают направления, развивавшиеся в Российской империи и странах Европы в XIX веке. В первом случае женская благотворительность, в основном, индивидуальна. Причины этого следует искать отчасти в воспитании, отчасти в политике императриц, наставлявших всех женщин царской семьи заниматься благотворительностью. Немаловажная причина развития частной благотворительности кроется в задачах деятельности, которая воспринималась как средство вовлечения женщин в общественную жизнь и как единственная возможность служить императору.

Напротив, в Европе благотворительная деятельность осуществлялась на базе ассоциаций. Эта особенность в форме осуществления благотворительности кроется в различии религиозных норм. Когда православная церковь

одобряла личную помощь нуждающимся в любом ей проявлении и считала, что осуществление “добрых дел“ является средством искупления грехов, протестантское вероучение требовало от своих последователей не просто “хороших поступков“, а системного и постоянного выполнения своего долга. В этой же системе происходило и развитие финской окраины XIX века. Причинами этого являются несколько факторов: религиозная принадлежность финнов, политическая ориентация Финляндии как европейской страны и влияние Швеции, в которой традиции диаконизма были одними из наиболее сильных.

Таким образом, в деятельности А.К. Карамзиной сошлись два разных подхода к осуществлению благотворительной помощи: российский, с более развитыми формами частной благотворительности, и европейский, признающий необходимость создания объединений и организаций для оказания помощи нуждающимся.

Библиографический список

1. Государственный архив Свердловской области. Ф.643, Оп. 1, Ед. хр. 945.
2. Deweese Charles W. Women Deacons and Deaconesses: 400 years of Baptism Service. Mercer University Press, 2005.
3. Helsingin Diakonissalaitos vuosina 1867-1917. Porvoo, 1917 [пер. с фин. Тодосиевой О.].

А.Ю. Мордвинов

Саратовский национальный исследовательский университет

НАЦИОНАЛЬНО-РЕЛИГИОЗНЫЙ СОСТАВ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫХ КРУГОВ САРАТОВА ПО РУКОПИСИ И.Я. СЛАВИНА «САРАТОВСКОЕ КУПЕЧЕСТВО МИНУВШЕГО (XIX) ВЕКА»

Национально-религиозный состав населения Саратова в XIX веке отличался большим разнообразием. Но зачастую, при изучении отдельных групп городского общества «столицы Поволжья», проводя анализ их этнической и конфессиональной структуры, исследователи сталкиваются с трудностями, поскольку сухая статистика демографических отчетов губернской администрации не дает подробной информации по данному вопросу. В такой ситуации возникает необходимость обращения к воспоминаниям современников.

Одним из таких воспоминаний является рукопись И.Я. Славина «Саратовское купечество минувшего (XIX) века». Иван Яковлевич Славин (1850-1930) происходил из купеческой семьи, получил юридическое университетское образование, работал адвокатом и являлся видным деятелем городского самоуправления, а также членом СУАК. Он создал объемные мемуа-

ры, опубликованные в 2013 г. и являющиеся ценным источником [1, с. 12-23]. Существует также рукопись «Саратовское купечество...», написанная в 1923 г. и в настоящее время еще не опубликованная. Данный текст представляет собой обзор различных сторон жизни и деятельности представителей торгово-промышленного слоя Саратова. Стоит отметить, что этот источник не использовался в исследованиях профессиональных историков, в т.ч. к воспоминаниям не обращались и авторы крупнейшего труда по истории Саратовского края [2]. Поэтому, текст рукописи «Саратовское купечество...» требует подробного анализа и ввода в научный оборот.

Описывая саратовское торговое сословие, Славин уделяет большое внимание характеристике национальностей и верований его представителей, поскольку считает, что от этих признаков во многом зависел образ жизни купца, его взгляды и уровень образованности, что, в свою очередь, влияло на его успешность как предпринимателя.

По мнению автора воспоминаний, основу купечества в Саратове XIX века составляли «русские» (в это понятие он включал все три восточнославянских народа) [3, Л. 37]. По его оценке примерно три четверти русских купцов являлись старообрядцами, которые «несмотря на репрессии и различные ограничительные меры правительства против «раскольников-староверов» придерживались «древлего благочестия» [3, Л. 42]. При этом, «древлее благочестие» нередко существовало в крайних формах сект, вплоть до беспоповства, молоканства, духоборчества и субботничества. Только четверть русского купечества исповедовала «никоновское» православие. Интересной деталью, позволяющей раскрыть «межхристианские» взаимоотношения в Саратове второй половины XIX века является факт открытия в городе в середине 1860-х гг. Общества Святого Креста для борьбы с расколом. Одним из учредителей и деятельных членов Общества был отец И.Я. Славина Я.П. Славин [3, Л. 42 об].

Также упоминается один из богатейших купцов Е.П. Аносов, русский, выходец из Тамбовской губернии, исповедовавший иудаизм. Славин пишет, что «евреев в то время вообще в Саратове не было; отсутствовали они и в саратовском купечестве». Под «евреями» автор, очевидно, понимал лиц иудейского вероисповедания, для которых в середине XIX века было смягчено законодательство [4, С. 206-207]. В следующем же предложении автор пишет о трех крещеных купцах из евреев – А.Е. Соколове, М.И. Егорове и А. А. Коробкове [3, Л. 37 – 37 об]. Сын последнего, В.А. Коробков, в 1906-1912 гг. был городским головой Саратова [5, с. 100-109].

Значительное внимание уделяется немецкому пласту саратовского купечества, подробно рассматривается вопрос об их колоссальном влиянии на городскую среду и монополизацию многих отраслей торговой сферы. Автор также пишет о процессе «обрусения» немецких семей, который не обошел стороной и представителей других национальностей. В религиозном отношении немецкое купечество в большинстве придерживалось лютеранского течения, но встречались и католики [3, Л. 32 об – 37].

Кроме вышеуказанных национально-религиозных групп Славин коротко упоминает некоторые этносы, населявшие Саратов в XIX веке. Так, говорится о значительной роли греков в международной хлебной торговле, перечисляются фамилии крупнейших торговцев: Бейногло, Шортан, Паниателли, Паксимади. Среди выходцев из Франции не сложилось крупной купеческой группы, ее представляла лишь одна семья Сервье, владельцы модного магазина [3, Л. 36 об] и хозяева крупнейшего культурного центра Саратова того времени – Народного театра.

Об «аборигенах» Саратовского края – татарах, Славин упоминает, но уточняет, что их торговые дела в городе ограничивались мелкой торговлей, поэтому в гильдии они не вступали, что отличало Саратов от Казани, Уфы, Оренбурга и Астрахани, где татарское купечество занимало видное место [3, Л. 38 об].

Таким образом, национально-религиозный состав саратовского купечества XIX века по данным воспоминаний И.Я. Славина был неоднородным. Большинство купцов было представлено русскими старообрядцами. Немалая доля приходилась на русских православных и немцев. Особенности этнической и конфессиональной структуры оказывали значительное влияние на формирование менталитета купечества и его предпринимательскую деятельность.

Библиографический список

1. Славин И.Я. Минувшее-пережитое. Воспоминания. Саратов, 2013.
2. См.: Очерки истории Саратовского Поволжья. Т.2. Ч.1. Саратов, 1995.
3. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф.1283. Оп.1. Д.19.
4. Предоставление евреям-купцам 1-й гильдии и евреям – иностранным поданным права жительства и торговли вне черты постоянной оседлости. // ПСЗРИ: собр. 2-е. Т. 34. № 34248. СПб, 1861.
5. Зайцев М.В. Саратовская городская дума (1871–1917). Саратов, 2017.

Е.В. Кравченко

Самарский национальный исследовательский университет

ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОБРАЗАХ КОНЦА XIX- НАЧАЛА XX В.

Средневековье выступает, и это становится всё более отчётливо видно, в качестве некоего конструкта, создаваемого каждой эпохой заново, в зависимости от ее собственных проблем, являясь зеркалом для рассматриваемой эпохи и ключом к пониманию социально-экономических, философских проблем [6, с. 108].

Историческая культура российского общества XIX в. формировалась под знаком поиска оптимального сценария коллективной идентичности. Наря-

ду с определенным кризисом веры, для этой переломной эпохи, характерен и неподдельный интерес к проблемам религиозного характера. Особый интерес для нас представляет актуализация топоса «Святой Руси». Примечателен тот факт, что в истории канонизаций и культа русских святых выделяются два момента подъема. Первый период – невиданная и неповторимая по масштабам волна канонизаций XVI – начала XVII в. Вторая волна канонизаций приходится на царствование Николая II [4, с. 52]. Тема сакрального русского средневековья захватила в то время не только официальную идеологию. Она выступила на первый план в литературе, поэзии, искусстве, психологии и философии. Рассмотрим, как русские святые эпохи средневековья изображались в живописи XIX – начала XX в. Религиозное искусство России на рубеже XIX–XX вв. вступает в эпоху деятельного и осознанного обновления [7].

В рассматриваемый период значительно обогатилась иконография князя Александра Ярославича Невского. Два психологических типа Александра Невского прослеживаются в его иконографии XIX в.: первый тип – грозный, мужественный воин, второй тип – смиренный или экзальтированный, богомolec. Два указанных типа изображения представлены в творчестве Виктора Михайловича Васнецова и Михаила Васильевича Нестерова. Если Васнецов, работая над росписями Владимирского собора в Киеве, придал русским святым черты древних богатырей – мощь и уверенность в собственных силах, то Нестеров, изображая Александра Невского в интерьере храма Воскресения Христова «на крови» в Петербурге, и, создавая житийный цикл в посвященной святому князю церкви в Абастумане, придает образу хрупкую изысканность, мечтательность и утонченность. В это же время сложно определимый по стилю цикл создает тот, кого Репин прозвал танцующим итальянщиной, Генрих Ипполитович Семирадский, в храме Христа Спасителя в Москве. Было избрано четыре традиционных житийных сюжета: «Св. Александр Невский в Орде», «Св. Александр Невский принимает папских легатов», «Кончина св. Александра Невского», «Погребение св. Александра Невского». По мнению критиков, его слишком мирская живопись не отвечает духу православия, его князь больше похож на восточного правителя. «Фигура князя необыкновенно толста и антипатична; руки с короткими пальцами, жирные. Своею откинутою назад позою и дюжестью фигуры он напоминает типы: «нраву моему не препятствуй» [2, с.110].

По распространенности иконографии второе место после Александра Невского занимает князь Владимир. Мы видим молодого Владимира, восседающего на троне и опирающегося одной рукой на меч, в святых Сениях Грановитой палаты Кремля, созданного Федором Завьяловым. Видим образ седовласого старца с полным набором регалий в Грановитой палате, созданный палехскими иконописцами. Но, пожалуй, самым настоящим живописным триумфом темы святого Владимира стали великолепные роспи-

си Владимирского собора в Киеве Виктора Васнецова. Две фрески собора посвящены событиям из жизни великого князя — крещению самого Владимира в Херсонесе и крещению киевлян. Именно Васнецов и закладывает традицию для русской иконописи XX века, изобразив Владимира в образе старца с седой бородой и длинными чёрными усами с крестом в руках. Противоположный образ мы встречаем у Андрея Рябушкина, для которого Владимир — герой древнейшего периода истории Руси, язычник и богатырь [5, с. 1]. Передать все историческое значение этого князя удалось Ивану Билибину. Его Владимир — седобородый мужчина, держащий в одной руке византийский крест, а другой прижимающий к сердцу книгу и меч, плащ его украшен византийскими двуглавыми орлами.

И, пожалуй, один из главных образов, который позволил художникам выразить свои мысли о личности в истории, о русской святости, нравственном идеале — образ Сергия Радонежского. Васнецов, изображая Преподобного для Спасской церкви в Абрамцево вообразил святого нелюдимым и нахмуренным, но при этом и приветливым. Так, икона в сущности, превратилась в символ святой Руси, а Сергей — в яркое воплощение праведника. Образ Сергия Радонежского как народного святого, воплотившего лучшие качества национального характера, был близок М.В. Нестерову. Он пытался создать правдоподобный и запоминающийся портрет святого, однако не нашёл единого решения. Так, на первую картину цикла — «Видение отроку Варфоломею» его вдохновила картина французского живописца Ж.Бастьен-Лепажа «Жанна Д'Арк слушает небесные силы» [3, с. 54]. А. Н. Бенуа считал, что Нестеров не создавал больше ничего подобного по цельности и непосредственности. Он писал, что ««Видение отрока Варфоломея» — одна из самых таинственно-поэтических и прелестных картин последнего десятилетия XIX века» [1, с. 544]. Дважды художник переписывал следующую картину цикла — «Юность Сергия Радонежского. Примечательно, что Сергия в «Юности» Нестерова сравнивали с Франциском Ассизским, который был популярным персонажем эпохи символизма, воплощающий саму идею религиозного преображения. Возможно, Нестеров, нашёл образ, который он искал, именно в триптихе «Труды преподобного Сергия». Образ немощного, по-старчески склонившего голову человека, чье лицо плохо различимо в тени, художник без больших изменений перенес в картину «Святая Русь» вероятно, считая такого Сергия лучше всего отвечающим идеалу аскетизма.

Даже обзорный анализ самых прославленных русских святых, в интерпретации, пожалуй, самых прославленных художников, позволяет увидеть, что неоднозначный и противоречивый характер эпохи конца XIX — начала XX в. побуждает творческую интеллигенцию искать опору в прошлом. Мы видим разные сложные образы — князя — молящегося воина, былинного героя богатырской красоты и силы крестителя русского народа, отрока-старца, ставшего символом святости Руси. Понять такую амбивалентность значило понять саму личность средневекового человека.

Библиографический список

1. Бенуа А. Н. Русское искусство XVIII–XX веков. М.; Язуа: Эксмо. 2004.
2. Климов П. Ю. Живописное убранство храма Христа Спасителя // Храм Христа Спасителя. М.: Моск. рабочий. 1996.
3. Нестеров М. В. Письма. Избранное. Л.: Искусство, 1988.
4. Никульшин Д.А. Религиозное возрождение начала XX века // Сумма философии. Вып. к 40-летию философского фак. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. С. 50–54.
5. Рябушкин А. П. Альбом иллюстраций Андрей Петровича Рябушкина С-Пб.: Изд-во Герман Гоппе. 1895.
6. Филонова А. С. Немецкая медиевистика в сравнении с русской (стенграмма заседания филолого–методологического семинара («третье литературоведение») // Гуманитарные Исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2011. № 3. С. 108–112.
7. Исаева В. М. Русская религиозная философия и религиозное искусство конца XIX – начала XX века [Электронный ресурс] / В. М. Исаева // Православный поклонник на Святой земле // URL: <http://palomnic.org/art/isaeva> (дата обращения: 1.12.2018).

М.Е. Кузнецова

Самарский государственный институт культуры

ОТРАЖЕНИЕ БЫТА РУССКОГО НАРОДА В ТРАДИЦИОННОЙ КОЛЫБЕЛЬНОЙ ПЕСНЕ

Человек становится культурным существом, когда начинает взаимодействовать с окружающей его средой. На формирование индивида влияет общество, семья, национальная культура. Личность способна воспринимать и усваивать универсальные традиции, ценности и нормы, после возникает потребность в передаче усвоенных знаний.

Национальная культура во многом зависит от уникальных особенностей повседневности. Быт – это уклад повседневной жизни, сфера, включающая удовлетворение материальных потребностей людей, складываются и изменяются от экономических, географических, культурных факторов. Оказывает влияние на формирование личности [1, с. 185].

Цель данной работы рассмотреть характерные черты повседневной культуры русского народа в малой фольклорной форме – колыбельная песня.

Колыбельная песня включает в себе философию жизни русского народа. Национальные традиции, устройства общества, окружающей среды, религиозное мировоззрение. Песня представляет собой простенькое повествование, состоящие из малых картинок, связанных между собой. Колыбельная песня – это жанр народного детского и материнского фольклора, заключающий в себе несколько функций: успокоить малыша и погрузить

его в сон, привить ребёнку любовь к окружающему его миру, объяснить основы жизненного уклада.

В ходе исследования были проанализированы традиционные русские колыбельные песни, результатом является выделение особенностей крестьянской повседневности.

Основой русской кухни являлось зерно, из которого изготавливались различные блюда. Наиболее популярным считалась – каша, поэтому многие колыбельные содержат данный элемент – «...коту наказываю: киса, каши свари, киса Лизу накорми», «...перва гуля говорит: “Дима спать надо валить!”. А вторая говорит “Надо кашкой накормить!”».

Русская кухня тесно связана с земледелием, распространены мучные изделия: «...уж как я тебе коту, за работу заплачу – кусок пирога»; «...будет бабушка встречать, Машу кашкой угощать, испечет ей пирожков и румяных блинков».

Также можно отметить наличие домашнего скота – коровы, которая является источником молока – ценного продукта питания: «...да на коровку накосить. Надо сенце да солomuшку, чтобы коровушку доили, молочко – то вам – то было»; «...спит корова, спит бычок, в огороде спит жучок. И котенок рядом с кошкой спит за печкою в лукошке».

Одежда – часть повседневной культуры. Функционирование одежды в определенной этнической группе помогает человеку выполнять различные формы деятельности в повседневной жизни. Поэтому знания о способе создания того или иного вида одежды необходимы. Это находит отражение в русской колыбельной песне: «...ходит Сон по лавочке в шёлковой рубашечке. А Сониха по другой, сарафанец голубой»; «...байки – побайки, матери – китайки, а отцу – то кумачу, братцу – бархату, а сестрице – голубице – ленту алую, няньке – то – платок». Данная колыбельная также содержит в себе информацию об особенностях русского костюма, традициях покрытия головы, молодая незамужняя девушка может ходить с непокрытой головой и вплетать яркие ленты в косу, «нянька» уже зрелая женщина обязана покрывать голову платком.

Важным элементом детской обуви в зимнее время были валенки, способные согреть ребенка от холода: «...а баиньки-баиньки, купим сыну валенки..», «купим Маше валенки, полушубочек сошьем и к бабуле повезем».

Отличительная черта русского народа – религиозность. Православные каноны тесно сплелись с повседневностью. «Спи се с Богом, со Христом, спи со Христом, со Ангелом, спи, дитя до утра». Исполнительница колыбельной песни успокаивает младенца при помощи христианских образов, веря в их силу.

Быт русского человека противоречив – соблюдение православных традиций соседствует с суеверием, верой в нечистую силу. Так частым героем колыбельных становится мифическое существо – Бука. Бука является от-

рицательным персонажем, он может напугать и разбудить ребенка, поэтому исполнитель просит уйти Буку и тревожить малыша. «Бай- бай, бай – бай, поди Бука за сарай. Коньям сена надавай».

Традиционно на Руси в колыбель новорожденного сажали хозяйского кота, который считался охранителем младенца от злых духов и чертей. Поэтому именно ему в колыбельных песнях доверяли убаюкивать младенца: «Приди котик ночевать, мою детоньку качать».

Колыбельная песня дает представления о традиционных видах деятельности русского человека. Ребенка с детства приучали к труду. «Отец пошел за рыбою. Мать пошла коров доить, брат пошёл верёвки вить, сестра пошла пелёнки мыть» или «Я повыращу тебя, да повозращу молодца, да во чист поле севца. Да во озёрышко ловца, на гумешко молотить да под окошком дров пилить».

На основе приведенных результатов, можно сделать вывод, что национальная культура, включающая в себя фольклор (колыбельная песня) раскрывает в себе особенности повседневности народа. Колыбельная песня транслирует черты быта русского человека, включающего пищу, одежду, традиции и обычаи, религию, суеверия, хозяйственную деятельность.

Библиографический список

1. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров – М.: Сов. Энцикл., 1988.

Е.И. Лукьянова

Самарский государственный институт культуры

ВИЗУАЛЬНЫЙ ОБРАЗ САМАРЫ В ФОТОГРАФИЯХ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Проблемы изучения города вообще и его визуального образа в частности являются составной частью многих гуманитарных исследований. Различные подходы к изучению визуального образа города рассматриваются в работах таких исследователей, как Е.В. Байкова [1], Л.Б. Коган [2], С.В. Пирогов [3], С.А. Степанова [5], Е.А. Юренковой [6].

Визуальные средства репрезентации истории города и городской культуры весьма разнообразны. Через репрезентацию культура приобретает свою «собственную действительность». Изучение визуальной репрезентации неотделимо от исследования такого понятия как визуальный образ города. Образ города – это семиотическая конструкция (система знаков), задающая схемы восприятия города, позволяющие сформировать для горожан и туристов процедуру узнавания и интерпретации территории.

Особое место среди источников изучения городской культуры занимает не многочисленная, но насыщенная информацией, разными значениями

и смыслами, категория визуальных источников: фотографии и открытки. В представленной работе проанализированы фотографии Самары XIX — начала XX вв., хранящиеся в фондах СОИКМ им. П.В. Алабина, а также имеющиеся в свободном доступе сети интернет.

История и культура Самары на разных этапах ее развития отражена в огромном количестве публикаций, однако культурологического осмысления визуального образа Самары практически не проводилось. Возникнув как сторожевая крепость, в XIX в. Самара становится центром хлебной торговли и промышленности — мукомольной, хлебопекарной, кожевенной, салотопенной и прочих, специализирующихся на переработке сельскохозяйственного сырья [4].

Визуальный образ города первоначально формируется на основе восприятия архитектурной составляющей. Улицы и дома — это носители социальной памяти, отраженной в фотографиях и открытках.

Исследованные нами визуальные источники мы объединили в несколько тематических групп:

1. Общие виды города и Волги. Ранние фотографии и открытки с панорамными видами «главных» улиц представляют нам тихий провинциальный купеческий город. В середине XIX века изменяется облик Самары — она становится губернской столицей и «модной столицей» Поволжья. Возникают модные дома и магазины: Шахларевой в собственном доме на Дворянской; госпожи Петш в доме Соколова и А. Н. Гиришфельда на улице Дворянской и др. Городской рельеф и близость Волги оказали значительное влияние на сложение самарского социокультурного пространства. Значительный блок фотографий связан с Волгой: это набережная, пароходы и лодки, виды города с Волги.

2. Культовые здания. По мере развития города, его социальный и профессиональный состав расширялся. Возникают культовые здания для различных конфессий. Особенно много фотографий строящегося Кафедрального собора, Иверского монастыря и др.

3. Социальные объекты, к которым можно отнести гостиницы, лечебные учреждения города, доходные дома, вокзал, трамвай-конка, пожарная вышка и др. Данные объекты свидетельствуют о развитии социальной структуры города, но их количество, по сравнению с другими, немногочисленно.

4. Промыслы и промышленность. Фотографии отображают многочисленный спектр занятий самарцев указанного периода: **расположенные вдоль берегов Волги хлебные амбары, элеватор и мельницы; рыбные промыслы, строительство железной дороги и артиллерийского завода, рынки.** К середине XIX в. расширяются границы города: люди селились путем самозахвата земли, возникли Засамарская слобода, поселок «запанской», т.е. расположенный за Панской (ныне Ленинградской) улицей, за железнодорожным переездом и др. [4, с.64–65]. На фотографиях отображаются простые рабочие и торговцы и их жилища — временки.

Если объединить все тематические блоки, перед нами возникают совершенно разные образы города, что вызывает некоторый диссонанс в его понимании. С одной стороны, перед нами предстает его «парадная» часть: богатый купеческий город, с модными магазинами, ресторанами, государственными учреждениями, богато украшенными лепниной и скульптурами на фронтонах. Многие из указанных объектов и сегодня входят в комплекты открыток для туристов. С другой стороны, фотографии демонстрируют нам «изнанку» города: простых крестьян, рабочих и торговцев, тягающих мешки с зерном и их дома-полуземлянки с размытыми дорогами.

Таким образом, фотографии и активно издававшиеся открытки с видами Самары конца 19 – начала 20 века формируют у зрителя образ очень разного города. В одном городе, в одном пункте сплелись и купеческий размах, и строгость губернии, и веротерпимость, и трудолюбие. В письменных источниках вся эта самарская история отражена, но фотографии визуализируют ее, делая ближе и понятнее и, таким образом, формируя гордость за любимый город и желание сохранить его.

Библиографический список

1. Байкова Е.В. Формирование искусственной среды города как глобального визуального кода // Вопросы культурологии. 2013. № 12. – С. 42 – 44.
2. Коган Л.Б. Быть горожанами. М.: Мысль, 1990. – 207 с.
3. Пирогов, С.В. Контуры визуальных исследований города // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 376. – С. 59 – 63.
4. Савельев П. И. Век XIX: Великий Перелом; Приволжский «Новый Орлеан» // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Вторая половина XIX- начала XX века. Москва: Наука, – 2000. С. 64-65.
5. Степанова С.А. Динамика визуального образа города: на примере г. Хабаровска: автореф. ... дисс. канд. архитектуры. М., 2006.
6. Юренкова Е.А. Репрезентация визуальных образов города Иваново в видовых открытках // Известия вузов. Серия “Гуманитарные науки”, 2014. Вып. 5 (2). С. 151-156.

Е.В. Негодяева

Московский государственный университет

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОСКОВСКОЙ «КОМИССИИ ПО ЦЕРКОВНЫМ И ВЕРОИСПОВЕДНЫМ ВОПРОСАМ» В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ 1905–1906 ГОДОВ

Революционные события 1905 г. стали катализатором изменения общественно-политического климата в стране. В этих условиях актуализировался и церковный вопрос: отдельные представители духовенства и интеллигенции, ратовавшие за основательные изменения церковных порядков,

объединяются в инициативные группы [4, с. 214]. Особенный размах движение за церковные реформы приобретает в Санкт-Петербурге, где его олицетворением становится «Группа 32» священников» [1, с. 128]. Идеи обновления и оживления церкви легли и на московскую почву.

Местом оживленных дискуссий первоначально стал Епархиальный дом, где собиралось Общество любителей духовного просвещения – просветительское учреждение, основанное митрополитом Филаретом (Дроздовым) в 1863 году [6, с.19-23]. С весны 1905 года на собраниях Общества стали все чаще подниматься злободневные темы. Однако, как заметила И.В. Воронцова, «если деятельность петербургской «Группы 32» священников была на краткое время поддержана архиерейской властью, то москвичи встали в оппозицию» [2, с. 259]. События, связанные с деятельностью активно выступавшей за реформы части духовенства, Н.П. Розанов смело именует «московской церковной революцией» [9, с. 152]. О том, что в Обществе царило «нервное опьянение, чисто революционное настроение, как по всей России», отмечает и еще один очевидец событий Л.А. Тихомиров [3, с. 125]. Влияние революционного подъема, охватившего страну, на эти события очевидно.

Свою роль в разжигании конфронтации сыграл и последовательный консерватизм церковных иерархов, который и вылился в бескомпромиссную борьбу с реформаторским движением в Церкви. Например, на собрании Общества 13 октября митрополит Владимир (Богоявленский) отказался ознакомить его членов с запиской обер-прокурора, касающейся желательных реформ в сфере церковного управления, а также не удовлетворил ходатайство о созыве епархиального съезда [5, с. 82]. Любые инициативы членов Общества воспринимались в штыки церковными властями. Жесткой была реакция церковных иерархов и на революционные волнения, захлестнувшие первопрестольную столицу. Кульминацией событий стал отказ от должностей членов Совета Общества и выборы его нового состава, который не был утвержден попечителем Общества митрополитом Владимиром и действовал неправомочно [9, с. 153].

После издания Манифеста 17 октября деятельность Общества еще более оживилась. В ноябре было принято решение о создании особой Комиссии для выражения позиции духовенства по дискуссионным вопросам перед созывом Поместного собора. Подобная деятельность вызвала жесткую реакцию владыки; Общество лишилось своего органа печати – еженедельного журнала «Московские Церковные Ведомости» [9, с. 157]. Однако работа «Комиссии» по составлению программы продолжалась, несмотря на запрет властями любых публичных собраний в Москве в связи с декабрьскими волнениями. «Комиссия» зимой 1906 года перешла под крыло партии «Союз 17 октября», что было отражено и в ее названии.

Важным аспектом проблемы в этой связи является вопрос о характере взаимоотношений «Комиссии» и партии «Союз 17 октября». Их взаимо-

действие, на наш взгляд, не ограничивалось «гостеприимством» партии, предоставившей «Комиссии» для работы помещение своего бюро на Мясницкой [8, с. VII]. Важно здесь отметить то, что «октябристы» проявляли неподдельный интерес к проблеме церковной реформе, что нашло отражение и в их программе [7, с. 144].

К апрелю 1906 г. «Комиссия» пришла к заключениям по ряду вопросов. Ее члены считали, что не стоит спешить с открытием собора, обосновывая это стремлением лучше подготовиться к нему. Принципиально важным было решение об участии мирян в деятельности собора. Подготовка к собору, по мнению, членов «Комиссии» «должна быть общецерковной и совершаться путем самого живого взаимообщения» [8, с. 367-368]. Однако характерно то, что после выпуска сборника своих трудов в конце 1906 года «Комиссия» практически полностью прекратила свою деятельность. Основную причину быстрого угасания движения за церковные реформы в Москве стоит искать во сложных взаимоотношениях его представителей с церковной иерархией, а также в потере интереса «октябристов» к церковному вопросу.

Библиографический список

1. Балакшина Ю.В. Братство ревнителей церковного обновления (группа «32-х» петербургских священников), 1903-1907. М., 2014.
2. Воронцова И.В. Русская религиозно-философская мысль в начале XX века. М., 2008.
3. Дневник Л.А. Тихомирова. 1905-1907 гг. М., 2015.
4. Зырянов П.Н. Православная Церковь в борьбе с революцией 1905-1906 гг. М., 1984.
5. Извеков Н.Д. Исторический очерк полувековой жизни и деятельности Московского общества любителей духовного просвещения. (1863-1913 гг.). М., 1913.
6. Козлов В.Ф. Епархиальный дом в Москве. 1902-1918 гг. М., 2015. 9) Ореханов Г. На пути к Собору. Церковные реформы и первая русская революция. М, 2002.
7. Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. В 2-х томах/ Т.1. Протоколы съездов и заседаний ЦК. 1905-1906 гг. М., 1996.
8. Перед церковным Собором. М., 1906.
9. Розанов Н.П. Второе сословие. Мои воспоминания о жизни московского духовенства в последние пятидесятилетие перед революцией / Ред. М.И. Одинцов // Ученые записки. Вып. 6. М., 2000.

ВЛИЯНИЕ ПРОПАГАНДЫ САНИТАРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИХ НОРМ НА ОБРАЗ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ САМАРСКОГО УЕЗДА В 1923-1928ГГ.

Потребность в пропаганде санитарно-гигиенических норм в Самарском уезде была вызвана появлением и развитием эпидемий, которые охватывали значительную часть населения. Только в Самаре на июнь 1923 г. было зарегистрировано заболеваний дизентерией-22, малярией-1881 [1, №1361, 1923 г.]; а на 1924 г.-гонореей-864, сифилисом [2, л. 13].

Опыт борьбы с эпидемиями показывал, что необходимо справиться не только с социальными болезнями, вызванными невежеством и отсутствием нормальных жилищных условий (холера, грипп, туберкулез, возвратный и брюшной тифы), но и с социальными явлениями, которые порождали немалый спектр венерических заболеваний, таких как сифилис и гонорея.

Разработкой общего плана санитарного просвещения организацией мероприятий, направленных на пропаганду здорового образа жизни занимался специализированный орган при Самгубздраве. Им стал Санпросвет. На практике проведением консультаций по разъяснению санитарных норм должен был санврач. Поскольку не на каждом медицинском участке имелся санврач, то прямую работу с обществом рекомендовалось проводить и другим врачам. В связи с этим санитарное просвещение характеризовалось нерегулярным характером распространения норм по сохранению здоровья.

Политика санитарного просвещения охватывала в основном жителей уездного города Самары. Просветительскую работу проводили и рабочие клубы, которых к 1923 году насчитывалось 18. Упоминание о Доме Санитарного просвещения (ДСП) приходится лишь на 1928 год. В обязанности ДПС входило осуществление контроля за общим ходом санитарно-просветительской деятельности в городе. В сельской местности распространение правильного образа жизни было делом личной инициативы.

В вышеперечисленных учреждениях популяризация санитарных норм и здорового образа жизни происходила через театральные постановки, всевозможные лекции, суды на санитарную тематику, организацию спортивных кружков, публикации в журналах и газетах.

В ходе анализа выпускавшихся в те времена газетных и журнальных изданий было выяснено, что политика санитарного просвещения не оказала должного результата в деле ликвидации санитарной безграмотности населения.

Количество незастрахованных лиц по отношению к общему числу больных, находившихся на медицинском учете было значительным. Так в 1924 году количество зарегистрированных больных сифилисом лиц составляет

805, в то время как незарегистрированных 108 [2, л. 13]. Такая статистика во многом объяснялась недоверием общества к врачам. Для проведения вакцинации населения нужно было «употребить невероятные усилия, чтобы заставить публику посетить прививочный пункт» [1, №2140, 1926 г.]. Пройдя курс лечения у медицинском учреждении, человек нередко «считал себя в этой области большим знатоком и очень часто разыгрывал роль врача, давая своим товарищам-новичкам советы и наставления по части лечения» [1, № 1603, 1924г.].

Как в Самаре, так и в волостях соблюдение элементарных норм гигиены в общественных местах оставляло желать лучшего. На всех рынках Самары были ужаснейшие антисанитарные условия, которые становились причиной для распространения инфекций. В сельской местности волсовет давал даже разрешения на производство, например, бойни скота рядом со зданием почтово-телеграфной конторы [1, № 1219, 1923 г.].

Алкоголизм как социальная проблема был чрезвычайно развит среди широких масс населения, даже несмотря на введение административной и уголовной ответственности за употребление, хранение и продажу алкогольной продукции. Подпольное самогонварение процветало, а так называемые «короли самогонки» могли успешно скрывать свою деятельность от милиции на протяжении длительного времени [1, №1404, 1923 г.]. Каждый слой населения по-своему оправдывал употребление алкоголя. Рабочий считал, что «он так уж воспитан и что он «рабочий»» [1, №1228, 1923 г.]. Партийный работник говорил, что он «такой же человек, как и другие, а потому то, что делает остальная масса, допустимо в данном случае и коммунисту» [1, №1655, 1924 г.]. В селах волсоветы не пренебрегали распитию алкоголя на рабочем месте.

Проституция в виду ужасного материально положения людей не становилась менее популярным способом заработка денежных средств среди женщин. О существовании проституции в сельских местностях ничего не известно. Однако в городской среде на май 1923 года в Самаре было зарегистрировано 145 женщин, занимающихся проституцией [1, № 1317, 1923г.]. Уменьшением распространения проституции занимался Совет по борьбе с проституцией. По его инициативе в 1923 году были открыты швейные курсы на 50 человек. В 8 учебных заведениях Самары обучалось 1205 женщин.

Подпольные аборты и нелегальные роды, подрывавшие репродуктивную систему женщин, по личным причинам женщин (беременность от нежеланного мужчины, стыд и т.д.) и непрекращающимся очередям на проведение абортов в больницах становились единственными способами для того, чтобы прервать беременность или родить на свет нового члена общества.

Статистических данных о динамике распространения проституции, алкоголизма, незарегистрированных абортов и родов нет по объективным причинам: милиции не всегда удавалось выявить преступные действия. А даже выявленные правонарушения не имели постоянный характер регистрации в определенных документах.

По каким причинам политика санитарного просвещения не смогла превратить намеченные ею планы? В виду эпизодичности и нерегулярности проведения лекций на медицинские темы, неразвитой системы амбулаторной помощи, а также плохих жилищных условий граждан пропаганда здорового образа жизни среди населения не имела значительного результата.

Библиографический список

1. Коммуна. 1923-1926 гг.
2. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р 158. Оп.10. Д. 23.

Г.Р. Лаклаева

Саратовский национальный исследовательский университет

ПОЛИТИКА РСФСР В ОБЛАСТИ ПАРТПРОСВЕЩЕНИЯ ЖЕНЩИН-ТАТАРОК

В ходе февральской революции 1917 года, начиная с 1919 года, декретами ВЦИК и СНК начинается новое осмысление женского вопроса в РСФСР. Основными целями женского движения данного периода были ликвидация безграмотности, вовлечение женщин в общественную жизнь, повышение их роли в делах управления.

Основной формой вовлечения стали женсоветы, осуществлявшие свою деятельность с 1918 по 1929 год. Для их реализации, по всей стране были созданы женсоветы. [1, л. 110]. Начиная с 1919 года, целями политики стало не только укрепление практики женсоветов на местах, но и партпросвещение. Женотделы основывались на принципах делегирования женщин от определенных социальных групп в новую советскую действительность. Просветительская работа проводилась путем лекториев, делегатских собраний, общественных работ, агитации, журналистики. К различным категориям женщин были применены свои формы партийной работы.

Среди горожанок, работа велась через профорганизации посредством заводских, партийных и общественных партсобраний. Работа велась через кружки. Основная тематика кружков: устройство современного общества, классовая борьба, вопросы религии, конституция, роль женщины в советском обществе, экономическое положение женщин по К. Цеткин, труды Энгельса и Маркса, теория семьи А.Коллонтай [2, л. 37]. Посредством идеологической подготовки девушки могли иметь возможность не только продвинуться в местных женсоветах, но и поступать позже в Рабпарткомы [3, л. 25].

Самая большая категория татарских девушек составляли домохозяйки, на них и делался основной акцент партработы. И поскольку, именно эта категория наиболее ярко была представлена в сельской местности, с ними возникала и наибольшая сложность. Работа с домохозяйками проводилась по нескольким направлениям:

1. Каждую пятницу проводилось чтение газетного листка на татарском языке «Ялкон».

2. Проводились делегатские собрания и агитации за последующее образование девушек в делегатских школах.

3. Были сформированы кружки по изучению марксизма, внешней и внутренней политики, женского вопроса и т.д.

4. Раз в месяц проводились делегатские конференции, где партийные и беспартийные женщины могли выступить с докладом и на диспутах.

5. Через пятничные беседы девушек учили не только грамоте на русском и татарском языке, но и основам журналистики, чтобы в дальнейшем они могли вести местную газету и сделать карьеру агитатора при Женотделе [2, л. 15]

6. Новая политика способствовала вливанию домохозяек в общественное строительство. Для тех кто не хотел заниматься партработой в области пропаганды социалистических взглядов, создавались такие варианты партийной работы как контроль детского питания в детских общественных учреждениях, благотворительные вечера и работы в помощь голодающим [3, л. 35]

Следующей категорией женщин были безработные. Из них формировали хозяйственные артели, отправлялись на общественные работы.

С маргинальными категориями населения проводилась просветительская работа с последующим распределением в трудовые артели

Далее следует указать, какую реакцию вызывало такие социальные сдвиги в обществе:

Во-первых, следует учитывать такие трудности как нежелание и слабая осведомленность женщин в политике и истории.

Во-вторых, мужская половина населения далеко не всегда с радостью воспринимала новые реалии. В ход шли и запреты отцов и мужей на партработу, проклятия духовенства за светскую деятельность. [3, л. 4]. Свою роль играла и общественная стигматизация делегаток.

Основными достижениями партработы среди женщин следует считать:

1. Возросшая информированность женщин в юридических вопросах.

2. Достаточно активное включение женщин в производственную и агитационную деятельность.

3. Повысилось общее образование. Изучение русского языка и делегатские школы стали первым шагом к активной социальной деятельности.

Библиографический список

1. Алферова И.В. «Женский вопрос» в теории и практике большевизма. М., 2011.- 352 с.

2. Государственный Архив Новейшей истории Саратовской области(ГАНИ-СО). Ф.27. Оп. 2. Д. 1459.

3. Гусева Ю.Н. Борьба за женщину: татарка – мусульманка в религиозных практиках средневожских исламских общин первой трети XX века. // Женщина в российском обществе. 2012. – С.1-7.

АЛИЯ В ЭПОХУ ПЕРЕСТРОЙКИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1980-Х ГГ.)

Последние десятилетия XX века изменили судьбы многих народов Восточной Европы и в первую очередь советских людей. Перестройка, распад СССР и системы социалистических стран последовавшие за этим катаклизмы привели к массовым социальным сдвигам. Именно в эти годы, особенно после того как и были установлены дипломатические отношения с Израилем и доказательством его жизнеспособности, многие советские евреи стали связывать с ним свое будущее [1, с. 191]. Сюда в течение 10 лет выехало более миллиона русскоязычных граждан из СНГ, в том числе из России. Большую роль в эмиграционных настроениях сыграл и распространенный в СССР антисемитизм.

Алия во второй половине 1980 гг. была одной из трудных репатриаций еврейского народа в Государство Израиль. Это было связано с тем, что в 1981–1986 гг. спад алии был вызван ужесточением миграционной политики и в большей степени заключением большинства еврейских активистов.

Исходя из всего вышеизложенного, эмиграцию в Израиль во второй половине 1980-х гг. в СССР, можно разделить на несколько временных отрезков:

1985–86 гг. – продолжение политики репрессий и ограничения еврейской эмиграции.

1986–87 гг. – освобождение узников Сиона, массовая выдача разрешений на выезд отказникам.

1987–89 гг. – либерализация политической жизни евреев СССР, создание первых неподконтрольных властям еврейских культурных обществ, попытки создания альтернативных еврейских обществ, находящихся под контролем партийных органов.

В период с 1984–86 гг. выездные визы получили всего 896 человек. В то время как в 1979 году эти же визы получило более 50 тысяч человек. Такой казус произошел вследствие объявления Советских властей о том, что нет больше семей, ожидающих воссоединения с еврейскими репатриантами, хотя на самом деле семьи многих отказников уже находились за границей. Целью Советской власти было максимально осложнить процесс подачи и рассмотрения заявлений на выезд, либо сделать невозможным массовую эмиграцию из СССР в Израиль.

В 1987 году по израильским визам из СССР выехало более 8 тысяч человек, в том числе и большинство узников Сиона. Подавляющее большинство отказников было освобождено из заключения по постановлению от 28 августа 1986 года Совета Министров СССР № 1064 «О внесении

дополнений в «Положение о въезде в Союз ССР и о выезде из Союза ССР» [2]. Согласно этому «Положению» эмиграция разрешалась лишь при наличии прямых родственников в стране выезда. Кроме того, выезд мог быть запрещён в случае осведомлённости человека о государственных секретах и в ряде иных ситуаций.

Вольная эмиграция евреев была разрешена только с конца февраля 1988 года. Именно с этих времен началась массовая эмиграция из СССР в Израиль и прекращена официальная антиссионистская пропаганда. В конце 1989 года было разрешено эмигрировать подавляющему большинству отказников. Также принятие большинства советских евреев в Израиль было вызвано тем фактом, что с октября 1989 года США сократили прием беженцев из СССР [3]. Как уже было сказано выше, росту репатриации способствовало проявление антисемитизма. В 1990 году разошелся слух о грядущих еврейских погромах, который не нес в себе никаких доказательств.

Репатрианты, эмигрировавшие из СССР в Израиль, преследовали разные цели. Отказники, например, преследовали идеологические мотивы возрождения исторической родины. Другие же, руководствовались экономическими идеями. Те, кто покидал СССР исходя из экономических интересов делали это с целью спасения своих детей от службы армии, иногда по мировоззренческим и политическим мотивам. Исходя из этого абзаца, можно полагать, что люди эмигрировали, преследуя в равной степени те или иные мотивы.

Таким образом, мы рассмотрели важнейшие проблемы репатриации советских евреев в эпоху перестройки конца 1980 годов. Развивая данную тему, необходимо, во-первых, расширить и поднять источниковую базу исследования, а именно привлечь архивные документы. Во-вторых, провести соотношения исследования репатриаций с историческим контекстом данных событий. Итогом подобной работы должно послужить лучшее видение событий эмиграции в эпоху перестройки конца 1980 годов.

Библиографический список

1. Коник С.В. Образ Израиля и образ России: взгляд извне и изнутри // Мониторинг общественного мнения. 2010. № 4 (98). С. 191-200.
2. Постановление Совмина СССР от 28.08.1986 N 1064 «О внесении дополнений в Положение о въезде в СССР и о выезде из СССР» // Консультант. [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=41933#04847317287307693> (Дата обращения 15.10.2018).
3. Бейзер М. Евреи борьбы: Еврейское национальное движение в СССР, 1967–1989 гг.: Часть 3. Тель-Авив: Музей диаспоры, 2007.

ГОРОДСКОЙ ЛАНДШАФТ КАК ПРЕДМЕТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В последние два десятилетия городская урбанистика находится в фазе своего активного развития. Социокультурное пространство города нашло широкое отражение в отечественной историографии в работах Л.В. Кошман [11], Н.Б. Лебиной [13], В.Г. Рыженко [17]. В региональной историографии изучены такие аспекты как городские сословия в трудах З.М. Кобозевой [10], Е.П. Бариновой [2]; органы городского самоуправления стали предметом исследования в кандидатской диссертации В.А. Тюрина [19], Н.Б. Гусевой [6]; повседневность городской жизни изучалась Е.Ю. Беляевой [3]. Эволюция социокультурного пространств Самары рубежа XIX начала XX вв. нашла отражение в кандидатской диссертации Ю.А. Рогач [16]

Несмотря на то, что историческая урбанистика сделала большой шаг вперед, история фактического городского пространства представлена в отечественной историографии крайне слабо. Примечательна в данном контексте и диссертационное исследование Е.В. Ивановой [7], в которой автор посвящает целую главу проблеме роста городской территории и формированию функциональных зон Саратова во второй половине XIX – начале XX вв.

Большой интерес тема вещественного городского пространства вызывает у архитекторов-градостроителей. Еще в конце 70-х годов прошлого века в свет вышла работа Е.Ф. Гурьянова по градостроительной истории г. Куйбышева [5]. В 80-х и 90-х гг. краеведы стали обращаться к архитектурным особенностям городской застройки, в этой связи нельзя не упомянуть работы А.Г. Моргуна [15], А.К. Синельника [18], В.Г. Каркарьяна [9].

Город – сложный, многофункциональный и живой социальный организм. Неудивительно, что он привлекает внимание исследователей различных областей научного знания. Более того, представители общественных наук все чаще вовлекают в орбиту своего дискурса терминологию и методологию естественных наук. К числу подобных заимствований можно отнести и понятие «ландшафт», или «культурный ландшафт». Термин «культурный ландшафт» появился в географии как природная среда подвергшаяся изменениям посредством деятельности человека. В рамках географии наиболее интересным для нас представляется теоретико-географический подход, который определяет ландшафт как сплошное физическое и семантическое пространство, наполненное знаками, символами, транслирующее социально-значимую информацию.

Обозначенный подход тесно перекликается с культурологическим определением ландшафта. Культуроцентричное направление рассматривает прежде всего духовную составляющую ландшафта: его интеллектуальность,

символичность, познавательность. Культурный ландшафт в данном случае — это среда формирования и развития определённой культуры, необходимое условие для сохранения, передачи и функционирования практического знания и духовного опыта одним поколением другому

Применительно к исторической науке особое внимание заслуживает феноменологический подход культурологического определения культурного ландшафта. Его основные идеи были выведены в трудах В.Л. Каганского [8]. Феноменологическое понимание ландшафта наиболее четко дано В.Л. Круткиным: «Ландшафт — не вместилище для вещей. Скорее это полотно, на котором каждое новое поколение оставляет свои следы поверх следов, оставленных предыдущими поколениями. Подобный многослойный палимпсест — всегда открытый процесс, он не может быть завершён. Послойные порождения этого полотна — это артефакты, они образуются переплетениями вещей, слов, изображений, образуют единство когнитивного и аффективного, познавательного и эмоционального» [12]. Ландшафт как культурный палимпсест безусловно является важной частью исторического процесса.

Определяя в качестве отдельного типа культурного ландшафта городской ландшафт, мы непременно добавляем в этот перечень архитектурную и градостроительную область научного знания. В архитектурной научной литературе определения городского ландшафта так же строятся на сопоставлении природного и искусственно созданного пространства. Признавая, что городской ландшафт понятие очень широкое и может охватывать всю городскую среду или ее часть, в градостроительной теории «ландшафт» ограничивается как комплекс открытых незастроенных пространств — сады, парки, скверы, бульвары, улицы и дороги, озера и реки, дворы жилой застройки и пр. [4] Эту точку зрения разделяют представители самарской градостроительной школы Е.А. Ахмедова [1], Н.А. Лекарева [14] и др.

Таким образом, понимая под «городским ландшафтом» совокупность вещественного и культурного пространства, можно отметить, что изучение данной проблемы в отечественной историографии представлено крайне неравномерно. Глубоко и многосторонне проработана тема социокультурного пространства городов, как на общероссийском уровне, так и на региональном. Однако город как физическое пространство исторической наукой проработан крайне слабо. Можно отметить, что комплексное изучение городского ландшафта как совокупность вещественного и социокультурного пространства в историческом контексте является важным этапом в осмыслении городского пространства.

Библиографический список

1. Ахмедова Е.А. Региональный ландшафт: история, Экология, композиция. Самара, 1991.

2. Баринаева Е.П. Российское дворянство в начале XX века: экономический статус и социокультурный облик. Самара, 2008.
3. Беляева Е.Ю. Самарская бытокультура рубежа XIX – XX вв.: дисс. ...канд. ист. наук. Самара, 1995.
4. Вергунов А. П. Архитектурно-ландшафтная организация крупного города. Л., 1982.
5. Гурьянов Е.Ф. Древние вехи Самары. Очерки градостроительной истории. Куйбышев, 1979.
6. Гусева Н.Б. Городское самоуправление Самаро-Саратовского Поволжья в 1892 – 1917 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 1996.
7. Иванова Н.В. Формирование и социальное обустройство пространства крупного города на Волге во второй половине XIX – начале XX вв. на материалах Саратова: дисс... канд. ист. наук. Саратов, 2008.
8. Каганский В. Л. Культурный ландшафт: основные концепции в российской географии // Обсерватория культуры. 2009. № 1. С. 62-70.
9. Каркарьян В.Г. Модерн в архитектуре Самары. Самара, 2006; Каркарьян В.Г. Рукотворный металл Самары. Самара, 2009; Каркарьян В.Г. Самара – Куйбышев – Самара. Самара, 2004; Каркарьян В.Г. Старая Самара: история, дома, люди. Самара, 1998.
10. Кобозева З.М. Мещанское сословие г. Самары в пространстве власти и повседневности (вторая половина XIX – начало XX в.), или Рассказ о «душе с повинностями». Самара, 2013.
11. Кошман Л. В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: социальные и культурные аспекты. М., 2008.
12. Круткин В. Л. Городской ландшафт как палимпсест культуры // РСБОЗМБ. Проблемы визуальной семиотики. 2018. № 3. С. 27-42.
13. Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920-1930 годы. СПб., 1999.
14. Лекарева Н.А. Ландшафтно-экологическая инфраструктура города Самары. Самара, 2012; Лекарева Н.А., Заславская А.Ю. Эволюция городского ландшафта Самары // Традиции и инновации в строительстве и архитектуре. Градостроительство: сборник статей [Электронный ресурс] / под ред. М.И. Бальзанникова, К.С. Галицкова, Е.А. Ахмедовой. Самара, 2017. С. 128-132
15. Моргун А.Г. От крепости Самара до города Куйбышева: заметки об архитектуре. Куйбышев, 1986.
16. Рогач Ю.А. Социокультурное пространство городов Самаро-Саратовского Поволжья: дисс. ... канд. ист. н. Самара, 2006.
17. Рыженко В.Г. Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е годы: вопросы теории, истории, историографии, методов исследования: дисс....док. истор. наук. Екатеринбург, 2004.
18. Синельник А.К. Градостроительная история Самарского края. Самара, 2000.
19. Тюрин В.А. Власть и городское самоуправление в Среднем Поволжье: опыт взаимодействия на рубеже XIX-XX веков Самара, 2007.

СЕКЦИЯ V.
ИСТОРИЯ РОССИИ XX-XXI ВВ.:
ПРОБЛЕМЫ, ПОИСКИ РЕШЕНИЯ

А.А. Зубкова

Самарский государственный социально-педагогический университет

**ПРОБЛЕМА ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ТЫЛОВОГО НАСЕЛЕНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
В ИСТОЧНИКАХ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ**

В изучении данной проблемы в современной российской историографии появились новые акценты [3, 4, 6, 7]. Прежде всего, авторы пришли к выводу о неспособности местных органов власти организовать и гарантировать установленное «сверху» бесперебойное распределение товарных ресурсов. Они подчеркнули, что отсутствие продуктов было связано с сокращением их завоза в город; отоваривание карточек сводилось лишь к получению по ним хлеба; высокие цены на сельскохозяйственные продукты на рынках (товары на рынках могли приобрести немногие).

Данная тема нашла яркое отражение в источниках личного происхождения: дневниках, письмах на фронт и в тыловые воинские части, воспоминаниях работников эвакуированных заводов и фабрик, колхозников, работников совхозов. В них можно часто встретить слова: «Голодали сильно», «Питались скудно», «Хлеба не хватало», «Голод не отступал ни на минуту», «Мы погибнем»... В письмах на фронт и в тыловые воинские части матери и жёны жалуются на плохое к ним отношение: им не дают работы, некоторые вынуждены идти в правление и вымаливать хлеб. Н.Л. Карпова – мужу: «Вася, вы писали на счёт продуктов, как нас обеспечивают. Прийду в правление, стану просить хлеба, он обращается с нами по-зверски, со всеми. Говорит, иди от меня к чёртовой матери. Нельзя к нему никак подойти, Вася, мы погибли...». А.Г. Рыбкина А.Г. – мужу: «Сегодня ходила, хотела устроиться на работу, но наша дирекция выбрасывает нас красноармеек за борт, как говориться мы им лишняя обуза... Как не хорошо относятся к семьям, у которых ушли мужья на фронт. Написала бы больше, но слёзы мешают писать...» [8, с. 129].

Работникам колхозов тоже жилось не сладко. В.В. Малахова вспоминала о работе в колхозе с. Елань Хворостянского района: «... Голодали сильно. Жили, в основном, овощами, на хлеб надежды не было. Работали за трудодни, по 200-300 трудодней зарабатывали, а осенью дадут каких-

нибудь по 200–300 грамм отходов или шуплого зерна и за то спасибо. 40–50 кг получим, смелем и тянем на весь год. Платили очень большие налоги, облигации, обдирали, как могли нашего брата...» [8, с. 258]. Е.Ф. Лаврентьевой было 13 лет, когда началась война. Работала в совхозе Рубёжный. Вот как она вспоминала свои трудовые будни: «Работали с 9 до 17 часов, а бывало и дольше. Питались скудно. На обед выдавалось по 50 грамм хлеба на человека...» [5, с. 23]. Жительница Ростовской области М.С. Ткаченко в 11 лет резко повзрослела: «Мы сразу стали взрослыми – стариками. От нас больше не ушла никакая работа. Хлеб весь до грамма отдавали фронту. Молочай рвали, убирали горечь и ели катран – есть такая ветвистая трава, толкли её. Ели «калачики», вместо сахара корень солодки» [1, с. 120].

Работники заводов питались чуть лучше, но и они голодали. Бывший рабочий авиационного завода № 18 Г. Шевченко вспоминал: «На заводе прямо у станка, ели. Обед и ужин состоял из манной каши с пятью граммами масла. Съедали по четыре – пять мисок, а через три часа опять давал себя знать голод. Нам выдавали хлебные карточки (800 грамм в день) и продовольственные карточки, которые можно было отovarивать лишь конфетами, по 500 грамм в месяц. В феврале и марте 1942 не помню даже, получали ли мы зарплату. Манная каша не оплачивалась. Единственным «удовольствием» были талонные хлеб и конфеты...» [8, с. 181–183]. А.С. Петрякиной было 14 лет, когда началась война, работала на заводе в Куйбышеве, где стирала бинты для раненых, обрабатывая их хлорной известью: «Питались скудно. Нам по карточкам положена была хлебная норма в 600 граммов в сутки. Крепко помогало домашнее хозяйство. Почти у всех жителей были свиньи, у многих коровы и все сажали картошку и другие овощи» [5, с. 18]. П.Г. Мажнов, рабочий авиационного завода № 1 вспоминал: «хлеба давали – 700 граммов. Можно было и больше взять – только карточку отрезают. А пока первое и второе съешь – половины куска уже нет. В следующий раз уже «пустышь» хлебаешь. В военное время получал 5000 рублей. Мало, что можно было купить на них. Буханка хлеба стоила 200 рублей. Всё остальное – тоже дорого. Картошка продавалась только на рынке, а там была такая дороговизна!» [2, с. 125].

Изучив письма военных лет и воспоминания городских и сельских жителей, мы можем утверждать, что положение в тылу было ничуть не лучше, чем на фронте. В магазинах трудно было приобрести, а порой и невозможно, товары первой необходимости: соль, спички и др. Отovarивание карточек сводилось к получению только хлеба. Громадные усилия труженников тыла «оплачивались» минимально. Люди выживали за счёт подсобных хозяйств.

Библиографический список

1. Война и дети (Они заменили взрослых, ушедших на фронт, и выстояли) / И.Ш. Цирин, И.А. Рамзайцев, Н.А. Тюрикова и др.; под общей редакцией И.Ш. Цирина. Самара: Самар. Отд-ние Литфонда, 2005. 270 с.

2. В труде как в бою: сборник воспоминаний тружеников тыла и участников фронтовых бригад о работе в годы Великой Отечественной войны: в 2 ч. / отв. ред. В.И. Федорова. Самара: ООО «Офорт», 2011. 498 с.
3. Гордин А.А., Варакин С.А., Пустовалова А.А. Продовольственное снабжение в тыловом городе в годы Отечественной войны 1941–1945 (на материалах Горьковской области) // Приволжский научный журнал. 2014. Вып. № 4 (32). С. 272–278.
4. Данилов В.Н. Обеспечение населения Саратова продовольствием в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Поволжский торгово-экономический журнал. 2010. Вып. № 3. С. 53–62.
5. Дети фронту. Очерки о самарских детях и подростках – тружениках тыла / сост. Сусленков А.П. Самара: Изд-во Самар. ин-та управления, 2008. 52 с.
6. Кац Н.Г., Киличенков А.А. «Выжить, не умереть...». К изданию в США коллективной монографии о продовольственном снабжении в СССР во время Великой Отечественной войны // Новый исторический вестник. 2016. № 4 (50). С. 179–200.
7. Федосеев В.И. Об особенностях государственно-правового регулирования продовольственного снабжения городов в период Великой Отечественной войны (на примере Куйбышевской области) // Альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России. Самара, 2015. С. 72–78.
8. Храмов Л.В., Храмова Н.П. Самарская земля в годы военного лихолетья 1941–1945 гг. Самара: изд-во «НТЦ», 2003. 372 с.

Н.В. Воронкина

Пензенский государственный университет

РАЗМЕЩЕНИЕ ЭВАКУИРОВАННОГО НАСЕЛЕНИЯ В ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Географическое положение Пензенской области обусловило ее важнейшую роль в процессе эвакуации населения в годы Великой Отечественной войны. По имеющимся сведениям ГАПО (государственного архива Пензенской области), в течение 1941–1942 гг. на пензенскую землю, организованно и стихийно, прибыло 124 300 человек, в том числе 54 200 детей. Делом первостепенной важности для партийно-советского актива становится размещение эвакуированного населения [1, с. 19].

С теми, кто прибыл с эвакуированными предприятиями, проблем почти не возникало. Их работники расселялись, как правило, в общежитиях заводов и на частных квартирах, только небольшая часть была обеспечена отдельными домами. Необходимость расселения остальных потребовала от органов власти проведения целого комплекса мероприятий.

Изучив архивные данные, выяснили, что из всего количества эвакуированного населения, прибывшего в Пензенскую область (по состоянию на

1-е января 1943 г. – 110 033 человека) было расселено: в городах – 17 897 человек, в сельской местности – 92 136 человек [2, с. 51].

Известно, что больше всего эвакуированных было размещено в Пензе – 10 017 человек. На втором месте находился Кузнецк – 6 050. В таких районах, как Наровчатский, Городищенский, Бековский, разместилось по 4 тыс. эвакуированных. Далее следуют Н-Ломовский (3 969), Лунинский (3 254), Земетчинский (3 224) и Кузнецкий (3 176) районы.

Мы видим, что большая масса переселенцев была размещена в сельской местности (84% от всех эвакуированных). Данное явление можно объяснить тем, что большое внимание уделялось размещению работников эвакуированных предприятий, в решениях местных органов власти регламентировались вопросы прописки и предоставления жилья данной категории людей в городах.

Для работы с такой огромной массой населения требовалось от руководителей на местах четкости в работе, оперативности. Можно выделить несколько путей обеспечения эвакуированного населения жильем.

Во-первых, это строительство из местных стройматериалов упрощенного типа жилых и коммунально-бытовых помещений.

Так, из Постановления Совнаркома РСФСР от 21 мая 1943 г. № 513 «О распределении кредитов Цескомбанка по РСФСР на 1943 г.» на строительство упрощенного типа жилищ, бань, прачечных, столовых и др. помещений для эвакуированного населения Пензенской области мы видим, что был выделен кредит в сумме 880 тысяч рублей. Этим постановлением Пензенский облисполком обязан был закончить строительство упрощенного типа жилищ для эвакуированного населения и ввести в эксплуатацию в 1943 г. 2050 кв. метров. Начальник Отдела СНК РСФСР по хоз. устройству эвакуированного населения Л. Дмитриев предлагал добиться, чтобы план строительства и утвержденные ассигнования были доведены до каждого города, района, в котором намечено или осуществляется строительство; проверить обеспеченность строительства технической документацией (типовые проекты, сметы и пр.); взять под повседневный контроль выполнение плана строительства, ежемесячно докладывать о ходе выполнения плана обл(край)исполкому и СНК АССР и информировать Отдел СНК РСФСР по хозяйственному устройству эвакуированного населения [3, с. 29].

7 июня 1943 г. Отдел по хозяйственному устройству эвакуированного населения, рассмотрев отчет о работе Отдела Пензенского облисполкома по хоз. устройству эвакуированного населения за 1942 г., сообщает начальнику отдела Очеву о том, что считает работу Отдела неудовлетворительной. Подчеркивалось, что целый ряд квартир не приспособлен к жилью и упрощенное строительство жилых домов, во всех районах, проходило чрезвычайно плохо. Например, указано, что была отремонтирована коммунальная гостиница, но никто из эвакуированных ей не пользуется. В ряде районов допущено расходование средств не по целевому назначению. Так,

в г. Пенза было израсходовано 129 018 рублей на ремонт коммунальной гостиницы и некоторых столовых, тогда как «ни одно из этих отремонтированных зданий в настоящее время не используется специально для эвакуированного населения» [4, с. 65].

Отметим, что данный вариант решения жилищной проблемы являлся наиболее затратным с точки зрения времени, финансовых и людских ресурсов и поэтому применялся крайне редко.

Второй путь по обеспечению эвакуированного населения жильем – расселение в освобожденных коммунальных квартирах и колхозных домах.

И третий вариант, самый распространенный, – подселение прибывших людей к местным жителям. Подчеркнем, что если до военного времени на одного жителя приходилось примерно 5 кв. метров, то на начальном этапе эвакуации данный показатель снизился до 3-х кв. метров. Однако местные органы власти уделяли данному вопросу большое внимание, поэтому в дальнейшем эта цифра выросла до 4-х [2, с. 52].

К сожалению, данный способ решения жилищной проблемы вызывал у местных жителей волну негодования, что нередко приводило к конфликтам.

Таким образом, дело с обеспечением жилплощадью эвакуированных граждан в Пензенской области обстояло очень остро. Отмечалось, что эвакуированное население живет скученно, а целый ряд квартир не был приспособлен к жилью. Однако было приложено немало усилий на местах по обеспечению жильем эвакуированного населения и созданию минимальных бытовых условий.

Библиографический список

1. Пензенская область в годы Великой Отечественной войны / Под ред. Г.В. Мясникова. Саратов, 1985. – 192 с.
2. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. Р-2413. Оп. 1. Д. 11.
3. ГАПО. Ф. Р-2413. Оп. 1. Д. 5.
4. ГАПО. Ф. Р-2414. Оп. 1. Д. 14.

Э.И. Савенков

Саратовский национальный исследовательский университет

ФЕНОМЕН «БОЕВОГО БРАТСТВА» НА ФРОНТАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА ПРИМЕРЕ КУРСАНТОВ 2-ГО САРАТОВСКОГО ТАНКОВОГО УЧИЛИЩА

Экипаж танка состоит из нескольких человек, заключенных в один стальной «ящик» и находящихся в одинаковой экзистенциальной ситуации, где жизнь каждого члена экипажа в бою зависела от четкости и слаженности действий, от глубины эмоционального контакта между ними, и пони-

мания друг друга не только с полуслова, но и с полувзгляда. Чем сильнее становились подобные связи, тем больше была вероятность уцелеть [9, с. 274]. Такие явления формировали между людьми особые отношения, которые следует назвать «боевым братством».

Под этим названием подразумевается содружество людей с военной подготовкой, объединенных общей целью и стремлением достичь ее путем эмоциональной и физической корреляции друг с другом. Важно отметить, что этот феномен характерен не для всех танкистов по различным на то причинам, однако существуют примеры и диаметрально обратных случаев.

Цель данной работы заключается в рассмотрении «боевого братства» на примере трех выпускников 2-го саратовского танкового училища: П.Ф. Захарченко, Н.Г. Безрукова и К.К. Демидова, которые оказались в одном танке и провозвали в составе его экипажа с июля 1941 по апрель 1942 года, и являются ярким примером этого феномена.

Основными источниками для исследования послужили дела выше представленных курсантов, которые хранятся в музейном фонде Саратовского высшего командно-инженерного Краснознаменного ордена Красной Звезды училища им. Героя Советского Союза генерал-майора А.И. Лизюкова [4, 5, 6, 7]. Помимо этого, использовались различные источники с сайта «память народа» [10, 11] и периодическая печать [3, 8].

П.Ф., Захарченко, Н.Г. Безруков и К.К. Демидов были призваны в армию на основании закона о всеобщей воинской обязанности от 1 сентября 1939 года [3, с. 1] и оказались на одном курсе 2-ого саратовского танкового училища, где и познакомились.

С началом Великой Отечественной войны 22 июня 1941 года, курс выпустили без присвоения воинских званий и, как пишет К.К. Демидов: «наша рота курсантов командного и технического состава; выехала на пароходе в Сталинград за получением техники» [1, с. 11]. 27 июня рота получила танки и отправилась на фронт. Уже в ночь с 29 на 30 июня курсанты выгрузились на границе с Могилевской областью в город Гомель [1, с. 11], где ждали своего назначения до 12 июля, когда на станцию прибыла 50-я танковая дивизия. Об этом сообщают данные из доклада о боевых действиях 150-й танковой бригады: «11–12.7.41 года – получение двух батальонов Т-34 – 64 танка из Сталинградского и Орловского БТУ» [10, л. 3].

Изначально, все трое воевали в собственных боевых машинах. Однако затем в результате боев за г. Пропойск, проходивших с 18 по 31 июля дивизия понесла серьезные потери [10, л. 11]. Об ожесточенности боев сообщает и Демидов, указывая на то, что г. Пропойск несколько раз переходил из рук в руки [1, с. 13]. Из этого следует то, что в период с 23 по 31 июля все трое оказываются в составе экипажа одного танка. «Все меньше оставалось в строю курсантов 2-го Саратовского танкового училища. И, как всегда бывает, оставшиеся в живых тянулись друг к другу. – Пишет Константин Константинович – Так фронтовая дружба свела в один эки-

паж со мной Николая Безрукова, Павла Захарченко, Александра Аксенова» [1, с. 13].

Экипаж боевой машины в составе 50-й ТД успешно участвовал в боях с августа по сентябрь 1941 года. Остатки 50-й танковой дивизии 8 сентября 1941 года отправили на переформирование в 150 отдельную танковую бригаду, и 17 сентября экипаж вступил в бой уже в составе бригады. «Братство» будет участвовать в боях до начала апреля 1942 года, пока Безрукова, как и ранее Захарченко не назначат командиром собственной боевой машины. Демидов же получит должность старшего механика-водителя, а затем отправится в Сталинград за приемом новой партии Т-34 и будет отвечать за доставку боевых машин в часть. Следовательно «боевое братство», как единый танковый экипаж полностью распалось, но, не смотря на это, дружба между танкистами продолжала существовать и после первых потерь.

Возвращаясь к вопросу о «боевом братстве» в танковом экипаже, стоит отметить, что оно было очень сильным, на это указывают многие факты. К примеру, нередки обращения друг к другу не по званию или должности, а в более неформальном тоне: братики, милый друг и многие другие [1, с. 15]. Феномен проявлялся и в моменты утраты одного из «братьев». Так, после гибели П.Ф. Захарченко 26 ноября 1943 года: «боевые друзья, воздвигли ему памятник! На могиле героя Павла Федоровича Захарченко в Чеповичи стоит на постаменте танк «КВ» с пробоинами» [4, л. 19].

Подводя итог, можно уверенно сказать, что «боевое братство», в отдельных случаях, действительно существовало и играло значительную, психологическую роль в жизни танкового экипажа. Поскольку, не смотря на хорошую выучку каждого танкиста по отдельности, она не могла в полном объеме реализоваться без достижения эмоциональной связи с другими членами команды. Пример отдельного танкового экипажа, показывает то, что феномен «боевого братства», в совокупности с другими факторами фронтовой повседневности, позволял справиться с экзистенциальным кризисом и страхом во время войны.

Библиографический список

1. Демидов К.К. Танки на пьедестале. Саратов: Приволжск. кн. изд-во, 2002.
2. Драбкин А.В. Танкисты. Новое интервью. М.: Яуза, 2018.
3. Красная звезда. 1939. № 201 (4351)
4. Музей истории и боевой славы СВВКК им. А.И. Лизюкова. Ф. 1. Д. 1. Героя Советского Союза гвардии майора Захарченко П.Ф.
5. Музей истории и боевой славы СВВКК им. А.И. Лизюкова. Ф.1. Д. 1. Капитана в отставке Демидова К.К.
6. Музей истории и боевой славы СВВКК им. А.И. Лизюкова. Ф.1. Д. 1. Героя Советского Союза подполковника Безрукова Н. Г.
7. Музей истории и боевой славы СВВКК им. А.И. Лизюкова. Ф.1. Д. 3. Капитана в отставке Демидова К.К.
8. Родина помнит... // Заветы Ильича. 1966. № 122–124.

9. Сенявская Е.С. Советский солдат в годы Великой Отечественной войны: историко-психологический портрет // Известия Самарского научного центра РАН. 2005. №2. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskiy-soldat-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny-istoriko-psihologicheskiiy-portret> (дата обращения: 31.05.2018).

10. ЦАМО. Ф. 202. Оп. 5. Д. 196. Л. 3. [Электронный ресурс]. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=258804410> (дата обращения: 07.11.2018).

11. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 141. Л. 241. [Электронный ресурс]. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie11703221/ (дата обращения: 07.11.2018).

Д.Л. Сивкова

Пензенский государственный университет

**«ПРЕДСТАВЛЕН К ЗВАНИЮ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА»:
К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ НАГРАДНОЙ СИСТЕМЫ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Пензенская область внесла немалый вклад в победу в Великой Отечественной войне. В военные годы Пензенская область стала важнейшим местом формирования воинских частей и подготовки боевых ресурсов. На территории переформировывались десятки воинских соединений. В этом процессе активнее всего участвовали крупные железнодорожные узлы — города Пенза и Кузнецк. Бойцы сражались на всех театрах военных действий. Многие положили жизнь на защиту Родины. За годы войны в ряды действующей армии было призвано 312 тысяч пензяков, из которых 190400 тысяч пали в боях, а 55 тысяч награждены различными орденами и медалями. Из числа награжденных 228 человек были удостоены звания Героя Советского Союза. В нашем исследовании мы рассмотрим тех военнослужащих, которые представлялись к званию Героя Советского Союза, но, в конечном счете, удостоились других наград.

Объектом нашего исследования является Великая Отечественная война 1941-1945 гг.

Предметом нашего изучения стали наградные листы солдат и офицеров, представлявшихся к высшей правительственной награде Герой Советского Союза.

Целями данного исследования являются: увековечение памяти бойцов Великой Отечественной войны, представлявшихся к званию Герой Советского Союза, но получившие иные награды, военно-патриотическое воспитание молодежи.

Задачи исследования: проанализировать данные наградных листов уроженцев Пензенской области, предоставляемых к званию Герой Советского Союза, проследить такие социально-исторические характеристики солдат,

как возраст, национальность, партийность, звание, род войск и награду, которую в итоге получили.

Главным источником исследования являются наградные листы, размещенные на электронном портале документов Второй мировой войны «Подвиг народа» [1]. Мы рассмотрим результаты исследований наградных листов, из которых были выявлены 130 человек, представлявшихся к высшей правительственной награде Герой Советского Союза. Из них 11 были награждены орденами Ленина, 113 – орденами Красного Знамени, 5 – орденами Александра Невского, 1 – орденом Богдана Хмельницкого.

Возраст бойцов был самым различным: от 18 и до 48 лет. Ниже представлена таблица соотношения звания и возраста в момент предоставления к награде.

Таблица 1

**Возрастные особенности военнослужащих,
представляемых к званию Героя Советского Союза**

Возраст, лет	Солдаты		Сержанты и старшины		Младшие офицеры		Старшие офицеры		Всего	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
18-19	4	25	5	11,6	2	2,9	–	–	11	8,5
20-25	5	31,3	20	46,6	40	58	–	–	65	50
26-30	3	18,7	7	16,2	22	31,9	1	50	33	25,4
31-35	1	6,3	5	11,6	3	4,3	–	–	9	6,9
36 и старше	3	18,7	6	14	2	2,9	1	50	12	9,2
Всего, чел.	16	100	43	100	69	100	2	100	130	100
Всего, %		12,3		33,1		53,1		1,5		

Источник: Подвиг народа. Электронный банк документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://podvignaroda.ru/?#tab=navHome>

Из данных таблицы следует, что половина представляемых к званию Герой Советского Союза была в возрасте от 20 до 25 лет, сравнительно большой процент, а именно 25,4 – приходится на 26-30 лет, на третьем месте по численности (9,2%) в возрасте чуть выше среднего, молодых насчитывалось около 8,5 % и самый маленький удельный вес (6,9%) приходится на возраст от 31 до 35 лет.

Основная масса военнослужащих на момент представления к награде находилась в званиях младших офицеров и подавляющее большинство из них были в возрасте 20-25 лет. Удельный вес сержантов и старшин было тоже довольно высок и опять же почти половина в возрасте 20-25 лет. Рядовых солдат было намного меньше, но возрастной диапазон также варьировался от 18 до 25 лет. Из всех 130 уроженцев Пензенской области мы нашли только двух человек в чинах старших офицеров, поэтому их процент

незначителен. Основной возраст представленных к награде – 21-22 года, то есть 1923-1924 гг. рождения. Почему же в бой шла, в основном, молодежь? Это объясняется тем юношеским максимализмом, которым обладали солдаты, шедшие в бой, не боясь ничего и стремясь лишь к одному – защитить свою Родину. Также не следует сбрасывать со счетов, что эти молодые бойцы воспитывались уже в советском государстве и идеологический аспект играет здесь немаловажную роль. Как видно, что солдат, сержантов, младших и старших офицеров 30 лет и старше, среди представляемых к награде, было не так много. Это очевидно связано с тем, что в зрелом возрасте человек уже имеет семью, которую он боится потерять, и его инстинкт самосохранения развит куда больше чем у молодого поколения. Именно поэтому они не с таким порывом, как молодые, шли на подвиги.

Таблица 2

Особенности получения различных наград по году представления к званию Героя Советского союза

Год представления	Орден Красного Знамени		Орден Ленина		Орден Александра Невского		Орден Богдана Хмельницкого		Всего	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1942	1	0,9	3	27,3	–	–	–	–	4	3,1
1943	15	13,3	4	36,3	1	20	–	–	20	15,3
1944	47	41,6	3	27,3	–	–	–	–	50	38,5
1945	50	44,2	1	9,1	4	80	1	100	56	43,1
Всего, чел.	113	100	11	100	5	100	1	100	130	100
Всего, %		86,9		8,5		3,8		0,8		

Источник: Подвиг народа. Электронный банк документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://podvignaroda.ru/?#tab=navHome>.

На основании анализа наградных листов не представляется возможным выявить причины, из-за которых кандидаты так и не получили звание Героя Советского Союза. Наиболее частыми наградами для таких солдат был орден Красного Знамени (почти 87%) и большинство из них получали его в 1944-1945 гг. Следовательно, можно предположить, что звание Героя Советского Союза присуждали чаще на начальном этапе войны, чем на завершающем, где их заменяли другими наградами. Потому что в этот период войны уже более чем достаточно было примеров героизма, и высшая правительственная награда как метод стимулирования была не нужна, ценность её повысилась. Возможно, существовала определенная квота на количество награждаемых званием Герой Советского Союза, но никаких официальных документов подтверждающих данный факт нет.

Библиографический список

1. Подвиг народа. Электронный банк документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://podvignaroda.ru/?#tab=navHome>.

А.В. Власов

Саратовский национальный исследовательский университет

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ СВАГ В 1945-1949 ГГ.: ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ И СТРАТЕГИИ АДАПТАЦИИ

После окончания Великой Отечественной войны и Второй мировой войны на территории Германии были образованы оккупационные зоны во главе с администрациями СССР, США, Англии и Франции. 6 июня 1945 года была создана Советская военная администрация в Германии (далее – СВАГ), главными функциями которой заключалось административное управление советской оккупационной зоной и проведение в жизнь решений Ялтинско-Потсдамской конференции.

Историографический дискурс как в нашей стране, так и за рубежом не изобилует трудами по различным аспектам повседневной жизни военнослужащих СВАГ. В основном проведены исследования «отраслевого» характера, посвященные экономическим и правовым институтам, «германскому вопросу», идеологии и культуре [5; 6; 8; 9].

Тема повседневности затрагивается в монографиях немецких исследователей, но посвящены они жизни военнослужащих Группы советских оккупационных войск в Германии (ГСОВГ) [11;12], а также в обстоятельной статье Р.Ю. Болдырева, где автор, используя структурно-функциональный анализ, раскрывает механизмы контроля над жизнью военнослужащих со стороны Политуправления СВАГ [1].

В данной статье будут рассмотрены основные поведенческие практики и стратегии адаптации военнослужащих СВАГ. Главной источниковой базой исследования стали эго-документы, позволяющие рассмотреть практики глазами самих субъектов и раскрывающие недоступные для официальных документов нюансы повседневности [2; 3; 4; 7; 10].

Военнослужащие СВАГ – люди послевоенного общества, задачами которого являлись поиски новой стратегии выживания и вживания в новую реальность. Особенность жизненного опыта этого военного контингента заключалась не столько в адаптации к послевоенным советским реалиям, сколько к немецким вкупе с аккультурацией в этой инокультурной среде.

В повседневных практиках советских граждан в Восточной Германии проявлялись различные перцепционные процессы и знакомство с реальностью западного капиталистического мира.

Многие офицеры СВАГ до войны не имели в СССР квартиру и обрели ее впервые в жизни в Германии. Во многих случаях они жили вместе с немецкими семьями, занимая второй этаж в доме [3, с. 46; 7, с. 243; 10, с. 117-118]. Сотрудники с восхищением отзывались о внутреннем убранстве домов, продуманности многих элементов домашнего уклада. Такая совместная жизнь предполагала тесное общение между ними, вовлеченность в общие проблемы и во взаимовыгодное сотрудничество. Обслуживали жильцов дома немцы: домработницы, няньки, прачки, уборщицы, истопники и пр. Некоторые из них оплачивались администрацией, других нанимали сами жильцы в Карлсхорсте, давая работу и обеспечивая более или менее сносное существование сотням женщин и мужчин.

Налаженный быт позволял не только эффективно работать, но и вести активную светскую жизнь, изучать иностранные языки, знакомиться с европейской культурой. Об этом писал в докладной записке секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову, побывав в Германии летом 1948 г., президент Академии педагогических наук РСФСР И.А. Каиров: «За 3 года своего пребывания некоторые товарищи стали «привыкать» к местной обстановке; это грозит опасностью потери бдительности, излишней самоуспокоенности...во время летних отпусков сотрудников и их приезда в Москву, где они по собственному почину искали возможности доложить не о своей работе, а о своих личных впечатлениях о школе в Германии» [5, с. 432].

Окунувшись в новую, сильно контрастирующую с довоенной, жизнь, военнотружущие обнаруживали свою неподготовленность ко многим её сферам. В.В. Чубинский в своих мемуарах рассказывал о своём соседе, который оказался в подобной ситуации: «Вообще же Иван Артемьич вел широкую светскую жизнь. Его без конца осаждали посетители, немцы и немки торгашеского вида, с которыми он вел, не знаю у ж на каком языке, какие-то переговоры, видимо о покупках. <...> Светский образ жизни требовал светских дарований, и Иван Артемьич, имевший у себя в комнате пианино, задумал учиться играть на нем. Нанял учителя-немца. Тот стал регулярно вечерами приходить на уроки. Скоро обнаружилось, что у ученика отсутствовало не только музыкальная, но и вообще всякая память» [10, с. 125].

Несомненно, новой повседневной практикой в связи с появлением новых каналов трансляции информации стало чтение иностранной литературы и периодической печати, ставших доступных каждому военнотружущему [2]. Популярным стало хождение в кинотеатры как в своей зоне, так и других. Б.Г. Тартаковский вспоминал: «Много мы ходили в кинотеатры, главным образом, западных секторов (до денежной реформы 1948 года) — этот вид искусства был наиболее доступен, поскольку уже в первом после-

военном году они функционировали довольно бойко. Как правило, в кинотеатрах каждого сектора демонстрировались фильмы оккупирующей его страны. Это позволило нам знакомиться со многими картинами, о которых мы знали лишь понаслышке. Так, в роскошном по тем временам кинотеатре «Марморхауз» на Курфюрстендамм мы впервые увидели Лоренса Оливье и Вивьен Ли в «Цезаре и Клеопатре» и «Леди Гамильтон», во французском секторе – «Пасторальную симфонию» с Мишель Морган, «Преступление и наказание» с Пьером Бланшаром и многие, многие другие» [7, с. 273-274].

Таким образом, на примере нескольких практик и сюжетов можно увидеть, как структурировались некоторые аспекты повседневной жизни советских военнослужащих. Военнослужащие стали копировать и перенимать у немецкого общества различные ментальные и культурные парадигмы, формировали схожие социальные практики, создавали общее коммуникативное пространство, что порой приводило к нелепой эклектичности двух мировоззренческих стратегем или гармоничному взаимодействию различных стратегий формирования социального пространства.

Библиографический список

1. Болдырев Р.Ю. Повседневная жизнь советских военнослужащих по материалам политуправления СВАГ // Люди между народами. Действующие лица российско-германской истории XX в.: Материалы конференции российских и немецких историков 25-29 апреля 2009 г., Тутцинг, ФРГ. М., 2010. С. 141-154.
2. Ермолаев В.А. «Без гнева и пристрастия»: Записки историка. Саратов, 2009.
3. Кацева Е.А. Мой личный военный трофей: Повесть о жизни. СПб., 2005.
4. Плимак Е.Г. На войне и после войны (Записки ветерана). М., 2005.
5. Политика СВАГ в области культуры, науки и образования: цели, методы, результаты. 1945-1949: Сборник документов. М., 2006.
6. Семиряга М.И. Как мы управляли Германией. М., 1995.
7. Тартаковский Б.Г. ВСЁ ЭТО БЫЛО... Воспоминания об исчезающем поколении. М., 2005.
8. Тимофеева Н.П. Немецкая интеллигенция и политика реформ: Система образования в Восточной Германии 1945-1949 гг. Воронеж, 1996.
9. Филитов А.М. Германский вопрос: от раскола к объединению. Новое прочтение. М., 1993.
10. Чубинский В.В. Моя оккупация Германии. Русский офицер в Берлине и окрест. 1946-1950 гг. СПб., 2004.
11. Kowalczuk I.-S, Wolle S. Roter Stern uber Deutschland. Berlin, 2001.
12. Satjukow S. Besatzer. «Die Russen» in Deutschland 1945-1994. Gottingen, 2008.

ГРУППОВАЯ ДИНАМИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ НОМЕНКЛАТУРЫ КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ 50-Х ГГ. XX В.

Понятие «номенклатура», в контексте анализа как систем управления, так и групповой динамики в политической системе, используется в двух ипостасях: 1. как набор должностей, замещение которых осуществлялось с согласия партийного комитета; 2. как категория руководящих работников, назначавшихся на должность соответствующим парткомом и наконец, организационная форма партийно-кадрового управления [3, с. 73].

Рассматривая групповую динамику в политической номенклатуре СССР 50-х гг. XX в., следует отметить базовые постулаты принципа выдвижения кандидатов на замещение управленческих должностей, состоящие из четырёх позиций:

1. Руководитель должен обладать добросовестностью и моральной чистотой своих намерений [2, с. 124];
2. Руководитель должен быть ярким политическим оратором, ярким приверженцем идеологической линии партии [2, с. 124];
3. Руководитель должен обладать оптимальной базой знаний управляемой организации, ведомства, трудового коллектива [2, с. 124];
4. Руководитель должен обладать ярко выраженными администраторскими способностями (быть организатором, куратором и «преподавателем» в исполнении политической линии партии и реализации управленческих решений) [2, с. 124].

Дотошное знание управляемой организации и коллектива являлось второстепенным моментом по сравнению с политической благонадёжностью. На первом плане стояли трудоспособность управляющего и его политико-идеологическая компетентность [2, с. 125].

Политическая номенклатура СССР 50-х гг. XX в. формировалась на местах по принципу разделения партийных организаций по производительному субституту отношения к сельской или промышленной производственной группе, что являлось фактором осложнения работы по подбору и расстановке кадров [1, с. 8].

Для участия и продвижения в процессах групповой динамики политической номенклатуры СССР в 50-60-е гг. XX в., нужно было воспользоваться строго определённым социальным лифтом в государстве — окончить Высшую партийную школу [4, с. 19].

ВПШ в особой форме осуществляла подготовку управленческих кадров через учебный процесс изучения постулатов марксизма-ленинизма и на-

писания критической работы по проблематике диалектического материализма, касаясь методов руководства административно-хозяйственным базисом государства. Закончив обучение в партийных учебных заведениях, выпускники формально обладали правом выполнения должностных полномочий на руководящей партийной работе, а затем в сфере народного хозяйства СССР данной эпохи [4, с. 20].

Опираясь на материалы фонда № 656 ГБУСО СОГАСПИ, автор исследования смог сформулировать следующий вывод: вследствие реализации принципов групповой динамики политической номенклатуры на местах, райкомы и райисполкомы Куйбышевской области, которые пополнялись выпускниками ВПШ г. Куйбышев, должны были достаточно быстро получить положительный результат за короткий период времени [5, с. 3-5].

Выполнение указаний Совета министров СССР, а также ведомств исполнительной ветви власти Куйбышевской области, было проблематичным: вновь прибывшие управленцы из состава партии стремились изучить специфику руководимого ведомства района промышленной или сельскохозяйственной специализации, его трудового коллектива, и на основе аналитических выверок принимать грамотные управленческие решения для их исполнения управляемым персоналом [6, с. 5-9].

Вследствие короткой адаптации на новом рабочем месте, бессистемного исполнения нерациональных и достаточно поспешных управленческих решений трудовым коллективом, приводило к получению неудовлетворительных результатов как в трудовой деятельности рабочих различных районов Куйбышевской области, так и в управленческой деятельности руководителей определённых ведомств производственно-территориального типа.

Библиографический список

1. Вороновский Н.А. Ленинские принципы подбора, расстановки и воспитания кадров. М., 1967.
2. Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., «Советская Россия». 1991.
3. Кабытов П.С., Козловская Г.Е., Рябов В.В., Мякотин А.А. Элиты Самарской (Куйбышевской) области в 1960-1990-е гг. Очерки истории: коллективная монография. Самара, 2014.
4. Пономарёв Л.Н. Исторический опыт КПСС по подготовке партийных и советских кадров. Часть I. М., 1989.
5. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 107. Д. 49.
6. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 107. Д. 59.

ИЗМЕНЕНИЕ СТРУКТУРЫ БЮДЖЕТА КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В 1965-1984 ГГ.

Вопросы функционирования региональных партийных организаций в период «застоя» (1965-1985 гг.) редко освещаются современной историографией. Огромная источниковая база, представленная в местных архивах, тем не менее, позволяет реконструировать историю развития партийной организации, а вместе с ней и механизма регионального управления. Важным и малоизученным источником являются документы, отражающие структуру бюджета областной парторганизации – проекты бюджетов, отчеты об исполнении бюджета, акты ревизии. В названных выше категориях документов, на наш взгляд, отражаются данные о социально-экономическом развитии Куйбышевской области.

Основными статьями дохода куйбышевской партийной организации были партийные взносы и доходы от партийной печати. За счет резкого роста уровня собираемых партвзносов бюджет парторганизации вырос в 4,5 раза за 20 лет [2, с. 4; 7, с. 5]. Благодаря росту доходов парторганизация перестала получать дотации от ЦК КПСС и уже в 1970 г. стала, наоборот, отправлять излишки в общепартийный бюджет [4, с. 5].

Таблица 1

Доходные статьи бюджета Куйбышевской областной парторганизации в 1965-1984 гг. (в тыс. рублей)

Год	1965	1966	1970	1975 г.	1979	1984
Членские взносы	2625	2 940	5730	8 000	9970	12500
От издания газет, журналов и книг	1082,5	384,5	1164	2438,8	2853	4065,7
Прочие поступления	14	14	14	20	25	25
Итого	3721	3 338,5	6908,2	10458,8	12848	16590,7
Перечислено в бюджет КПСС	-478,1	-1 441	1137	2333,9	4538,8	4928

Источник: СОГАСПИ, Ф. 656. Оп. 141. Д. 88. с. 4; Ф. 656. Оп. 141. Д. 186. с. 6; Ф. 656. Оп. 149. Д. 115. с. 4; Ф. 656. Оп. 164. Д. 125. с. 5; Ф. 656. Оп. 171. Д. 272. с. 5; Ф. 656. Оп. 186. Д. 219. с. 5.

Резкий рост собираемых взносов отмечается уже в первые пять лет изучаемого периода: общая сумма взносов выросла в 2,2 раза, при сохранении на том же уровне размера доходов от партийной печати [2, с. 4; 4, с. 5].

Подобные процессы характерны и для других регионов СССР, в том числе Свердловской области [1, с. 167]. Подобное явление нельзя объяснить лишь увеличением числа членов партии: с 1966 по 1984 г. численность членов и кандидатов в члены КПСС выросла лишь на 63% [16, с. 132-134; 7, с. 60]. На наш взгляд, это вызвано общим ростом доходов населения Куйбышевской области: за рассматриваемый период средний размер годового партвзноса вырос с 18,6 до 50,5 рублей [16, с. 132-134; 5, с. 246; 3, с. 5]. В КПСС действовала прогрессивная система сбора партвзносов: чем выше зарплата, тем больший процент от нее вынужден платить член партии [9].

Рост партийных расходов в указанный период составлял 277%. Их львиную долю составляли расходы на парторганы, включавшие в себя зарплаты ответственным работникам (2/3 от всех расходов на парторганы), зарплаты техническим работникам и др. Темп роста зарплат партийных ответственных работников отставал от среднесоветских: если в 1965 г. средняя месячная зарплата ответственных работников составляла 138,8% от средней по СССР, то в 1984 — 105% (См. Таблица 3).

Таблица 2

Расходные статьи бюджета Куйбышевской областной парторганизации в 1965-1984 гг. (в тыс. рублей)

Год	1965	1970	1975	1979	1984
Парторганы	2629,4	3318,4	4399,3	5237	6310
Хозяйственные расходы	415,6	708	976,0	1188,4	1438,9
Расходы на партпропаганду	309,2	403,5	528,5	632	774,9
Строительство и ремонт зданий	803,0	1161	2090	1060	2922,0
Прочее	42,4	179,6	315,2	191,6	216,2
Итого	4199,6	5770,5	8124,9	8309	11662,1

Источник: СОГАСПИ, Ф. 656. Оп. 141. Д. 88. с. 5; Ф. 656. Оп. 141. Д. 186. с. 7; Ф. 656. Оп. 149. Д. 115. с. 5; Ф. 656. Оп. 164. Д. 125. с. 6; Ф. 656. Оп. 171. Д. 272. с. 6; Ф. 656. Оп. 186. Д. 221. с. 6.

Многие исследователи советской номенклатуры, например социолог М.С. Восленский, отмечали, что для советской экономики эпохи застоя характерен дефицит потребительских товаров при росте общей денежной массы в руках населения [10, с. 226]. В условиях дефицита товаров размер номинальных доходов для номенклатуры имел очень малое значение. Ответственные работники получали материальные блага посредством множества различных государственных и партийных механизмов [11, с. 231]. В бюджете партийной организации отражены некоторые из этих механизмов. Например, за счет взносов рядовых членов партии строилось бесплатное жилье для партийных работников: каждый год на территории Куйбышевской области возводилось несколько многоквартирных домов, предназначенных исключительно для партноменклатуры [7, с. 15]. Расходы на капитальное строительство стабильно занимали второе место в общем пе-

речне расходов партийной организации. Кроме того, за счет партийного бюджета партноменклатура обеспечивалась служебным автотранспортом (использовавшимся и в личных целях) и путёвками в санатории.

Таблица 3

Номинальные доходы ответственных работников в парткомах Куйбышевской области, в сравнении со средними зарплатами по СССР

Год	1965	1970	1975	1979	1984
Общие расходы на зарплаты ответственных работников в год, тыс. руб.	1869	2346,0	3038	3558,5	4144,1
Расходы на лечебные мероприятия в год, тыс. руб.	200,6	254	322	428,2	441,6
Численность ответственных работников Куйбышевской области, чел.	1161	1305	1484	1542	1780
Средняя месячная зарплата ответственных работников, руб.	134	149,8	170,6	192,3	194
В процентах от среднесоветской	138,8	122,8	117	118	105
Средняя месячная зарплата в СССР, руб.	96,5	122	145,8	163,3	184,8

Источники: Труд в СССР. Москва. 1986. СОГАСПИ, Ф. 656. Оп. 141. Д. 88. с. 5, 9; Ф. 656. Оп. 149. Д. 115. с. 5, 8; Ф. 656. Оп. 164. Д. 125. с. 6, 16; Ф. 656. Оп. 171. Д. 272. с. 6, 17; Ф. 656. Оп. 186. Д. 221. с. 6, 17.

Рассматривая партийный бюджет за 1965-1984 гг. можно прийти к следующим выводам. В изучаемый период бюджет областной партийной организации стал профицитным, что стало возможно благодаря росту собираемых партийных взносов. Объем партвзносов вырос в первую очередь благодаря росту уровня доходов населения. Значительную долю расходов партийной организации составляли траты на содержание партаппарата, обеспечение его жизнедеятельности и функционирования. В СССР эпохи застоя размер номинальных доходов имел меньшее значение, чем товарная масса, которую можно было приобрести тем или иным способом. В условиях существования особых государственных и партийных механизмов распределения материальных благ партийная номенклатура в меньшей степени нуждалась в высоких номинальных денежных доходах.

Библиографический список

1. Мамяченков В.Н. Денежные доходы и расходы крупной региональной организации КПСС в 1955-1985 годах (на материалах Свердловского обкома партии) // Научный диалог. 2017. № 3. С. 160-175.

2. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 656. Оп. 141. Д. 88. (бюджет 1965)
3. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 186. Д. 219. (бюджет 1984)
4. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 149. Д. 115. (бюджет 1970)
5. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 141. Д. 186. (бюджет 1966)
6. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 171. Д. 272. (бюджет 1979)
7. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 186. Д. 221. (ревизия 1984)
8. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 164. Д. 125. (Бюджет 1975 г.)
9. Устав Коммунистической партии Советского Союза. Ташкент. 1972. Режим доступа: http://www.leftinmsu.narod.ru/polit_files/books/Ustav_KPSS.html, свободный. Загл. с экрана (Дата обращения: 11.10.2018 г.).
10. Восленский М.С. Номенклатура. Москва. 2015.
11. Афанасьев М.Н. Клиентелизм и российская государственность. М., 2000.
12. Труд в СССР. Москва. 1988.
13. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 149. Д. 118. (Ревизия 1970)
14. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 164. Д. 186. (Ревизия 1975)
15. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 171. Д. 274. (Ревизия 1980)
16. Куйбышевская областная партийная организация в документах и цифрах (1902-1977). Куйбышев, 1978.

Н.В. Разумов

Самарский национальный исследовательский университет

ТОВАРНЫЙ ДЕФИЦИТ В Г. КУЙБЫШЕВЕ В 1985-1991 ГГ.

При изучении проблематики перестроечных процессов в СССР в 1985-1991 необходимо уделить особое внимание социально-экономическим отношениям в обществе. Одной из проблем данной тематики является товарный дефицит. Это явление в разной степени охватило все города Советского Союза, исключением не стал и Куйбышев. Для изучения данной тематики были использованы архивные документы Центрального государственного архива Самарской области. Изучены материалы фондов Торгового управления Облсполкома Куйбышевской области, Торгового управления Горисполкома Куйбышева, фонды комитетов снабжения, материалы периодической печати и использованы устные источники.

Проанализировав весь комплекс источников можно проследить динамику изменения уровня снабжения населения товарами народного потребления в 1985-1991 гг. Дефицит товаров народного потребления приобретал все новые масштабы с каждым годом перестройки практически на все группы товаров, приведший в конце рассматриваемого периода к колоссальной нехватке самых обычных товаров, таких как мясо, кондитерские изделия, одежда, обувь, хозяйственно-бытовые товары. В конце рассматриваемого периода промышленность уже не справлялась с нагрузкой даже по планам наполнения товарооборота. Предприятия не могли обеспечить товарообо-

рот и фонды запасов, что в конечном итоге приводило к их полному истощению и отсутствию большинства товарных групп в магазинах города. При этом некоторые группы товаров отсутствовали из-за того, что они напрямую шли из других областей, республик или иностранных государств [3, л. 14-15].

Попытки решить проблему дефицита торговым управлением Облисполкома не привели к результатам. Все что они могли сделать, это послать предложения или просьбы к действию по улучшению снабжения и более полному удовлетворению спроса населения, ликвидации разрыва между спросом и предложением, изысканию дополнительных товарных ресурсов и вовлечению их в товарооборот с помощью сверхпланового производства, децентрализованного закупа из других областей, комиссионной торговли и импортного закупа. Но все эти просьбы уходили в вышестоящие инстанции и оставались безответными, поскольку возможностей для их реализации не было [7, л. 28]. Постепенно внедрялась система нормированного распределения товаров, особенно после законодательного решения местных Советов о введении талонно-карточной системы, которые основывались на Законе «О дополнительных полномочиях местных Советов народных депутатов в условиях перехода к рыночным отношениям». В этом акте пункт 5 статьи 8 гласил, что «краевые, областные, городские (кроме городов районного подчинения), районные Советы народных депутатов при необходимости вводят нормированное распределение продуктов питания и товаров для населения с учетом конкретной обстановки и ситуации на рынке» [5, с. 3; 6, с. 322]. Избежать введения талонной системы в сложившихся условиях не представлялось возможным. Целью введения талонов было обеспечение населения минимально гарантированным набором товаров. Спрос должен был снизиться, так как без талона соответствующие товары в государственной сети торговли не продавали. Талон являлся одноразовым документом, предназначенным для распределения в установленный срок определенного вида товара и подтверждения покупательной способности денег. Суть талонной системы заключалась в том, что для покупки дефицитного товара необходимо было не только заплатить деньги, но и передать особый талон, разрешающий покупку данного товара.

Отмечу, что перебои по некоторым группам могли длиться от 5 до 20 дней в 1985 г. и от месяца и более на момент окончания перестройки [4, л. 8]. При постоянном росте доходов населения на протяжении всей перестройки количество товаров не поспевало за спросом. Более того, одной из причин острого дефицита можно назвать привычку населения покупать много товаров «впрок», то есть много за раз, что, конечно же, невозможно учесть и рассчитать в плане, это особенно относится к рынку продовольственных товаров [7, л. 7]. Так же стоит отметить, что население не всегда могло отоварить талоны по некоторым группам товаров. Таких групп товаров в общей сложности было 14. Более того, не всегда хватало самих талонов. К примеру, в 1991 г. в Кировском и Промышленном районах г.

Куйбышев, где проживала едва ли не половина всего населения, карточки были розданы не всем. Отovarить талоны население Куйбышева не могло по 6 месяцев. Из города ездили за продуктами и товарами в соседние области – Ульяновскую и Пензенскую. Только из Ульяновской области в 1990 г. было вывезено товаров в соседние регионы на сумму 1 млн. 624 тыс. рублей [1, с. 1; 2 с. 4].

Дефицит не возник именно в период перестройки, однако в это время с каждым годом шло ухудшение удовлетворения спроса населения. Предприятия, выпускавшие продукцию, не были в состоянии обеспечить товарооборот, так как чаще всего сами нуждались в сырье или уже работали на экспорт. Так же, одной из проблем была сильная ориентированность советской экономики на тяжелую промышленность, прежде всего на ВПК, что так же сказывалось на потенциале легкой промышленности в обеспечении населения товарами народного потребления. Стоит отметить, что многие виды товаров были в наличии через кооперативную торговую сеть, колхозные рынки. Многие категории товаров производились населением самостоятельно, в том числе сельскохозяйственная продукция, одежда.

Библиографический список

1. Волжская коммуна. Куйбышев. 1991. № 11. 15 января.
2. Сахар есть. Покупку его не откладывайте // Самарская газета. Самара. 1991. № 119. 9 октября.
3. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф.Р-3954. Оп. 7. Д. 1283.
4. ЦГАСО. Ф.Р-3954. Оп. 7. Д. 1054.
5. Решение горисполкома Совета народных депутатов от 16 февраля 1990 г. «О стабилизации внутреннего товарного рынка» // Волжская коммуна. 1991. № 33. 15 февраля.
6. Закон РСФСР от 21 ноября 1990 г. № 343–1 «О дополнительных полномочиях местных Советов народных депутатов в условиях перехода к рыночным отношениям» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 26.
7. ЦГАСО. Ф.Р-3954. Оп. 7. Д. 1346.
8. ЦГАСО. Ф.Р-3954. Оп. 7. Д. 1280.

С.Н. Абрашкин

Самарский национальный исследовательский университет

СМИ ГОРОДА САМАРЫ В ПЕРИОД АВГУСТОВСКОГО ПУТЧА (19-21 АВГУСТА 1991 Г.)

Три августовских дня существования и деятельности Государственного комитета по чрезвычайному положению во многом определили будущее СССР. Выступление ГКЧП послужило катализатором для республикан-

ских элит в дальнейшем разрушении Советского союза. Значительную роль в событиях августовского путча сыграли средства массовой информации. Демократическая пресса, несмотря на запрет, продолжала выходить, и внесла свою роль в крах ГКЧП.

Целью данного исследования является изучение роли средств массовой информации города Самары в время августовского путча.

Направляющийся к 11 часам на совещание в областной Совет председатель самарского облисполкома В.А. Тархов сообщение о ГКЧП услышал в машине. Прибыв на место, он узнал, что на телецентре уже дежурят пятеро автоматчиков [9, с. 217]. Данная группа была назначена поддержавшим ГКЧП командующим Приволжским военным округом генерал-полковником Альбертом Макашовым, для охраны контроля и деятельности областного телецентра [2, с. 3].

В 13-45 в областной телерадиокомитет поступило обращение к гражданам России Б.Н. Ельцина и указы Президента РСФСР № 59 и № 61 [8, с. 2]. После получения документов руководитель комитета по телевидению и радиовещанию Юрий Котов поехал в облсовет для консультаций. Было решено вначале проверить подлинность данных документов. В адрес Р.И. Хасбулатова была направлена шифротелеграмма, но ответа на нее не последовало. В итоге ни обращение, ни указы по каналам областного телерадиовещания переданы не были [13, с. 149].

Телевидение только в 20-38 вышло с сообщением облисполкома, где отмечалось, что в области сохраняется порядок и спокойствие. Однако информации о ситуации в стране и позиции руководства региона высказано не было. Передачи областного радио 19 августа в эфир не выходили [2, с. 3].

Самара испытывала информационный голод. Из газет 19 августа вышла только вечерняя газета коммунистов города Самары и городского совета народных депутатов «Волжская заря»: на первой полосе были напечатаны документы ГКЧП [3, с. 1].

Независимая телекомпания «Скат» 19 августа записала с спутника «Интертелсат» выпуск новостей с обращением Б.Н. Ельцина. Руководитель «Ската» Н.П. Фоменко решил довести полученную информацию до телезрителей. К вечеру телекомпания смогла выдать в эфир выступление Б.Н. Ельцина из Москвы и А.А. Собчака из Ленинграда [15, с. 306].

20 августа в 7-00 в выпуске областной радиопередачи «Контакт» с ссылкой на центральные средства массовой информации было передано в эфир сообщение о создании ГКЧП, его составе, изложено распоряжение №1 в сокращении. В 18-10 в радиопередаче «Последние известия» кратко сообщался текст «Обращения к гражданам России». Выступивший по телевидению В.А. Тархов говорил о трудностях с сахаром и зерном, но никакой оценки ГКЧП дано не было [2, с. 3].

20 августа «Волжская заря» продолжила публиковать постановления ГКЧП [4, с. 2]. Все основные документы ГКЧП были напечатаны в этот

день и в «Волжской коммуне» — газете самарской областной организации компартии РСФСР [6, с. 1].

Только к вечеру вышла газета областного совета народных депутатов «Самарские известия», где были напечатаны «Обращение к гражданам России» и указы президента РСФСР. При этом в том же номере был напечатан ряд документов ГКЧП [11, с. 1-3].

21 августа «Волжская коммуна» и «Волжская заря» публикуют заявление президиума исполкома областного совета народных депутатов об общественно-политической ситуации. Совет народных депутатов высказался в поддержку законной власти, подчеркнув приоритет законов РСФСР [5; 7, с. 1].

21 августа «Самарские известия» публикуют только указы президента РСФСР [12, с. 1]. «Самарская газета», издание городского совета народных депутатов, в этот день публикует указ президента РСФСР №61 и №63, а также «Обращение к гражданам России» [10, с. 1-2].

Подводя итог, можно сказать, что Самарские СМИ отразили нерешительность и «нейтральную позицию» областных властей.

Руководством РСФСР были сделаны определенные выводы из сложившейся ситуации. 21 августа президент РСФСР Б.Н. Ельцин подписывает указ №70, по которому А.В. Тархов был отправлен в отставку [9, с. 222].

Более дальновидным политиком оказался председатель Самарского горсовета К.А. Титов. После событий 19-21 августа он посетил Комитет по местному самоуправлению Верховного Совета РСФСР, где рассказал, какие решения принимались им лично и президиумом горсовета. Объяснение признали удовлетворительным [14, с. 3].

Указом президента РСФСР № 98 от 31 августа 1991 г. К.А. Титов был назначен Главой Администрации Самарской области [1, л. 147].

Библиографический список

1. Архив Ельцин Центра. Ф. 8. Оп. 1. Д.1.
2. Без точки// Самарские известия. 1991. 6 сентября.
3. Волжская заря. 1991. 19 августа.
4. Волжская заря.1991. 20 августа.
5. Волжская заря.1991. 21 августа.
6. Волжская коммуна.1991. 20 августа.
7. Волжская коммуна.1991. 21 августа.
8. Манаенков И. Самара в дни переворота // Самарская газета. 1991. 29 августа.
9. Матвеев М.Н. Титов и Тархов в августе 1991 г. Три мифа о руководителях самарских Советов. // Самарский край в жизни и творчестве выдающихся личностей. Сборник статей и материалов III международной научно-практической конференции. Самара, 2003. с. 215- 228.
10. Самарская газета. 1991. 21 августа.
11. Самарские известия. 1991. 20 августа.
12. Самарские известия. 1991. 21 августа.

13. Стенограмма сессии Самарского областного Совета 23 августа 1991 года // Матвеев М.Н. Советская власть Самары в 1991-1993гг. Самара: Изд-во «Самарский Университет», 2006. — 436 с.

14. Титов К.А. Спасибо всем, кто меня поддержал // Самарская газета. 1991. 9 сентября.

15. Фоменко Н.П. Былое. От тихой Сосны до берега Волги. — Самара: Книга, 2012. — 402 с.

И.И. Елгина, М.А. Лебедева

Самарский филиал Московского городского педагогического университета

МУНИЦИПАЛИТЕТЫ И СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА НАСЕЛЕНИЯ В 1990 – Е ГГ. В САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

Радикальные преобразования, развернувшиеся в России в 90-е годы, сопровождались глубокими переменами во всех сферах общественной жизни и, прежде всего, в социальной. Особенностью рассматриваемого периода истории является возникновение ряда проблем, на решение которых прежняя социальная политика не была рассчитана. Это обесценивание доходов населения в результате огромного роста инфляции, появление безработицы, вызванной резким спадом промышленного производства и т.д. Существование других причин, например, как нищета, бедность, имущественное расслоение населения, игнорировалось и замалчивалось или, напротив, объявлялось исключением. В значительной степени подобный подход объяснялся идеологическими соображениями. Но в результате отсутствия реального представления о существующих социальных изъянах, общество было лишено возможности противостоять им, выработать средства и методы борьбы.

В условиях переживаемого страной социально-экономического кризиса первостепенное значение приобретает формирование целостной концепции социальной защиты населения, реализация которой была призвана ослаблять неблагоприятные последствия реформ, способствовать социальной адаптации людей, обеспечивать социальную и политическую стабильность общества. Изучение этого важнейшего направления социальной политики, анализ форм и методов её осуществления на различных уровнях, а также обобщение накопленного опыта, прежде всего, регионального, в решении острых социальных проблем, представляется сегодня одним из наиболее актуальных вопросов исторического познания.

Анализ собранных источников и периодической печати указывает на существующую сложность во взаимосвязи органов местного самоуправления (власти) и населения (народа). Обращение граждан во власть проис-

ходило в силу двух сложившихся обстоятельств: первое — имеет историческую обусловленность, так как в 1990-х гг. резко ухудшается уровень жизни подавляющего числа населения, второе — состоит в том, что социальная политика власти не имела стратегической направленности и была сосредоточена на решении краткосрочных проблем. Периодическая печать несет огромное количество информации по данной проблеме, анализируя и работая с материалами многих газет и журналов, можно увидеть реальную картину событий жизни населения города и процесс реализации многих законов и постановлений [1, с. 40–41].

Основными проблемами, на основе данных по Железнодорожному [2, с. 1–2; 3, с. 28–35] и Кировскому районам [4, с. 9–15], в 1990-е годы были: ремонт ветхого жилья, постоянный рост цен на продукты первой необходимости [5, с. 1–6; 6, с. 21–29], повышение качества оказания медицинских услуг, выделение различных квот для социально-незащищенных слоев населения [7, с. 3–8] (многодетны семьи, инвалиды, пенсионеры, семьи, потерявшие кормильца, и т.д), улучшение качества связи, тепло- и энергообеспечения, ремонт дорог и многие другие. При анализе комплекса проблем выявляется то, насколько эффективно работали власти с населением по вопросам предложений, заявлений, жалоб со стороны последних [8, с. 9–11]. Люди призывали властей решать их проблемы с помощью личных обращений, звонков, писем в СМИ [9]. Но результат в решении тех или иных вопросов не всегда был положительным. Анализ и обсуждение поступающих предложений, заявлений и жалоб реально способствовал выявлению случаев нарушения прав граждан и принятию оптимальных управленческих решений, потому как в конце 1990-х гг. наблюдается наиболее яркий всплеск несвоевременности при выполнении органами местного самоуправления должностных обязанностей, что влечет за собой обращение граждан в вышестоящие органы власти [10]. Это является причиной привлечения большего внимания со стороны местной власти к проблемам населения.

Затруднения во взаимодействии муниципалитетов и населения в решении вопросов, касающихся социальной сферы, актуальны и сейчас. Проблемы, которые волновали население Самарской области в 1990-е гг., не имеют своевременного решения до настоящего момента, например, ремонт ветхого жилья в Кировском районе. Это позволяет сделать вывод о том, что аспект эффективности деятельности местного самоуправления в отношении политики социальной защиты населения продолжает оставаться перспективным направлением в изучении.

Библиографический список

1. Центральный Государственный Архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 3535. ОП. 1. Д. 28.
2. ЦГАСО. Ф. 4189. ОП. 3. Д. 963.

3. ЦГАСО. Ф. 3340. ОП. 1. Д. 185.
4. ЦГАСО. Ф. 3340. ОП. 1. Д. 190.
5. ЦГАСО. Ф. 3340. ОП. 1. Д. 347.
6. ЦГАСО. Ф. 3340. ОП. 1. Д. 487.
7. ЦГАСО. Ф. 3340. ОП. 1. Д. 690.
8. ЦГАСО. Ф. 3340. ОП. 1. Д. 920.
9. Волжская заря. 1994. 13 августа (№ 153).
10. Губернский вестник. 1994. 11 февраля (№ 38).

А.А. Басова, А.А. Рыбакова

Самарский филиал Московского городского педагогического университета

РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ В САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ В 90–Е ГГ. XX В.

В образовательной системе одно из фундаментальных мест занимает начальное образование. Конечно, чтобы повысить уровень образования, дети должны учиться в школах, соответствующие требованиям к властям. Иногда бывает трудно перестроиться к новым условиям, но те дети, которые придут уже в обновленную школу, с первого класса будут становиться теми, кого бы хотели видеть в науке. Для этого обратимся к письмам самарских жителей для изменения начального образования, основа которого видится в развитии педагогического общения.

Под педагогическим общением имеется в виду меры воздействия на воспитуемого в учебно – воспитательном процессе, с учетом педагогического такта, использование элементов рассудительности в обращении, сочетание делового и эмоционального такта, тактичные, корректные обращения с учетом возрастных, типологических и индивидуальных особенностей воспитуемого [1, с 25]. Основная задача – развитие детей и учащихся через учебные занятия, внеклассную работу, где основным направлением является педагогическое обучение.

Со временем открывались школы нового уровня, считавшимися престижными и элитными. В этих элитных школах «конкурс был покруче, чем в вуз». К таким школам относится учебно-воспитательный комплекс, открытый в 1993 г. в Кировском районе «Дневной пансион». Деятельность учебно-воспитательного комплекса «Дневной пансион» получила хорошие отзывы в городском отделе образования» [2].

Начатая в школах активная пропаганда за улучшение обучение в городе, постепенно начала распространяться и на высшие учебные заведения. С начала 90-х г. все больше выпускников школ, в том числе и самарских, получали возможность обучаться в высших учебных заведениях. В высшем учебном заведении СГПИ число абитуриентов, начиная с 1993 года постоянно возрастало «нынешним абитуриентам дефектологии повезло: по

сравнению с прошлым годом, в этом году будет зачислено на 25 человек больше, т.е. 50 человек» [3, № 108].

С повышением качества образования и стремлением студентов овладеть новыми специальностями, самарские университеты решили испытать новые профессии. «У нас открыта новая специальность» — говорил декан факультета «летательные аппараты» В.Н. Гаврилов. «Механика и, соответственно, добавилась еще одна выпускающая кафедра — «теоретическая механика» [4, № 155].

Развивается и Самарский медицинский университет. «По мимо врачей фармацевтов мы готовим теперь и специалистов несколько иного плана» — сообщает об этом проректор вуза профессор Геннадий Петрович Котельников. «Это академическая медицинская сестра, медицинский психолог и медицинский менеджер» [5, № 79].

Развитие единого образовательного пространства в городе Самара на протяжении последнего десятилетия XX в. привели к определенным результатам и качественным изменениям в системе образования. Реальностью стал переход на образование по выбору.

Система высшего образования представлена как государственными, так и негосударственными вузами. Введены новые стандарты и классификаторы направлений и специальностей подготовки, индивидуально ориентированные программы обучения.

Библиографический список

1. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 5135. Оп. 1. Д. 558.
2. «Безымянку возродят дети» // Самарская газета. 1997. 22 июля.
3. «Абитуриент СГПИ 1993 года» // Волжская заря. 1993. 17 июля. № 108.
4. «Хочешь жить — умей учиться» // Волжская заря. 1993. 7 октября. № 155.
5. «Самарский медицинский и его филиалы» // Волжская заря. 1993. 26 мая. № 79.

М.А. Дмитриева

Самарский государственный социально-педагогический университет

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЕЛАХ В КНИГЕ ПАМЯТИ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ ЖЕНЩИН-ВОЕННОСЛУЖАЩИХ)

Одним из важнейших памятников, свидетельствующих о Великой Отечественной войне, является Книга Памяти Самарской области, насчитывающая 34 тома; 22 из них включают поименные списки погибших, в том числе женщин-военнослужащих [1, с. 29].

Тенденцией рубежа XX–XXI вв. стало создание электронных версий печатных региональных Книг Памяти: разработка на основе созданных электронных баз новых проблемно-ориентированных баз данных; применение структурно-количественных методов к их изучению и получение нового знания по важнейшей научной и одновременно социально значимой теме – безвозвратные потери каждого населенного пункта, района, города, области и т.д. в военный период [8, с. 561]. В этой связи в 2016–2017 г. началась работа по созданию электронной базы данных, посвященной погибшим женщинам-военнослужащим – уроженкам Куйбышевской (Самарской) области. Основными источниками работы являются опубликованная база данных О.Ю. Бушуевой [2], Книга Памяти Самарской области (КП), материалы которой были изучены повторно с целью уточнения, расширения и корректуры, содержащихся в ней данных, а также материалы Центрального архива Министерства обороны РФ, размещенные на известных сайтах [9–11]. Внимательно изучив каждый из источников, сопоставив их информацию, мы обнаружили немало пробелов в местной Книге Памяти.

Так, первоначально в базу данных мы включили 375 женщин, относившихся к городу Куйбышеву. При более внимательном изучении выяснилось, что уроженками города являются 74 фронтовички, 84 женщины были призваны с территории Куйбышевской области. Остальные 217 женщин-военнослужащих оказались в КП в связи с тем, что здесь проживали их родственники. Именно по этому принципу и шло формирование региональных Книг Памяти [4, с. 7].

В базе данных о павших на фронтах Великой Отечественной войны женщинах 21 графа. Внесение сведений в 6 из них было сопряжено с наибольшими трудностями. Во-первых, это графа «Фамилия», рядом с которой пришлось ввести еще одну. В ней приводятся другие написания той или иной фамилии в разных источниках, что способствует более успешному поиску сведений об одном и том же человеке. Например, Людмила Петровна Аладко упоминается в КП и как Алатко [3, с. 51].

Во-вторых, графа «Отчество» (с приведением разночтений, которые встретились в документах). Особенно часто искажаются не русские отчества.

В-третьих, «Дата рождения». Рядом с данной графой пришлось также ввести еще одну, так как не всегда дата рождения, указанная в КП, совпадает с документами ЦАМО. Например, Быкова Татьяна Федоровна в КП родилась в 1922 г. [3, с. 243], а в документах ЦАМО – в 1921 г. [10]. У некоторых погибших в КП отсутствует дата рождения, например, у Юдиной Нины Николаевны [6, 246], но ее удалось установить (1916 г.), опираясь на информацию ЦАМО [11].

В четвертых, «Воинское звание». Оно нуждается в уточнении у многих женщин-военнослужащих. Так, Л.Б. Данилина в КП значится как военфельдшер [7, с. 201], а в донесении о безвозвратных потерях 36 отдельного

прожекторного батальона – как связист [10]. Последняя информация нам кажется более достоверной.

В-пятых, «Дата смерти». Например, дата смерти Табаковой Клавдии Николаевны в КП (апрель 1944 г.) [5, с. 260] не совпадает с датой, указанной в донесении о безвозвратных потерях (между 01.05 и 20.05.1944 г.) [11].

В-шестых, «Причина выбытия». Один из наиболее интересных случаев связан с Адамчик Ольгой Петровной. В КП написано, что она пропала без вести (дата не указана) [3, с. 43]. Благодаря документам, размещенным на сайте «Память народа», удалось выяснить, что она родилась в 1908 г., в начале войны была старшим лаборантом 35-го санитарно-эпидемического отряда. Находясь в рядах РККА, попала в плен в сентябре 1941 г., затем была репатриирована и отправлена на лечение в г. Куйбышев [11].

Книга Памяти Самарской области, несмотря на все пробы и ошибки, является одним из наиболее информативных источников, в частности, о павших на фронтах в 1941–1945 гг. женщинах-военнослужащих. Но этот факт не снимает необходимость решения давно наболевшего вопроса – персонального учета безвозвратных потерь, проверки и перепроверки информации о каждом погибшем человеке.

Библиографический список

1. Бушуева О.Ю. Безвозвратные людские потери Куйбышевской области в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Самара: РЕАВИЗ, 2012.
2. Бушуева О.Ю. Безвозвратные людские потери Куйбышевской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Самара: Реавиз, 2012. 188 с.
3. Книга Памяти: Рос. Федерация, Самарская область: Т. 1 / сост. В.В. Абаев, В.Г. Анисимов, Н.Е. Попков, В.Н. Мясников. Самара, 1993. 336 с.
4. Книга Памяти: Рос. Федерация, Самарская область: Т. 3 / сост. В.В. Абаев, В.Г. Анисимов, Н.Е. Попков, В.Н. Мясников. Самара, 1993. 352 с.
5. Книга Памяти: Рос. Федерация, Самарская область: Т. 5 / сост. В.В. Абаев, В.Г. Анисимов, Н.Е. Попков, В.Н. Мясников. Самара, 1994. 349 с.
6. Книга Памяти: Рос. Федерация, Самарская область: Т. 6 / сост. В.В. Абаев, В.Г. Анисимов, Н.Е. Попков, В.Н. Мясников. Самара, 1994. 366 с.
7. Книга Памяти: Рос. Федерация, Самарская область: Т. 16 / сост. В.В. Абаев, В.Г. Анисимов, Н.Е. Попков, В.Н. Мясников. Самара, 1994. 312 с.
8. Храмова Е.Л. Методологические подходы к изучению Книг памяти в отечественной историографии // К 75-летию начала Великой Отечественной войны: На грани катастрофы: матер. междунар. науч. конф. М., 2017. С. 559–669.
9. www.podvignaroda.ru – обобщенный банк документов о награжденных и награждениях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.
10. www.obd-memorial.ru – обобщенный банк данных о защитниках Отечества, погибших и пропавших без вести в период Великой Отечественной войны и послевоенный период.
11. www.pamyat-naroda.ru – портал, созданный Министерством обороны РФ с целью предоставления наиболее полной информации об участниках Великой Отечественной войны.

СЕКЦИЯ VI. ИСТОРИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Д.Д. Рыбаков

Самарский национальный исследовательский университет

УСТАНОВЛЕНИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ БЕЛЬГИЕЙ И РОССИЕЙ (1850-1853)

На сегодняшний день, из всех стран Европейского Союза, наиболее ровные отношения у России складываются с Бельгией.

Бельгийское королевство образовалось в результате Брабантской революции 1830-1831 гг. В 1839 г. по итогам Лондонской конференции великими державами окончательно были определены границы нового королевства и нейтральный статус Бельгии.

Нашим современникам может показаться странным, но Россия и Бельгия тогда были связаны даже теснее, чем сейчас. Это объясняется и близкой политической судьбой (Наполеоновские войны), и личными связями некоторых представителей бельгийской политической элиты с Россией. А особенно биографией первого короля Бельгии, сыгравшего исключительную роль в эпоху становления государственных отношений между двумя государствами. Возможно, особые отношения короля с Россией наложили отпечаток на двусторонние отношения и в процессе становления бельгийского государства, и в дальнейшем до революции 1917 г.

Сопоставление этих обстоятельств ещё более интересным делает тот факт, что официальные дипломатические отношения между двумя государствами были установлены лишь через 22 года после объявления независимости Бельгии.

Целью нашего исследования мы считаем выявление особенностей двусторонних отношений России и Бельгии на этапе их становления в середине XIX в.

Тема этой работы актуальна тем, что события, связанные с установлением дипломатических отношений, объясняют исторически особую внешнеполитическую линию Бельгии по отношению к России, как в дореволюционный, так и в современный период российской истории. Она отлична от общеевропейской, несмотря на то, что в столице Бельгии располагаются основные институты ЕС, в том числе дипломатическое ведомство европейского сообщества. Кроме того, в 2018 г. обе страны отмечают 165-летие основания двусторонних отношений.

К изучению проблемы установления двусторонних отношений нами была привлечена переписка дипломатической миссии Бельгии в России и

МИДа страны из архива министерства иностранных дел Королевства Бельгия за период 1850-1853 гг.

Изучение источников в качестве первой особенности становления двусторонних отношений заставляет обозначить влияние, казалось бы, «постороннего» для Бельгии Польского восстания 1830-1831 гг. После подавления восстания несколько польских офицеров перешли на службу к бельгийскому королю [1], который создавал собственную армию и ощущал нехватку офицеров. Николай I впоследствии посчитает возможным не устанавливать из-за этого официальные дипломатические связи с государством, чей статус Россия, собственно, признала в 1831 г. В письме Николая I, адресованном британскому министру иностранных дел лорду Абердину [2], император объясняет свою позицию «неджентльменским поведением» бельгийского монарха, принявшего на службу врагов своего друга.

И здесь мы подходим к ещё одной важной черте двусторонних отношений- это особые отношения, связывавшие Короля Бельгийцев и Императора Всероссийского. Леопольд Саксен-Кобург-Гота, генерал русской службы. Герой Отечественной войны, чей портрет по сей день располагается в Военной галерее Эрмитажа, кавалер ордена св. Андрея Первозванного и св. Георгия не по этикету, а по службе. Поступив в чине полковника в Измайловский полк в 12-летнем возрасте, Леопольд сопровождал императора Александра I во время битвы при Аустерлице, участвовал в Кульмской битве, вошёл с российской армией в Париж в 1814 г., в качестве российского генерала участвовал в битве при Ватерлоо. Леопольд был близко знаком со многими членами императорской семьи России, в том числе, с будущим императором Николаем. Однако это не помогло смягчить позицию самодержца. Роль сыграла революция 1848 г., которая прошла во всех сопредельных Бельгии странах, но не тронула её саму. Бельгия отразила интервенцию французских революционных войск – это расположило Николая I к смягчению позиции, относительно двусторонних отношений. Следствием революции во Франции становится избрание Луи-Наполеона Бонапарта на пост президента республики. В апреле 1852 г. в Брюсселе попадают известия о желании президента Франции потребовать компенсации за французскую экспедицию в Бельгию 1831-1832 гг. [3]. Это явилось переломным моментом в начавшемся в 1848 г. постепенном процессе изменения российским двором позиции по дипломатическому признанию Брюсселя. Официально оформленные двусторонние отношения становятся как никогда важными для Бельгии, а также обретают значимость для России даже не столько с точки зрения двусторонних контактов, сколько в рамках генеральной обстановки в международных отношениях в Европе [4].

Библиографический список

1. Annex de la lettre de M. d'Hoffschmidt au vicomte de Jonghe, consul g n ral de Belgique en Russie, 24 f vrier 1852, A[rchives du] M[inistire des] A[ffaires] E[trangires]

de] B[elgique], Archives Diplomatiques, Correspondance politique, L'igations, Russie, T. 1, 1850-1853, N° 6.

2. De Lannoy, Fl., Une page d'histoire diplomatique. La Russie et la révolution belge de 1830, p. 49, Bruxelles, 1905.

3. Instruction de M. d'Hoffschmidt pour le vicomte de Jonghe, 3 avril 1852. A.M.A.E.B., Archives diplomatiques, Correspondance politique, L'igations, Russie, T. 1, 1850-1853, N° 9.

4. Terlinden, Ch., Etablissement des relations diplomatiques entre la Belgique et la Russie (1852-1853), Paris, 1923.

Е.В. Мицшина

Самарский национальный исследовательский университет

РАЗВИТИЕ СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИХ И СОВЕТСКО-ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 50-Е – 70-Е ГОДЫ XX ВЕКА: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

В условиях Холодной войны необходимость диверсификации внешне-политического курса СССР требовала нормализации отношений со своими основными противниками периода Второй мировой войны, Германией и Японией – странами, наращивающие свой экономический и политический потенциал невероятно быстрыми темпами. В связи с этим отсутствие полноценных межгосударственных отношений со странами, постепенно превращавшимися в ведущие региональные державы в Европе и Азии, существенно ограничивали потенциал геополитического и экономического влияния СССР.

Нормализация отношений с Японией произошла в октябре 1956-го года и ознаменовалась подписанием «Совместной декларации Союза Советских Социалистических Республик и Японии» во время первого официального визита японского премьер-министра Хатоямы в Москву. Нормализация германо-советских отношений произошла на год раньше, в 1955 году в результате визита канцлера ФРГ Конрада Аденауэра в Москву. Перед визитом в Москву Аденауэр вместе с ведущими представителями МИДа и экспертами сформулировал задачи западногерманской делегации на переговорах. К трем предварительным условиям для установления дипломатических отношений с СССР относились: достижение договоренностей по объединению Германии, по возвращению немецких военнопленных, возврату гражданских лиц в Германию [1, с. 237].

Одним из ключевых аспектов нормализации связей между странами в послевоенный период был территориальный вопрос. С ФРГ он был урегулирован в 1970-м году подписанием Московского договора. Важнейшим моментом стало фактическое признание ГДР со стороны ФРГ [2]. С Японией

ситуация обстояла гораздо сложнее. Возвращаясь к тексту декларации 1956 года, обратим внимание на 9-ю статью, которая гласит: «СССР соглашается на передачу Японии островов Хабомаи и острова Шикотан с тем, однако, что фактическая передача этих островов Японии будет произведена после заключения мирного договора между СССР и Японией» [3, с. 44].

Нормализация отношений в политическом плане естественным образом повлекла за собой развитие экономического сотрудничества. Советские дипломаты отмечали, что «западногерманская промышленность проявляет интерес к получению из Советского Союза определенных видов сырья и полуфабрикатов, а также к техническому опыту в целях укрепления своих позиций в борьбе с американскими, английскими, французскими и японскими конкурентами» [4, с. 91]. Особое место отводилось газовому контракту с Западной Германией.

Кроме того, СССР нуждался в расширении трубопровода «Дружба» в рамках блока, а немецкие сталелитейные заводы Рурской области несли убытки из-за нереализованных возможностей и стремились найти источники спроса для своей стали [5, с. 189]. Развитию отношений ФРГ с СССР так же способствовал значительный удельный вес немецкого оборудования в стране и высокая конкурентоспособность западногерманской промышленности. 1 февраля 1970 г. между Внешнеторговым объединением «Союзнефтеэкспорт» и «Рургаз АГ» было заключено соглашение о поставке в ФРГ в течение 20-ти лет природного газа [4, с. 95].

Экономические отношения с Японией развивались в схожем русле. Японии рассматривала Советский Союз как серьезного и перспективного торгового партнера, особенно в свете ускоренного промышленного развития советского Дальнего Востока. Японию интересовала древесина, нефть, коксовый уголь, железная руда, а также возможность построить заводы и электростанции на советской территории, чтобы добывать необходимые ресурсы в СССР [5, с. 196]. Однако, при том что по техническим характеристикам японские лицензии и оборудование были в числе самых передовых в тот момент, «финансовое сопровождение» таких сделок существенно уступало западноевропейским конкурентам Японии, что объяснялось слабостью национальной финансовой системы.

Сравнительный анализ периода 1950-х – 1970-х годов позволяет прийти к заключению, что развитие партнерства с ФРГ оказалось успешным, в то время как сотрудничество с Японией сложно назвать удачным. Во-первых, для достижения согласия ФРГ шла на уступки, в то время как Япония не смогла достигнуть компромисса и стать партнером, способным составить сильную конкуренцию Западной Германии. Во-вторых, географический фактор, который значительно повлиял на экономическую часть сотрудничества. Несмотря на очевидный интерес Японии к ресурсам Сибири и Дальнего Востока, слабость коммуникаций и отдаленность регионов не позволили полноценно развить торговлю. В-третьих, по сравнению с Западной Германией того периода японская финансовая система была ограничена и

нестабильна. В-четвертых, советские специалисты гораздо лучше были знакомы с немецким оборудованием и с немецким языком, нежели с их азиатским конкурентом. Отсутствие прогресса в урегулировании взаимоотношений (нерешенный территориальный вопрос и незаключенный мирный договор) предопределило оттеснение Японии с передовых позиций в торговле с СССР во второй половине 1970-х гг. ее европейскими конкурентами.

Библиографический список

1. Новик Ф.И. Установление дипломатических отношений между СССР и ФРГ (сентябрь 1955 г.) // Труды Института российской истории. Выпуск 8 / Российская академия наук, Институт российской истории. М.: Наука, 2009.
2. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Федеративной Республикой Германией [Московский договор], 12 августа 1970 г. URL:» https://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_ru&dokument=0017_mos&object=translation&l=ru (Дата обращения: 30.10.2018)
3. Hara K. Japanese-Soviet/Russian Relation since 1945: A Difficult Peace. L.; N.Y., 1998.
4. Липкин М. А. Между ФРГ и Японией: СССР в поисках стратегического партнерства в середине 1950-х – первой половине 1970-х годов // Новый исторический вестник. 2015. №4 (46).
5. Sanchez-Sibony O. Red Globalization: The Political Economy of the Soviet Cold War from Stalin to Khrushchev. Cambridge (UK), 2014.

Л.А. Хакимова

Самарский национальный исследовательский университет

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СОВЕТСКО-КИТАЙСКОГО КОНФЛИКТА 1960-1970-Х ГГ.

С первого дня образования КНР 1 октября 1949 года СССР и Китай выступали солидарно по основным проблемам современности, заявляли о своей решимости совместно противостоять «провокациям империалистических сил» [1]. Пройдя период восстановления после гражданской войны, за счет своего могущественного союзника, Китай настроился на ревизию места лидера среди социалистических стран, что в дальнейшем привело к столкновению. В историографии чаще всего затрагивают идеологические и политические причины конфликта, которые являются, безусловно, важными, но не главными. Необходимо взглянуть на противостояние с геополитической точки зрения.

В начале 1960-х годов Китай выстраивает тактику доминирования в мире по нескольким направлениям. Во-первых, создание в Азии некоего военно-политического объединения, для превращения Китая во всеазиатского гегемона. С этой целью 29 января 1960 г. состоялось заключение договора

между КНР и Бирмой о дружбе и взаимном ненападении, а 1 октября – соглашение о границах. Аналогичные договора были оформлены с Непалом, Афганистаном, Лаосом и Камбоджой. В отношении вопроса о Кашмире китайские лидеры, хотя ранее они оставались в стороне по поводу решения о принадлежности этой территории, выступили в поддержку Пакистана, что было связано с развивавшимся китайско-индийским конфликтом. Далее КНР стала активнее сотрудничать и финансировать Индонезию [2]. Таким образом, Китай стал наращивать свое влияние в Азиатском регионе посредством заключения союзных договоров и предоставлением выгодных кредитов. Аналогичной тактики правительство Китая придерживалось с целью распространения своего влияния в Африке и Латинской Америке.

Реакцией СССР на новый курс Китая стало сворачивание военной и экономической помощи. В результате курса правительства КНР на лидерство в Азии торговый обмен сократился в 1962 году более чем на 60% по сравнению с 1959 годом [3, с. 323]. Большое внимание СССР уделил движению афро-азиатской солидарности и социально-экономическим проблемам развивающихся стран. В отличие от Китая, чья экономика периодически страдала от «большого скачка», экономика СССР была одной из сильнейших в мире и предлагала стабильную финансовую поддержку, научно-техническое сотрудничество. Накануне 70-х годов Советский Союз заключил долгосрочные торговые соглашения с 50 развивающимися государствами [4, с. 340].

Усилив свое влияние в развивающихся странах, Китай перешел ко второму этапу борьбы за влияния. Во-первых, КПК стала распространять идеи о том, что китайская политика в отличие от советской отражает «истинную дружбу». С этой целью КНР начинает распространение статей, в которых разоблачался «великодержавный шовинизм» СССР, ставивший собственные интересы выше интересов братских государств [5, с. 338]. Стремясь стать во главе мирового коммунистического движения, КПК вела пропаганду в Болгарии, Чехословакии Венгрии, Польше и ГДР, в которой СССР обвинялся в ревизионизме и сотрудничестве с Западом [6, с. 240-242]. Предпринимались попытки отгородить советскую делегацию от участия в 1961 году от конференции солидарности стран Африки и Азии. Во-вторых, КПК выдвигала лозунги и идеи свершить социалистическую революцию по подобию китайской, установить культ личности Мао Цзэдуна, а в дальнейшем взять курс на кровопролитную мировую революцию, которая победит западный империализм и восстановит справедливость в мире.

Советский Союз в ответ обвинял Китай за вмешательства во внутренние дела государств, в провоцировании международной напряженности. На пленуме ЦК в феврале 1964 г., курс КПК характеризовался с позиции «великодержавного шовинизма и мелкобуржуазного авантюризма» [7, с. 5]. Таким образом, даже во взаимной враждебной пропаганде доминировала геополитическая лексика, страны воспринимали друг друга прежде всего как геополитических противников.

Кульминацией борьбы за влияния стал пограничный конфликт на острове Даманский, где весной 1969 года произошли крупные кровопролитные столкновения вооруженных сил двух стран. Социалистические страны Болгария, Польша, ГДР выступили в поддержку Советского Союза и осуждали действия КПК [8], что свидетельствовало о поражении Китая в борьбе за доминирование в социалистическом лагере.

Анализируя предпринятые сторонами действия в Советско-китайском конфликте 1960-1970-х гг. можно сделать вывод о том, что истинной причиной раскола стала конкурентная борьба двух держав, стремившихся к максимальному расширению своего геополитического влияния. Идеологические разногласия, территориальные претензии и др. были лишь средствами в руках правительств, а главная цель – установление гегемонии. Сам период 1960-1970-х гг. интересен тем, что именно в это время Китай заявил о своих претензиях на лидерство и выступил в качестве геополитического соперника СССР, что вполне логично привело его к необходимости восстановления и развития отношений с США и определило долгосрочные тенденции эволюции всей системы международных отношений.

Библиографический список

1. Совместная советско-китайская декларация. 18.01.1957. «Правда». 19 января 1957 г.
2. «Жэньминь жибао», 12.X.1959.
3. Фокеев Г.В. История международных отношений и внешней политики СССР. Т.2. М.: «Международные отношения». 1987.
4. Фокеев Г.В. История международных отношений и внешней политики СССР. Т.2. М. «Международные отношения». 1987.
5. Буров В.Г. История международного коммунистического движения. М.: Издательство «Весь мир».2016.
6. Капица М.С. КНР: два десятилетия-две политики. М.: Политиздат. 1969
7. Суслов М.А. О борьбе КПСС за сплоченность международного коммунистического движения: Доклад на Пленуме ЦК КПСС 14 февраля 1964 г. М.: Госполитиздат, 1964.
8. «Правда». 10 марта 1969.

Г.В. Щегинский

Самарский национальный исследовательский университет

ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И ИНДИИ

Важно указать, что военно-техническое сотрудничество является одним из важнейших аспектов в отношениях между Россией и Индией. Особый статус отношений России с Индией прослеживается в союзнических советско-индийских отношениях, а также поддерживается общностью позиций

по вопросам внешнеполитической повестки и обширными торгово-экономическими связями, особенно в сфере ВТС. **Данная сфера взаимодействия** между СССР и Индией начало свое развитие в 1960-е годы. В советское время в Индию поставлялись виды вооружения тактического характера, такие как противолодочные самолеты, военно-транспортная авиация и отдельные виды наземной техники. Номенклатура советской техники, которая поставлялась в Индию состояла из истребителей МиГ-21 (позднее Индия приобрела лицензию на их производство), МиГ-23, МиГ-27 и МиГ-29. Из наземной техники стоит выделить крупные контракты на поставку таких машин как БМП-2, Т-54/55 и Т-72. Необходимо принять во внимание тот факт, что со времен Советского Союза взаимодействие двух стран в области ВТС не только сохранилось, но и преумножилось [1, с. 144]. В настоящее время взаимодействие России и Индии в сфере ВТС развивается на основе Программы военно-технического сотрудничества в 2011–2020 годах. На сегодняшний день, общий объем взаимодействия двух стран оценивается в 40 млрд долларов. При этом сумма заключенных контрактов между Индией и Россией в поставках вооружения и военной техники, а также передача технологий составляет около 18 млрд дол. Это привело к тому, что Индия стал самым крупным партнером России в сфере ВТС. На долю Индии приходится около 40% российского военного экспорта. Индии и Россия задействованы в совместных проектах военно-технического характера, в том числе кооперация в сфере исследований, разработок и испытаний отдельных военно-прикладных технологий и систем на примере отраслей военного производства. Примером здесь можно привести несколько крупнейших совместных российско-индийских проектов таких как Т-90МС, Су-30 МКИ, Проекты «БраМос» и Ка-226Т. Дополнительно стоит указать, что Индия является крупнейшим зарубежным покупателем российской наземной техники. С 2001 года было подписано несколько контрактов о поставке в индийскую армию более 250 танков Т-90С и 400 комплектов для их сборки на заводах, находящихся на территории Индии. Общая стоимость контрактов достигает 2 млрд долларов [2, с.103]. Из перспективных совместных проектов по созданию вооружения стоит выделить программу по созданию истребителя пятого поколения, в котором Россия и Индия в будущем планируют разработать двухместный вариант совместного перспективного многофункционального истребителя FGFA (Fifth Generation Fighter Aircraft). Он создается на базе российского перспективного авиационного комплекса фронтовой авиации (ПАК ФА) в одноместной конфигурации. Этот проект особенно важен для двух сторон из-за того, что он затрагивает развитие технологической базы, которая необходима для развития ОПК обеих стран [1, с. 147]. Важно еще раз подчеркнуть, что индийский рынок вооружений имеет огромное значение для российской оборонной промышленности. После того, как Индия обошла Китай по объему закупок российской оборонной продукции в конце 2007 года, Ин-

дия и по сей день остается крупнейшим импортером военного оборудования и техники из России [2, с. 104]. Однако значение индийского рынка для России определяется не всегда количественными показателями, но также качеством этого сотрудничества. Прежде всего, заказы, выставленные индийским правительством в конце 20 века, дали мощный импульс инновационному развитию российской оборонной промышленности. Индия одной из первых перешла к новой модели спроса на рынке вооружений, где заказываются не стандартные системы, которые находятся в серийном производстве, а вооружения, созданные по индивидуальным требованиям заказчика. Помимо этого, Россия является для Индии незаурядным источником вооружений и технологий. Стоит указать что, Россия, а ранее и Советский Союз, шли непосредственно на передачу Индии не просто готовых изделий, а технологий их производства. Передача лицензий и организация в Индии производства оборонной продукции советской и российской разработки это практика не столько последних лет, сколько уже хорошо отточенный механизм, который наблюдается с 20 века. Именно здесь можно говорить о том, что Россия реализует политику «Make in India» уже почти полвека. Основой такого отношения Москвы к вопросу о передаче Индии военных технологий является вполне очевидная комплиментарность российских и индийских военно-политических интересов. Постепенное и внушительное экономическое, промышленное, технологическое и военное усиление Индии соответствует российским стратегическим и национальным интересам. Дополнительно стоит учитывать, что СССР и Россия сотрудничают с Индией не только в области тактических вооружений, но и усиленно расширяет сферу взаимодействия в сегментах субстратегических и стратегических систем. Данный аспект сотрудничества представляет собой огромное значение для развития военного потенциала Индии и ее превращения в глобального военного игрока. Примерами здесь являются, несомненно, использование советской и российской многоцелевых подводных лодок S65 «Sindhushastra» и постройка для ВМС Индии (Indian Navy) авианосца «Vikramaditya». Данный проект является наиболее крупной сделкой России и Индии в военно-технической сфере, сумма контракта которого составляет 2,33 млрд долларов.

Принимая во внимание внушительные масштабы сотрудничества России и Индии стоит указать, что современный этап российско-индийских отношений в сфере ВТС, является самым сложным для ОПК обеих стран. Связано это с новой стратегией диверсификации связей в сфере ВТС, учрежденной индийским правительством. Здесь в немалой степени сопутствует анонсированный США и Индией новый статус американо-индийских отношений, что непосредственно отражается в выборе приоритетов в сфере ВТС и в дальнейшем отражается на закупках российского оборудования и техники. Выражается это посредством закупок Индией техники и оборудования у стран Европейского Союза и США. Номенклатура закупок

включает в себя военно-транспортные самолеты C-130J, C-17A и C295W, патрульные самолеты P-8I «Poseidon», истребители Dassault Rafale, ударные вертолеты AH-64D Apache, транспортные вертолеты CH-47 «Chinook». Именно таким образом Индия стремится продемонстрировать как диверсификацию приоритетов в закупочной политике, так и расставить новые акценты в отношениях с западными странами. В данной связи также очевидно, что при любом текущем современном раскладе и несмотря на ожидаемо высокие потенциальные преимущества от интенсификации ВТС с США и ЕС Индия в долгосрочной перспективе не может полностью полагаться на бесперебойную поставку запчастей для закупаемой американской и европейской военной техники. Однако более предсказуемое партнерство с западноевропейскими государствами не гарантирует ни полной независимости от возможных санкций, ни желаемого уровня сотрудничества по локализации технологий. Принимая во внимание чувствительную для России учрежденную политику Индии по диверсификации геополитического позиционирования и ВТС и периодически выдвигаемые Индией претензии к российской стороне относительно необходимости более масштабной передачи технологий и повышения уровня локализации производства закупаемых вооружений, отношения двух стран на обозримую перспективу сохранят и преумножат значительный прогресс, достигнутый странами за долгое время сотрудничества в данной сфере [1, с. 150]. Помимо прежнего базиса российско-индийских отношений, это во многом предопределяется геополитическим и геостратегическим балансом взаимоотношений Индии в регионе и на мировой арене с США и Китаем, в отношении с которыми Индия не планирует становиться еще одним средством для ослабления Китая, которое так необходимо для США. Все же очевидная напряжённость между Индией и Россией в вопросах расстановки приоритетов ВТС может негативно повлиять на динамику кооперации в данной сфере.

Библиографический список

1. Оборонная промышленность и военно-техническое сотрудничество Индии с зарубежными государствами / М. С. Барабанов, С. А. Денисенцев, К.В. Макиенко, А. Л. Фролов, М. Ю. Шеповаленко; под ред. К. В. Макиенко. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2016.
2. Буневич К.Г., Бродунов А.Н. Стратегическое партнерство России с Индией в военно-технической сфере: теоретический аспект // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. 2015. № 1 (12).

ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ РФ И КНР НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Взаимодействие между Москвой и Пекином в военной области имеет достаточно продолжительную историю. Начало подобным контактам на современном этапе, было положено еще в 20-е годы прошлого столетия. В свою очередь, отправной точкой для начала партнерства в этой сфере между новой Россией и КНР, можно считать подписание Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией от 18 июля 2001 года. В статье 16 данного договора, сказано о необходимости развития сторонами кооперации во множестве сфер, включая военно-техническое сотрудничество. Контакты между двумя державами в военной области, происходят по различным направлениям. Одним из ключевых форм сотрудничества между двумя державами является – *подготовка квалифицированных военных кадров*. В российских военных учебных заведениях, включая Военную академию Генерального Штаба ВС РФ, на регулярной основе обучаются свыше 100 китайских военнослужащих. Кроме того, регулярно, под выполнение контрактов на поставку вооружений и военной техники, в российских учебных центрах проходят подготовку экипажи кораблей и подводных лодок, самолетов, расчеты систем ПВО и др. [1, с.171] Самой обширной формой взаимодействия является – *поставка вооружений*. При этом, специфика военно-технического сотрудничества между Китаем и Россией состоит в том что, именно КНР, как правило, из всех стран мира первой получает новейшие образцы вооружений. Что в свою очередь, вероятно вызвано высоким уровнем развития партнерских отношений между двумя странами, а также близостью позиций двух государств по основным политическим вопросам и проблемам современности. Об укреплении стратегического партнерства двух стран свидетельствует тот факт, что в ноябре 2014 года был подписан контракт на сумму 3 млрд. долларов о поставках в Китай из России ЗРК ПВО С-400. КНР стала первым иностранным государством покупателем данных ракетных комплексов [2, с.107]. По сообщениям прессы, в мае 2018 года РФ, начала выполнение обязательств по данному контракту. Россия завершила поставку в Китай первого полкового комплекта зенитной ракетной системы С-400 [3]. Также Москва осуществляет поставку не только ЗРК, но ряда других вооружений. В частности, В 2015 году на основе первого экспортного контракта в Китай были проданы 24 самолета *Су-35*, о чем сообщил генеральный директор Ростеха Сергей Чемезов. [4] Также огромную долю поставок из России в Китай составляют авиационные двигатели. Стоит подчеркнуть что, несмотря на, успешное сотрудничество

между странами в сфере продажи вооружений, существует одна значимая проблема, препятствующая его дальнейшему углублению. Такой проблемой является безлицензионное копирование Китайской стороной Российской военной продукции, о чем свидетельствуют ставшие известными в конце 2009 г. факты производства палубного истребителя «Цзянь-15» (J-15), являющегося копией российского самолета Су-33, а также выпуска второй партии истребителя «Цзянь-11В» (J-11В) – аналога Су-27 [1, с.172]. Другим, не менее важным, направлением Российско-Китайской военной кооперации, являются – совместные военные учения, проводимые как в формате двусторонних отношений, так и в многостороннем формате в рамках – Шанхайской Организации Сотрудничества. Примером таких военных маневров, является проводимые ежегодно с 2012 года Российско-Китайские военные учения «Морское взаимодействие». По линии ШОС, также периодически проводятся военные учения антитеррористической направленности. Как заявил представитель министерства обороны КНР *Жэнь Го-цян*, Китай направил 743 военнослужащих для участия в международных антитеррористических учениях стран-участниц ШОС – «Мирная миссия-2018», которые пройдут на территории России с 22 по 29 августа 2018 года [5]. Наряду с взаимодействием, по ранее обозначенным направлениям, контакты происходят, так же, и на уровне военных ведомств двух государств, в том числе в рамках – Китайско-Российской совместной межправительственной комиссии по военно-техническому сотрудничеству, которая была создана в 1992 году и, как правило, работает под председательством министра обороны России и заместителя председателя Центрального военного совета КНР, являющегося высшим военным ведомством Китая. Эта комиссия является самым важным ежегодным совещанием между НОАК и Вооруженными Силами России по военно-техническому сотрудничеству. Данное совещание, чаще всего, затрагивает основные направления сотрудничества, в области торговли вооружений и оборонной промышленности, рассматривает сотрудничество в течение предыдущего года и формирует приоритеты, на предстоящий год [6, с.17]. Таким образом, ВТС между КНР и РФ на современном этапе, представляет собой, комплекс отлаженных механизмов взаимодействия, которые успешно справляются с возложенными на них задачами и способствуют развитию многопрофильного и взаимовыгодного военного сотрудничества между Пекином и Москвой.

Библиографический список

1. Лузянин С.Г. Современные российско-китайские отношения М. 2017.
2. Небренчин А.С., Небренчин С.М. КНР – сверхдержава XXI века: российско-китайские перспективы. М. 2017.
3. Россия завершила поставку в Китай первого полкового комплекта С-400 // ТАСС. 10.05.2018. // Режим доступа: <http://tass.ru/armiya-i-opk/5188700>

4. Китай получит 24 истребителя Су-35 // Ростех. 3.08.2016 // Режим доступа: http://rostec.ru/news/4518683/?sphrase_id=57410

5. Китайские военные примут участие в учениях ШОС «Мирная миссия-2018» // МИА «Россия сегодня» // Режим доступа: <https://ria.ru/world/20180726/1525387690.html>

6. Meick E.. China-Russia Military-to-Military Relations: Moving Toward a Higher Level of Cooperation. U.S. – Economic and Security Review Commission: Staff Research Report. 2017.

А.В. Полякова

Самарский национальный исследовательский университет

ОБРАЗ ИСПАНИИ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ РОССИЯН НА ПРИМЕРЕ ПЕЧАТНЫХ СМИ

В условиях современных тенденций глобализации и увеличения международных контактов, роль образа иностранного государства в массовом сознании населения играет важную роль при выстраивании эффективного двустороннего сотрудничества. Испания является значимым партнером для России [1] и одним из наиболее популярных направлений для туристических поездок россиян. Изучение образа данной страны, формируемого в сознании наших соотечественников, безусловно, важно. Кроме того, работа в направлении усиления эффективности сотрудничества указанных стран особенно актуальна в условиях санкционной политики Евросоюза и неоднозначного взаимовосприятия Европейских стран и России.

Несмотря на рост популярности новых средств массовой информации, печатные СМИ продолжают оказывать существенное влияние на формирование массового сознания, а так же являются отражением уже имеющихся у народа представлений. Так, анализ образа страны, транслируемого прессой, заслуживает особого внимания. Базой для исследования стали материалы российской еженедельной газеты «Аргументы и факты» (АиФ). Выбор данного издания был обусловлен наибольшей массовостью в России, ориентированностью на среднестатистического читателя, а так же универсальностью газеты. К исследованию привлекались материалы за период с 1 октября 2017 г. до 21 мая 2018 г., поскольку после проведения референдума о независимости Каталонии интерес к Испании резко возрос. Методом исследования стал качественный контент-анализ.

В процессе исследования были выявлены основные составляющие образа Испании в представлении россиян и их характеристики. Так, наиболее популярной темой стал референдум в Каталонии. Большая часть публикаций, посвященных этому событию, была датирована октябрём – ноябрём 2017 г., однако интерес к этой теме продолжает быть актуальным. Наиболее популярными стали такие конструкты, как «непризнание законно-

сти референдума правительством страны», «массовые стычки и забастовки в Каталонии» [2], «Приостановление автономии Каталонии и роспуск парламента» [4] и т.д. Данные фразы призваны формировать в сознании россиян представление о единодушии каталонцев в стремлении «сражаться» за свою независимость и о строгом противодействии со стороны правительства Испании. Не менее важно обратить внимание на неоднократно упомянутую позицию руководства нашей страны: отказ от критики происходящего в Испании и отношение к референдуму, как внутреннему делу государства.

Следующей по популярности темой публикаций и, соответственно, неотъемлемой частью образа Испании является футбол. Стоит отметить актуализацию данной темы в связи с проведением Чемпионата мира по футболу (ЧМ) в нашей стране летом 2018 г. Множество конструктов было посвящено месту Испании в ЧМ, о ней говорится как о сильном противнике, играющем «на высоких скоростях» [5]. Так же многочисленны упоминания о футбольных событиях в рамках Испании, подчеркнут высокий профессионализм испанских футболистов и значительные успехи команд. Из выше упомянутого напрашивается вывод, что футбол, причем высокого уровня, является одним из важнейших компонентов образа Испании в массовом сознании россиян.

Образ Испании как туристического объекта на страницах АиФ не входит в лидеры. В первую очередь, это можно объяснить спецификой издания. Данная газета является универсальной, и туризм представлен в ней лишь как одна из десятков составляющих. Однако все конструкты, посвященные данной теме, позитивны, например, «целительный климат Испании» [6]. Упоминается о вхождении данной страны в 10 самых посещаемых направлений у россиян.

При изучении других тем был выявлен интерес к социальной составляющей образа страны, что выражается такими конструктами, как, например, «3 место в мире по долгожительству». Социальная привлекательность оказывает влияние на формирование положительного образа страны в целом и возможного рассмотрения ее для дальнейшего проживания. Достаточно многочисленны новостные статьи, посвященные Испании, ярким отличием которых является отсутствие упоминаний о терактах или криминальных деяниях, что так же напрямую влияет на формирование положительного образа «спокойной» страны.

Таким образом, говоря об образе Испании в представлении россиян, отражаемом прессой, стоит отметить его неоднозначность и ограниченность. Несмотря на то, что стране посвящено достаточно много статей, и интерес к ней явно есть, чаще всего публикации затрагивают конкретное событие. Так, в связи с референдумом был отмечен всплеск интереса, хотя никакого обращения к политической ситуации в стране в целом не было. Аналогичное происходит и в остальных сферах, будь то экономика или культура.

Библиографический список

1. Интервью руководителя Центра иберийских исследований ИЛА РАН Петра Яковлева, Журнал «Международная жизнь», 03.02.2017 г. // URL: <https://interaffairs.ru/news/show/16835> (Дата обращения 09.02.2018).
2. В день забастовки в Каталонии перекрыты десятки дорог // **АиФ** URL: http://www.aif.ru/politics/world/v_den_zabastovki_v_katalonii_perekryty_desyatki_dorog (Дата обращения 10.02.2018).
3. Парламент Каталонии признал решение правительства Испании о его роспуске // **АиФ** URL: http://www.aif.ru/politics/world/parlament_katalonii_priznal_reshenie_pravitelstva_ispanii_o_ego_ropuske (Дата обращения 05.02.2018).
4. Юрий Газзаев: футболисты у нас без крыльев, а мы хотим, чтобы они летали // **АиФ** URL: http://www.aif.ru/sport/person/yuriy_gazzaev_futbolisty_u_nas_bez_krylev_a_my_hotim_chtoby_oni_letali (Дата обращения 03.02.2018).
5. На приёме у врача. Помогла бы современная медицина Булгакову и Шопену? // **АиФ** URL: http://www.aif.ru/society/history/na_priyome_u_vracha_pomogla_by_sovremennaya_medicina_bulgakovu_i_shopenu (Дата обращения 05.02.2018).
6. Больше есть и меньше спать. Секреты японского долголетия // **АиФ** URL: http://www.aif.ru/health/life/bolshe_est_i_menshe_spat_sekrety_yaponskogo_dolgoletiya (Дата обращения 10.02.2018).

Д.О. Кашникова

Самарский национальный исследовательский университет

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-ИТАЛЬЯНСКИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ПОСЛЕ КРИЗИСА 2014 ГОДА

На протяжении долгой истории взаимоотношений двух стран, Италия занимала особое место во внешней политике России, а в свою очередь Россия во внешней политике Италии. Хронологические рамки, выбранные в проведенном исследовании, обусловлены, прежде всего, политическими пертурбациями вызванными референдумом в Крыму и последующим охлаждением в Российско-Европейских отношениях. Тем не менее, по данным Росстата от 2018 года, Италия является 3 по объему внешней торговли партером России среди стран ЕС и 6 в мире [1]. Россия поставляет в Италию: минеральное топливо, нефть и дистилляты, битуминозные вещества, минеральные воски, черные металлы, драгоценные камни, жемчуг, бижутерию. В свою очередь Италия экспортирует в Россию: ядерные реакторы, котлы, медицинские препараты, электрические машины, звукозаписывающие и звуковоспроизводящие устройства. Несмотря на некоторое сокращение товарооборота, а также сворачивание программ по сотрудничеству компаний и предприятий.

Другой важной частью экономических отношений между Римом и Москвой является энергетическое сотрудничество. Италия нуждается в постав-

ках газа и нефти, чтобы обеспечивать работу своих промышленных предприятий и для коммунальных нужд, а Россия заинтересована в рынке сбыта своих энергоносителей. Однако из-за санкций 2014 года, сотрудничество Россией и Италией в области энергетики замедлилось, но возможные выгоды от сотрудничества заставляют их искать новые пути решения этой проблемы. Например: Италия как никто другой в ЕС была заинтересована в строительстве «Южного потока». После сворачивания данного проекта, был подписан меморандум между Италией, Грецией и Россией о поставке газа по дну Черного моря. Так же Италия вошла в число стран Евросоюза, которые выступили против продления санкций против России [2].

24 февраля 2016 года в Риме «Газпром», итальянская компания Edison SpA и греческая DEPA SA подписали меморандум о поставках газа по новому пути вместо отмененного «Южного потока». Данный проект повышает надёжность газоснабжения Италии и обеспечит ей роль крупного потребителя и распределителя газа в Южной Европе [3].

Отметим несомненное влияние на развитие экономического партнерства двух стран контактов между главами двух государств их риторики. Проследим динамику этой риторики на примере высказываний президента РФ В.В. Путина. 5 марта 2015 года в Москве состоялась встреча президента России Владимира Путина и председателя Совета министров Италии Маттео Ренци [4]. После нее В.В.Путин заявил, что считает Италию ключевым партнером среди стран ЕС и для России очень важно наладить и поддерживать дружественные отношения с ней.

17 июня 2016 года президент России Владимир Путин в очередной раз встретился с председателем Совета министров Италии Маттео Ренци «на полях» Петербургского международного экономического форума [5]. Там были подписаны ряд договоров. Таких как: Соглашение об основных условиях сотрудничества между ПАО «НК «Роснефть» и компанией «ЭНИ», Соглашение об основных условиях создания совместного предприятия между ПАО «НК «Роснефть» и компанией «Финкантиери» и многие другие [6].

В.В. Путин так же регулярно показывает свою заинтересованность в решении конкретных региональных и международных проблем. Например, во время встречи с Президентом Италии Серджо Маттарелла 11 апреля 2017 года [7], Владимир Владимирович заявил: «рассчитываем на энергичную работу двустороннего Совета по экономическому и валютно-финансовому сотрудничеству. Важно расширять промышленную кооперацию, прежде всего в области высоких технологий».

В итоге, мы можем сказать, что в отношениях Италии и Российской Федерации, после кризиса 2014 года, наблюдается положительная динамика. Обе страны нацелены на преодоление охлаждения отношений и проблем, вызванных санкциями и контрсанкциями. Основными сферами партнерства являются как топливная энергетика и инвестиции. Ежегодно проходит большое количество форумов и выставок, которые значительно спо-

способствуют сближению России и Италии. Такая атмосфера взаимоотношений, находит отражение в риторике лидеров обеих стран. Суть этой риторики сводится к тому что сотрудничество между двумя странами будет развиваться и дальше, несмотря на временные препятствия, принося обеим странам лишь позитивный эффект и способствуя росту экономического благосостояния.

Библиографический список

1. О состоянии внешней торговли в январе-апреле 2018 года. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d03/120.htm (Дата обращения 17.06.2018)
2. Концова Е.А., Паушева А.В. Россия – Италия – Европейский союз. Треугольник отношений в режиме санкций // Россия в глобальном мире: новые вызовы и возможности. 2016. С. 110-116.
3. Газпром анонсировал новый трубопровод по дну черного моря. URL: <http://www.rbc.ru/economics/24/02/2016/56cde6aa9a7947a674008789?from=main> (Дата обращения: 20.06.2018).
4. Заявления для прессы по итогам переговоров с Председателем Совета министров Италии Маттео Ренци. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/47782> (Дата обращения 20.06.2018).
5. Встреча с премьер-министром Италии Маттео Ренци. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52180> (Дата обращения 20.06.2018).
6. Документы, подписанные в ходе официального визита Председателя Совета министров Италии М.Ренци в Российскую Федерацию. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5092#sel=6:2:Dgj,6:14:Bvc> (Дата обращения 20.06.2018).
7. Заявления для прессы по итогам встречи с Президентом Италии Серджо Маттареллой. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/54267> (Дата обращения 07.07.2018).

Т.С. Губанова

Самарский национальный исследовательский университет

ПЕРЕХОД РОССИИ К ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМУ ОБЩЕСТВУ В ОЦЕНКАХ АМЕРИКАНСКИХ ФУТУРОЛОГОВ

Американские футурологи второй половины XX века на основе анализа исторического опыта разрабатывают концепцию постиндустриального, т.е. информационного общества. Страны Запада традиционно считались достигшими данной стадии развития и в работах исследователей являлись основой для изучения технотронной цивилизации.

Вопрос о будущем и настоящем России являлся проблемным не только в отечественном социальном прогнозировании, но и в американской футурологии. Некоторые авторы, в том числе Элвин Тоффлер, воздерживаются

от комментариев и прогнозов развития России, а так же косвенно указывают на затянутость перехода России из индустриального состояния в постиндустриальное [4].

Иные исследователи напротив, комплексно оценивают проблемы постиндустриального преобразования российского государства, затрагивая вопросы политики (в том числе и взаимоотношения с такими гегемонами, как Соединенные Штаты или Китай, европейском или азиатском пути развития), культуры и социальной сферы [1, с. 54, 221].

Актуальность проблемы постиндустриального перехода для России неоднократно отмечалась на научных конференциях с участием известнейших американских футурологов. Эксперты указывают на инвестиционный кризис как на главное препятствие постиндустриального перехода в России, порой упуская важный факт: проблема модернизации осознается как чисто технологическая и финансовая, а не как организационная. Между тем постиндустриальное общество – это, прежде всего, принципиально новая организация общества, которая уже в силу этого открывает благоприятные возможности для взрывного внедрения технологий [5, с.171].

Разнонаправленность в развитии постиндустриальных государств и России основывается на технологическом, социальном и экономическом аспектах.

Д. Белл выдвигает тезис о том, что если в своем развитии страна зависит не от технологий и человеческого капитала, а от эксплуатации своих природных богатств, то все ее преимущества оказываются временными. В конечном счете ее влияние и мощь сойдут на нет при появлении субституттов, создании новых производственных технологий, которые позволят развитым странам избавиться от зависимости от того или иного редкого ресурса [1, с. 273].

Важно, что модель рыночных реформ воспроизводит и увеличивает отставание России [2, с.3]. О особенно очевидным является разрыв в социальной и гуманитарной областях. У стран постиндустриальных в настоящее время существенной частью национальных богатств является интеллектуальный капитал граждан. Из этого следует, что решить насущные задачи будущего развития России возможно путем достижения промышленным производством максимальных параметров, однако один этот фактор не сделает ее постиндустриальной державой.

Таким образом, перед Россией стоит задача модернизации: глубокого социального, экономического, духовного, политического и технологического обновления, осуществляемого путем последовательных реформ [3, с.105]. Хозяйственный комплекс России может быть трансформирован в постиндустриальный, что будет основой для вхождения страны в число постиндустриальных стран.

Библиографический список

1. Белл Д., Иноземцев В.Л. Эпоха разобщенности: Размышления о мире XXI века. М., 2007.
2. Иноземцев, В.Л. Парадоксы постиндустриальной экономики. Инвестиции, производительность и хозяйственный рост в 90-е годы. // Международная экономика и международные отношения. М., 2000. № 3.
3. Красильщиков В. Н., Зиборов Г. М., Рябов А. В. Шанс на обновление России // Мир России. 1993. Т. II. № 1.
4. Российская газета. М., 2007, 14 декабря URL:<https://rg.ru/2007/12/14/toffler.html> (Дата обращения 02.10.18).
5. Шубин А. В. Россия -2020: будущее страны в условиях глобальных перемен. // Россия и мир в 2020 г. М., 2005.

Д.А. Бабушкина

Самарский национальный исследовательский университет

СОВРЕМЕННЫЕ РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ОТРАЖЕНИИ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ

Начиная с 2014 года, на Россию были наложены санкции. Германия является одной из ключевых фигур в европейской политике, в связи с этим на данный момент российско-немецкие отношения не теряют актуальности. Официальная пресса формирует отношение населения, поэтому для исследования были использованы статьи Российской Газеты. Для изучения образа Германии в российской прессе, был задействован период с января 2018 года, так как важны современные отношения между странами.

В начале 2018 года в российской прессе встречаются статьи об отмене санкций против России, при этом предложение о поэтапном снятии барьеров принадлежит главе МИД Германии Зигмару Габриэлю [1]. Несмотря на это, главным условием рассматривается погашение конфликта на Донбассе. В феврале состоялась 54-я Мюнхенская конференция по безопасности. Официальная прессе РФ выделяет Германию в качестве главного союзника на конференции [2]. Далее пресса хочет подчеркнуть, что из-за санкций против России ФРГ теряет прибыль, и для нее было бы лучше восстановить прежние отношения с РФ [3]. Немало важным является связь между лидерами стран. У Ангелы Меркель довольно теплые отношения с В.В.Путиным. Согласно статье, она собирается развивать отношения с Россией [4]. Меркель призвала ЕС продолжать диалог с Москвой, невзирая на скандал, разразившийся вокруг дела Скрипалей [5]. Хотя Великобритания, Франция и США винят в отравлении Россию, Германия все же требует доказательств. Тем временем власти ФРГ отказались обсуждать бойкот ЧМ по футболу в России [6]. Несмотря на это, Германия все же выслала четы-

рех российских дипломатов из-за «отравления в Солсбери», которое впоследствии оказалось ложным [7]. В середине 2018 года состоялось несколько встреч на высшем уровне. Так, 10 мая министр иностранных дел ФРГ Хайко Маас приехал в Москву для обсуждения существующих проблем [8]. 18 мая в Сочи состоялась встреча Ангелы Меркель с президентом РФ В.В. Путиным [9]. Они обсудили состояние двусторонних отношений, энергетические проекты, ситуацию на Украине, в Сирии, а также перспективы после выхода США из иранской сделки. 11 июня в Берлине прошла встреча глав МИД «нормандской четверки» [10]. Германия и Франция поддержали позицию России о необходимости юридического закрепления «формулы Штайнмайера». 18 августа в городе Мезеберг прошли переговоры президента РФ и канцлера ФРГ. Путин призвал Меркель содействовать процессу возвращения сирийских беженцев в свои дома. На украинском направлении Путин подчеркнул безальтернативность «минских договоренностей». Схожую оценку озвучила и Меркель, считающая «минские договоренности» основой для урегулирования [11].

Таким образом, в российской официальной прессе формируется исключительно положительный образ российско-немецких отношений. Это связано с тем, что на высшем уровне лидеры готовы идти на контакт, поддерживают инициативы друг друга. Хотя Германия все же не сняла санкции с России и выслала 4 российских дипломатов из своей страны. Беря в расчет эти положения, российская пресса не подвергает Германию какой-либо критике на высшем уровне. Речь идет скорее о постепенном возвращении к прежним отношениям.

Библиографический список

1. Германия предложила поэтапную отмену антироссийских санкций (11.01.2018) URL: <https://rg.ru/2018/01/11/glava-mid-germanii-predlozhit-poetapnuiu-otmenu-antirossijskih-sankcij.html> (Дата обращения: 01.11.18).
2. Воробьев В. Российская газета – Федеральный выпуск №7499 (36) «Мюнхенский выговор» (18.02.2018) URL: <https://rg.ru/2018/02/19/lavrov-otchital-es-zaplyvu-protiv-techeniia-istorii.html> (Дата обращения: 01.11.18).
3. Хамдохов С. Германия выступила за улучшение отношений с Россией (01.03.2018) URL: <https://rg.ru/2018/03/01/minekonomiki-frm-vystupilo-za-uluchshenie-otnoshenij-s-rossiej.html> (Дата обращения: 01.11.18).
4. Волков К. Меркель рассказала про копченую рыбу от Путина (12.03.2018) URL: <https://rg.ru/2018/03/12/merkel-rasskazala-pro-kopchenuiu-rybu-ot-putina.html> (Дата обращения: 05.11.18).
5. Меркель призвала ЕС продолжать диалог с Москвой (14.03.2018) URL: <https://rg.ru/2018/03/14/merkel-prizvala-es-prodolzhat-dialog-s-moskvoj.html> (Дата обращения: 05.11.18).
6. Меркель: ФРГ и ЕС не намерены обсуждать бойкот ЧМ по футболу в России (17.03.2018) URL: <https://rg.ru/2018/03/17/merkel-frm-i-es-ne-namereny-obsuzhdat-bojkot-chm-po-futbolu-v-rossii.html> (Дата обращения: 05.11.18).

7. Германия вышлет четырех российских дипломатов (26.03.2018) URL: <https://rg.ru/2018/03/26/germaniia-vyshlet-chetyreh-rossijskih-diplomatov.html> (Дата обращения: 05.11.18).

8. Хамдохов.С. МИД ФРГ: Урегулирование кризиса в Сирии невозможно без России (10.05.2018) URL: <https://rg.ru/2018/05/10/mid-fig-uregulirovanie-krizisa-v-sirii-nevozmozhno-bez-rossii.html> (Дата обращения: 08.11.18).

9. Латухина К. Российская газета – Федеральный выпуск №75691 (106). Сочинский поток – 2 (18.05.2018) URL: <https://rg.ru/2018/05/18/putin-rasskazal-obudushchem-tranzita-gaza-cherez-ukrainu.html> (Дата обращения: 08.11.18).

10. Забродина Е. Киев получил сигнал URL: <https://rg.ru/2018/06/12/vstrechaglav-mid-normandskoj-chetverki-ne-prinesla-progyva.html> (Дата обращения: 08.11.18)

11. Дунаевский И. Переговоры Путина и Меркель продлились три часа (19.08.2018) URL: <https://rg.ru/2018/08/19/peregovory-putina-i-merkel-prodlilis-tri-chasa.html> (Дата обращения: 11.11.18).

Н.Д. Вавилова

Самарский национальный исследовательский университет

АЗОРСКОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ В ПОРТУГАЛЬСКОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ

Одну из ключевых позиций во внешней политике России занимают отношения с НАТО. В евроатлантической сфере безопасности Азорские острова занимают исключительное положение, и их наличие определяет главную стратегическую ценность Португалии в качестве одного из старейших членов НАТО. Поэтому мы считаем необходимым провести анализ проблемы азорского самоопределения в международном контексте. Азорская проблема переживает процесс становления в течении XIX-XX вв., обостряясь после Второй Мировой войны, когда место Великобритании в международных отношениях Португалии занимают США, а Северная Атлантика приобретает особое значение в борьбе США с Советским Союзом. При этом именно Азорские острова являются наиболее важным объектом в Евро-Атлантической системе безопасности в стратегическом контексте. Обращаясь к вышеописанным фактам, проблема самоопределения Азор приобретает глобальное значение, а её анализ- актуальность, принимая во внимание изменения, которым сегодня подвержена Европа. Тем не менее, в политической жизни Португалии архипелаг долгое время занимал не такое значительное место, его современное состояние невозможно понять без обращения к истории.

Цель этой работы – выявить влияние внутривнутриполитической ситуации в Португалии относительно Азорских островов на международные отношения в первой четверть XX в.

Хронологические рамки нашей работы – конец XIX – начало XX в, период, в который происходит развитие азорского сепаратистского движения.

Изначально именно испано-американская война повысила представление о значении Азорского архипелага в международном масштабе. Несмотря на то, что Португалия выступила с заявлением о нейтралитете [2.], она представляла интерес для великих держав в связи с наличием на Азорском архипелаге телеграфных кабелей, которые оставались главным источником быстрых коммуникации на длинное расстояние до того как было изобретено радио. Ещё одним доказательством стратегической важности Азорских островов для материка были события Первой мировой войны. Войдя под британским влиянием в конфликт, Португалия не только предоставляла пятьдесят тысяч солдат, но, что не менее важно, порты Азорских островов. Теперь же речь шла и о свободной навигации британских судов и судов союзных государств близ Азорских островов. В середине 1917 г. в столице Азорских островов была основана база американских ВМС Понта-Дельгада. В город приехал с визитом секретарь ВМС США Ф.Д.Рузвельт [4.]. Это произвело впечатление на элиту островов, в частности, на идеолога движения за Азорскую независимость, редактора главного издания архипелага Жозе Б. Каррейру.

Однако, до конца XIX в. Азорской проблемы в Португалии как таковой не существовало. Начавшийся в начале XIX в. процесс развала мировой португальской колониальной империи привел к тому, что Азоры оказались на задворках политической жизни Португалии и вне интересов правящих элит. Со второй половины XIX в. донесения английского агента указывают о том, что население архипелага уже чувствует свою отдаленность от центра и происходит зарождение сепаратистских настроений азорцев. Однако эта ситуация не было секретом для португальского правительства, которое сыграло на опережение, предоставив архипелагу статус автономии. Но положение не изменилось даже после того, как первый акт об автономии, закрепивший за архипелагом статус автономного региона в составе Португалии, вступил в силу в 1895 г. [1], и стало ясно, что давно разделённые политические силы на острове столкнулись с ещё большими трудностями в навязывании своих желаний и точек зрения центральному правительству.

К середине 1900-х гг. в кругах интеллигенции островов, с давних пор чувствовавших себя брошенными центром, начала формироваться мысль о собственной идентичности, отдельной от португальской. Эта идея получила название «Азорианизм», и была изначально разработана для возрождения национального духа и самосознания на Азорских о-вах [3], а затем переросла в агрессивные и, в какой-то мере, шовинистские настроения наиболее образованной части населения острова. Деятели искусства стали продвигать идею «азореанизма» с особым энтузиазмом, поэтому в период с 1900 по 1915 г. было выпущено множество литературных произведений об

Азорцах как об отдельной нации, непохожей на португальскую. Мирное начало сменилось радикальной мыслью о том, что Португалия – приемная мать, а Азоры – нежеланный приемный ребенок, следовательно, центральное правительство не может, и не хочет содействовать развитию острова. Параллельно единому процессу развития «азорианизма» партикуляризм развивался среди администраций каждого из девяти островов. Главной целью азорцы ставили себе уже не налаживание контакта с центральным правительством, а полное отделение от страны и становление самостоятельной политической единицы.

В результате португальское правительство, четко осознав серьезность положения, пошло на значительные уступки азорскому населению, что выразилось в назначении Ж.Б. Каррейру губернатором Азор. Таким образом, в конце XIX – начале XX вв. окончательно оформляется особый азорский сепаратизм, который признаётся на уровне португальского правительства, однако еще пока не встает как острая проблема.

Библиографический список

1. Spanish American War, 1898, government documents: pamphlet collection (Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1899). Proclamations and decrees during the war with Spain, p.60-61, URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=hvd.hx4ist;view=1up;seq=13> (Дата обращения 08.09.2018).

2. Daniella Mak, «Colonial Discourse in the Cold War», Penn Humanities Forum on connections, 2010 URL:https://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1012&context=uhf_2010. (Дата обращения: 03.03.2018).

3. “The Controversy on the Future of the Azores in 1918 and 1919, Franklin Roosevelt e os Açores nas Duas Guerras Mundiais” (Lisbon: Fundac’ão Luso-Americana, 2008), p.308, URL: <http://www.flad.pt/wp-content/uploads/2014/05/livro11.pdf> (Дата обращения 08.04.2018).

А.А. Панкратова

Самарский национальный исследовательский университет

СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Актуальность выбранной темы связана с исследованием опыта Великобритании в построении сильной образовательной системы для заимствования его Россией. Целью данной работы является выявление влияния международной политической обстановки на развитие российско-британского сотрудничества в сфере образования.

Прогрессивный XXI век – век активного развития международного образования. По данным **ICFE**, в настоящее время во всем мире учатся за границей более 5 миллионов студентов. Их количество в год увеличивается

в среднем на 8 % [1]. По данным ICEF, на 2017 год наиболее привлекательной страной для получения высшего образования для студентов из России является Великобритания [2]. Согласно данным за 2012-2013 учебный год, количество российских студентов, обучающихся в Великобритании – около 4.000 человек [2].

По данным HESA за 2010 год наиболее популярными направлениями обучения среди россиян в британских ВУЗах являлись предпринимательство, менеджмент, экономика, финансы, а в первую пятерку по числу российских студентов входят Лондонский университет искусств, Университет Сити, Университет Вестминстера, Уоркский университет, Лондонская школа экономики и политологии [3].

С 1994 года существует двустороннее соглашение между правительством России и правительством Великобритании о сотрудничестве в области образования, науки и культуры, предусматривающее стимулирование развития отношений между двумя государствами через сотрудничество университетов и других организаций, предоставление стипендий для студентов и многое другое. Однако пункта о взаимном признании документов об образовании в этом соглашении нет [4. Ст.1]. В 2016 году замглавы Минобрнауки В. Каганов заявил, что согласованное решение о взаимном признании школьных аттестатов существует уже два года, но работа над ним приостановилась по политическим причинам [5].

В связи с отравлением в Солсбери Сергея и Юлии Скрипалей и подозрениями британской стороны в причастности России, Великобритания заблокировала переговоры о заключении соглашения о взаимном признании сертификатов образования с Россией [5]. В марте 2018 года МИД России объявил о прекращении деятельности на территории страны Британского совета «в связи с неурегулированностью статуса Британского совета в Российской Федерации» [6].

В качестве альтернативы и ответной меры Россотрудничество запустило проект «Highly Likely Welcome Back, или Пора домой!». Данная инициатива предполагает, что студенты, обучающиеся за рубежом на бакалавриате, получают возможность перевестись в МГИМО, а планирующие поступать в магистратуру смогут подать документы по ускоренной процедуре рассмотрения [7].

Британскому совету в России было предписано прекратить свою деятельность, но частные компании, помогающие россиянам поступать в зарубежные университеты, продолжают работать. В пресс-службе посольства Великобритании в России заверили, что в стране, «как и всегда, очень рады россиянам, которые приезжают в Соединенное Королевство с целью туризма, обучения или бизнеса» [7].

Сотрудничество России и Великобритании в сфере образования на государственном уровне никогда не было существенным, что подтверждает наличие только одного соглашения в данной сфере, которое в настоящее

время заморожено. Ввиду современной международной политической обстановки данное сотрудничество еще более осложнилось, акции российской стороны на данный момент демонстрируют малую заинтересованность в его дальнейшем углублении. Таким образом, на сегодняшний день сотрудничество России и Великобритании в сфере образования носит хаотичный, частный характер.

Библиографический список

1. Hearps R. Global trends and disruptors in international students referrals // ANZA Workshop Melbourne. April 16, 2016. URL: http://www.icef.com/wp-content/uploads/seminarprogramme/2016/anza_prov_ag_1450_Rod-Hearps_Global-Trends-and-Disruptors-in-International-Student-Mobility---Where-are-International-Students-Going-and-Why.pdf (Дата обращения: 11.11.2018).
2. Russia announces new investments in higher education and study abroad // ICEF Monitor. 23 Jul 2014. URL: <http://monitor.icef.com/2014/07/russia-announces-new-investments-in-higher-education-and-study-abroad/> (Дата обращения: 8.11.2018.)
3. Дружить домами: как сотрудничают вузы Британии и России // Сайт Радио Business FM. 30 сентября 2011. URL: <https://www.bfm.ru/news/155203> (Дата обращения: 12.11.18).
4. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии о сотрудничестве в области образования, науки и культуры от 15.02.1994 г. // URL: <https://www.rus.rusemb.org.uk/relations/7> (Дата обращения: 12.11.18).
5. Великобритания заблокировала заключение договора с РФ о признании документов об образовании // Сайт Interfax. 27 апреля 2018. URL: <https://www.interfax.ru/world/610619> (Дата обращения: 12.11.18).
6. О вызове в МИД России Посла Великобритании Л.Бристоу // Сайт Министерство иностранных дел Российской Федерации. 17.03.18. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news//asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3126746 (Дата обращения: 12.11.18).
7. Студентам разработали курс на возвращение // Сайт Газета Коммерсантъ. 17.04.2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3605655> (Дата обращения: 12.11.18).

А.М. Лоцилова

Самарский национальный исследовательский университет

РОССИЯ И УГРОЗЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, ВОЗНИКШИЕ ВСЛЕДСТВИЕ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА

Проблема международной безопасности тщательно исследовалась Генеральной Ассамблеей ООН. В Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 1970 г. говорится о том, что все государства обязаны воздерживаться от применения силы (или угрозы ее применения) против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства,

и провозглашается принцип мирного разрешения международных конфликтов [1]. Мы видим, что международная безопасность — это состояние международных отношений, при котором возникающие споры разрешаются путем мирного урегулирования. Исходя из этого можно сказать, что ситуация, сложившаяся после украинского кризиса, является угрозой международной безопасности.

Во-первых, это проявляется в отношениях Россия-НАТО. Несмотря на то, что отношения между Россией и НАТО значительно усложнились еще после грузинского кризиса 2008 г., украинский же послужил своего рода катализатором для их осложнения. НАТО значительно увеличили свое военное присутствие в странах Прибалтики (Литва, Латвия, Польша, Эстония) и в Румынии и Венгрии, то есть в непосредственной близости от российских границ [2]. Растет и военный бюджет НАТО [3], а так же в октябре 2018 г. проводились военные учения НАТО в Норвегии, где отрабатывались маневры на суше, на море и в воздухе. Практически в то же самое время проводились учения России и союзников в Малой Азии «Не-рушимое братство», то есть мы видим явную демонстрацию силы с обеих сторон. Кроме того, в официальных документах НАТО и в выступлениях Генерального секретаря Россия называется «агрессором», а ее действия «агрессией». Увеличение военного присутствия — прямой отход от принципа решения конфликтов мирным путем.

Далее, нарастание угрозы международной безопасности связано с отношениями Россия-США. Для примера: на 2018 г. 46% опрошенных военных США считают, что в скором времени примут участие в военных действиях. В 2017 г. такого же мнения придерживались лишь 5%; 71% опрошенных военных США считают Россию опасной, тогда как в 2017 г. такого же мнения придерживались лишь 53% [4]. Это свидетельствует о нарастании напряжения среди непосредственно военного контингента. Исследователями высказывается мнение, что своим участием в событиях, развернувшихся после украинского кризиса, Россия бросила США вызов, пытаясь оспорить ее практически одиночное лидерство в мире [5, с. 135]. Кроме того, нарастание напряженности связано с недавним заявлением президента США Дональда Трампа о возможном выходе США из ДРСМД. Это может привести к бесконтрольному увеличению ядерного потенциала США, что противоречит, на наш взгляд, принципу международной безопасности, так как идет в разрез с положением об угрозе применения силы для решения конфликтов.

Еще одна сложившаяся угроза международной безопасности связана с ростом ультраправого движения на Украине. Члены ультраправого движения начали работать в ВУЗах с молодежью, обучать их обращению с оружием. Так же бывший командир разведки «Азов» Сергей Коротких выступает за легализацию нарезного огнестрельного оружия. Это трофейное оружие, которое присутствует у украинских радикалов [6]. Фактически они

будут вооружены, а активная агитация приведет к увеличению числа радикалов, что является непосредственной угрозой международной безопасности. Петр Порошенко заявил, что будет держать свои войска в состоянии боевой готовности, и подчеркнул, что ВСУ переняли опыт военных НАТО и улучшили свое техническое оснащение [7]. Явный милитаризм президента Украины — это отход от основополагающих принципов международной безопасности.

Ясно, что украинский кризис открывает новый этап в развитии международных отношений, где Россия играет не последнюю роль. С одной стороны, все события непосредственно затрагивают Россию и ее интересы. Поэтому в разрешении последствий этого кризиса она будет играть важную роль. Действия России могут как усугубить, так и создать возможность регулировать ситуацию мирным путём.

С другой стороны, действия России могут привести к формированию новой системы международных отношений и появлению на арене международных отношений новых сильных игроков-государств, что кардинально изменит существующее положение сил.

Библиографический список

1. Декларация об укреплении международной безопасности. 16 декабря 1970 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intsecurity.shtml (дата обращения 21.10.2018).
2. Россия-НАТО: расставим точки над «и». // Официальный сайт Организации Североатлантического договора. 27 января 2018. URL: <https://www.nato.int/csp/ru/natohq/115204.htm> (дата обращения 04.11.2018).
3. Военный бюджет НАТО в 2017 г. составит \$946 млрд. 29 июня 2017. // РИАНовости. URL: <https://ria.ru/world/20170629/1497541118.html> (дата обращения 04.11.2018).
4. Третья мировая близко: армия США ждет войны. 4 октября 2018. // Глобальная политика. URL: <http://www.politicsglobal.ru/tretja-mirovaja-blizko-armija-ssha-zhdet-vojni/> (дата обращения 04.11.2018).
5. Буневич Д.С. Крымский кризис 2014 года и создание новой архитектуры международных отношений. // Конфликтология / NOTA BENE. №2 (3). 2015.
6. С прицелом на будущее. Нацкорпус приучает молодежь Украины к оружию. 2 ноября 2018. // Глобальная политика. URL: <http://www.politicsglobal.ru/s-pricelom-na-budushhee-nackorpus-priruchaet-molodezh-ukrainy-k-oruzhiju/> (дата обращения 04.11.2018).
7. «Цена для России»: Порошенко объяснил, зачем Украине НАТО. 16 октября 2018. // Глобальная политика. URL: <http://www.politicsglobal.ru/cena-dlja-rossii-poroshenko-objasnil-zachem-ukraine-nato/> (дата обращения 04.11.2018).

АМЕРИКАНСКИЙ ЦЕНТР В РОССИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОЯВЛЕНИЯ МЯГКОЙ СИЛЫ США

Система международных отношений, сформировавшаяся после Холодной войны, постоянно меняется. В XXI веке на международной арене в роли акторов, помимо самих государств, все чаще выступают неправительственные организации, транснациональные корпорации, а также представители экспертной дипломатии второго уровня. В связи с этим, внешнеполитические инструменты приобретают новый характер. Большое распространение получила концепция «мягкой силы» Джозефа Ная [1, с. 130-144]. Суть данной концепции заключается в стимулировании интереса к культуре государства, его внутреннему укладу и внешнеполитическим убеждениям, без применения насилия. В настоящий момент к концепции «мягкой силы» прибегают практически все государства по отношению к союзникам и соперникам в той или иной мере, однако бесспорным лидером в ее использовании является США. Поскольку взаимоотношения США и России довольно обострены, официальных инструментов «мягкой силы» на территории нашей страны представлено не так много. Одним из них является Американский центр, чью деятельность я и рассматриваю в данной статье.

До создания центра, в России функционировало Агентство США по международному развитию (USAID). Официальная цель – поддержка свободы и демократии в развивающихся странах – была провозглашена еще во времена президентства Джона Кеннеди (1961 г.). Этот государственный орган имеет филиалы по всему миру и получает финансирование непосредственно из федерального бюджета США.

Чем же объясняется данный процесс? Ответ на этот вопрос проистекает из основных инструментов мягкой силы – образования и культуры, которые на сегодняшний день оказывают значительное воздействие на граждан всех стран, и на россиян в том числе. Американские инвестиции в культурную сферу окупаются в полной мере, так как они обеспечивают активный отток талантливой молодежи (brain drain) из различных стран в США. Вполне вероятным действием со стороны правительства РФ в 2012 году было принятие решения о прекращении деятельности USAID, с заявлением о том, что характер работы организации далеко не всегда отвечал заявленным целям [2]. Однако распространение американской культуры происходит благодаря деятельности других организаций, одной из которых является Американский центр.

Американский центр был открыт в Москве в 1993 году; он является крупнейшей в России площадкой, которая предоставляет информацию об американской культуре. Согласно анализу мероприятий центра, можно

проследить несколько тенденций. Первая – это ориентация на юное поколение в первую очередь, и вторая – упор на «просветительские» образовательные программы. Сами мероприятия можно разделить на два типа: постоянные и временные. К первому типу относятся Клуб Дебатов, уроки английского языка, а также презентации образовательных программ. Ко второму следует отнести встречи с деятелями культуры, чтение тематических лекций и организацию праздников. Большую часть данных мероприятий проводят наши соотечественники, проживавшие ранее в Америке, что позволяет получить представления об укладе жизни в стране от первых лиц [3].

Вместе с тем, в рамках центра функционирует Мэйкерспейс (от англ. to make – создавать и space – пространство) – место, где посетители могут работать над различными проектами, от компьютерного программирования до текстильной деятельности.

Неотъемлемой частью Американского центра является электронная библиотека. Основную часть каталога составляет современная художественная и документальная литература на английском языке. Любой желающий может получить к нему доступ и взять книгу напрокат, что способствует общению к языку и культуре Америки.

Однако наибольший упор делается на образование. В настоящее время широко распространены образовательные обмены между учебными заведениями, а также стажировки для молодых специалистов. К основным программам в данной сфере относятся: «Year of Exchange in America for Russians», «Global UGRAD» и «Программа Фулбрайта» [4].

Ожидаемый результат осуществления вышеперечисленных образовательных программ и культурных мероприятий довольно прозрачен – он ориентирован на создание позитивного образа США путем внедрения «правильных» западных представлений об укладе жизни современного человека. Так, Американский центр остается одним из немногих официальных инструментов поддержания этого образа на территории нашей страны.

Библиографический список

1. Братерский М.В., Скриба А.С. Концепция «мягкой силы» во внешнеполитической стратегии США // Вестник международных организаций. Москва, 2014. № 2.
2. Комментарий официального представителя МИД России А.К.Лукашевича. URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/142978 (дата обращения 01.11.2018).
3. Официальный сайт Американского центра. URL: <https://amc.ru/calendar/> (дата обращения 02.11.2018).
4. Официальный сайт Посольства и консульства США в Российской Федерации. Программы образовательных обменов. URL: <https://ru.usembassy.gov/ru/education-culture-ru/exchange-programs-ru/> (дата обращения 03.11.2018).

СОТРУДНИЧЕСТВО САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ С РЕГИОНАМИ КНР В НАЧАЛЕ XXI В.

Правительство Самарской области активно вовлечено во внешнеэкономическую деятельность. Среди основных партнёров области есть лидер мировой экономики, отношения с которым достойны рассмотрения – Китайская Народная Республика. Становится ли сотрудничество с Китаем современным трендом для Самарской области и является ли это сотрудничество продуктивным? Отвечая на эти вопросы, необходимо понимать, что вектор развития внешнеэкономических связей региона неоднократно менялся и если в конце 1940-х годов основной их составляющей являлись стажировки китайских специалистов на предприятиях города Куйбышев, то в последнем десятилетии XX века доминируют торговые отношения: на китайский рынок вышли завод им. Тарасова, Самарский подшипниковый завод, Самарская кабельная компания, ОАО Электрощит и другие предприятия [1]. В начале двухтысячных начался обмен визитами официальных лиц. С 2013 г. осуществляет свою деятельность Совместная рабочая группа регионов Приволжского федерального округа РФ и регионов Верхнего, Среднего течения реки Янцзы Китайской Народной Республики [2]. Большая часть соглашений о сотрудничестве с китайскими городами и провинциями была заключена после 2013 г. в результате активной деятельности приведенной выше рабочей группы. В 2016 г. были подписаны соглашения сразу с тремя регионами КНР. Такое резкое увеличение внешнеэкономических связей заставляет задуматься о выгодах, которые пытается извлечь для себя Самарская область. Все соглашения о сотрудничестве, заключенные с китайскими провинциями и городами учитывают развитие торгово-экономического взаимодействия. Упомянуты также сферы машиностроения, здравоохранения, научно-образовательная, транспортная сфера, сфера развития туризма и курортной индустрии, спорта и культуры [3].

Заключенные соглашения повлияли на развитие торговых связей. Достаточно рассмотреть их развитие, используя отчёты об итогах внешнеэкономической деятельности. В 2008 г. Китай являлся первым среди основных торговых партнёров области, но к 2011 г. Украина вырвалась на первое место, а Германия и Китай были равны по проценту от общего внешнеторгового оборота. В следующем году по этому показателю наблюдались заметные сдвиги: относительно страновой направленности импорта следует учесть, что отмеченная в 2009-2010 гг. тенденция снижения доли традиционных поставщиков оборудования (Германии, Италии, Франции и др.) и роста доли «альтернативных» производителей (Китая, Кореи, Турции), предлагающих более дешёвое оборудование, практически ликвидировалась

в 2011-2012 гг. По итогам 2012 г. Германия лидировала в общем внешне-торговом обороте (17%), а Китай (8%) обогнали Украина (15%) и Монголия (10%). Последующие два года ситуация не менялась сильно и торговый оборот с КНР составлял 8-9% от общего показателя, но с 2015 по 2017 г. торговый оборот с упомянутым восточным партнёром занимал третью позицию в списке основных партнёров по итогам внешней экономической деятельности и составлял уже 11%. Таким образом, в 2017 г. в торговле доминируют Германия, Румыния, Китай и сравнивая их с отчётами начала 2018 г., нужно отметить рост оборота и сделать вывод о грядущем изменении позиций: Китай выдвигается на первое место среди приоритетов внешней экономической деятельности Самарской области с ростом оборота в 17 млн. долларов, в то время, как рост того же показателя между Самарской областью и Германией составил 10 млн. долларов, не говоря уже о Румынии, рост торгового оборота с которой составил всего 8 млн. долларов [4].

Цифры, приведенные выше, говорят о важности сотрудничества и предвещают новую иерархию в приоритете развития внешнеэкономических связей Самарской области. Её успех в торговле с Китаем вполне объясним, ведь Самарская экономика по большей части экспортная и сырьевая. Немалую долю в структуре экспорта составляют нефть и нефтепродукты, не говоря уже о пластмассах, соединениях органической химии и о промышленном оборудовании, которое также экспортируется в Китай [2]. Добыча и обработка сырьевых ресурсов делает Самару желанным партнёром для КНР, являющейся главным потребителем сырья и энергоносителей. Сотрудничество Самары и китайских регионов отличается высокой продуктивностью и предвещает дальнейшее своё развитие [5]. В этом сотрудничестве угадываются черты современного тренда, однако этот тренд появился далеко не на пустом месте. Это результат долгой, кропотливой работы.

Библиографический список

1. Правительство Самарской области [Электронный ресурс] : офиц. сайт. URL: https://www.samregion.ru/press_center/news/sotrudnichestvo-samarskoj-oblasti-i-kitajskoj-narodnoj-respubliki/
2. Правительство Самарской области [Электронный ресурс] : офиц. сайт. URL: <https://www.samregion.ru/economy/knr/>
3. Министерство экономического развития и инвестиций Самарской области [Электронный ресурс] : офиц. сайт. URL: http://economy.samregion.ru/activity/vneshnie_svyazi/Soglash/soglasheniya-o-sotrudnichestve-v-sfereneshneekonomicheskikh-svyazey-s-inostrannymi-regionami-partn/
4. Министерство экономического развития и инвестиций Самарской области [Электронный ресурс] : офиц. сайт. URL: http://economy.samregion.ru/activity/vneshnie_svyazi/vneshnie_cvvyazi/ItogiVED/
5. Министерство экономического развития и инвестиций Самарской области [Электронный ресурс] : офиц. сайт. URL: http://economy.samregion.ru/activity/ekonomika/values_so.

СЕКЦИЯ СТЕНДОВЫХ ДОКЛАДОВ

Е.В. Алексеев

Самарский национальный исследовательский университет

МАКРОИСТОРИЯ ИЗ МИКРОАНАЛИЗА: ГОЛОС «МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА» В ОТЧЕТЕ О ПОЕЗДКЕ В США В 1927 Г.

Тенденции роста интереса к исследованию проблем социальной истории и истории повседневности бесспорно выводит человека на первый план, в центре внимания оказываются социальные, национальные и общесоциализационные аспекты советской индустриализации, методы и итоги ее проведения. Главной фигурой эпохи конца 1920 – начала 1930-х гг. был человек в рабочей спецовке, своим трудом преобразующий страну и одновременно – себя самого, подгоняя «время вперед».

Особенностями источниковой базы исследования является использование эго-источника делопроизводственного характера, отсюда проистекает такая специфическая черта, как лапидарность сюжета. В центре герменевтического и семиотического анализа – выбранный нами в качестве опорного «сюжет» о поездке советских рабочих в 1927 году в США.

Тематика данного исследования требует проведения работы по «наведению мостов» между микроуровнем и макроуровнем. Исследовательский путь от единичного наблюдения к теоретическим обобщениям способствует выявлению более общих феноменов [5, с. 651]. Выявленная источниковая база включает в себя отчеты двух авторов (из разных социальных пространств) о поездке в США в 1927 г. Отчет Климова Д.А., заместителя заведующего Самарским отделением Госсельсклада и технического руководителя тракторной кампании, хранящийся в фондах Самарского Губкома ВКП(б), текст источника отражает чувственно-эмоциональное восприятие и социально-психологическую информацию о другом, чужом мире не советской жизни. Советский провинциал не скрывал восхищения перед техническими достижениями запада, подробно описывая свои впечатления от увиденного [6, л. 1–10.]. Отчет Леденева С.Г. – председателя всесоюзной тракторной делегации, членом которой также, как оказалось был Климов Д.А., четко прослеживается уже сформированный к 1927 г. идейно-политический дискурс, противопоставляющий два мира – две системы: социалистическую и капиталистическую [2]. Можно констатировать, что особенность фиксировать свои чувства и эмоции в делопроизводственный отчет, превращая его в эго-источник делопроизводственного характера, является специфической чертой «периферийных» отчетов, тем самым вскрывая колоссальную разницу между языком, мышлением, знанием

и вещами человека «центра» и человека «провинциала» [7].

Герменевтический анализ данных источников позволяет выявить поведенческие стратегии: человека «перед лицом власти». Данные микропроцессы, безусловно, выводят нас на макроуровень, где «габитусы» определяют поведение индивидов в ситуациях, относительно которых происходит жизнь, «наполненная вызовами власти».

Движение от микроисторических случаев или казусов к макроисторической гипотезе позволяет повысить строгость исторического дискурса, его убедительность и верифицируемость. В данной работе через анализ деталей без отрыва от макроисторического контекста обобщается полученная информация. Здесь также, как и в социологии, имеет место отказ от любых априорных суждений и постулатов и стоит задача преодоления в исследовательской практике дихотомий индивидуального – коллективного, единичного – массового, уникального – всеобщего [4, с. 271].

Таким образом, наш микроанализ связан со скупостью эго-источников делопроизводственного характера, касаемо ранней советской эпохи. Идя от «человека», а не от объективных закономерностей, мы, вполне возможно, подтвердим их, но обязательно реконструировав «живую личность». Разделяя тезис, сформулированный сторонниками теории социального действия о том, что структура формируется с помощью действия и взаимодействия, мы анализируем поведение акторов, то, как они относились друг к другу и обществу [1, с. 31]. Посредством анализа языка и общепринятых символов, мы можем реконструировать формы общения советских рабочих, как с отечественными и иностранными коллегами, так и с властными структурами.

Библиографический список

1. Бурдые П. Социология социального пространства. М.-СПб., 2005.
2. Леденев С.Г. За станком у Форда. Из впечатлений участника поездки на тракторные заводы Северо-Американских Соединенных Штатов. М.; Л., 1927.
3. Людтке А. «История повседневности» в Германии после 1989 года // Казус. 1999. М., 1999.
4. Релина Л.П. Новая историческая наука и социальная история. М., 2009.
5. Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история. В двух томах. Т.2. Образы прошлого. СПб., 2006.
6. Тезисы доклада о поездке в Северо-Американские Соединенные Штаты Америки, 1927 г. // Самарский областной государственный архив социально-политической истории. Ф. 1. Оп. 5. Д. 58.
7. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994.

**РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА В ОКТЯБРЕ 1993 Г.
(НА ПРИМЕРЕ САРАТОВСКОЙ И САМАРСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)**

Российское социально-политическое и правовое пространство в начале девяностых годов прошлого века отличалось дисперсностью и асинхронностью институционального развития. Взаимное сосуществование модернизированной западной структуры управления исполнительными органами власти и советской политико-правовой системы не могло не привести к конфликту интересов. Все это происходило на фоне глобального перераспределения собственности, исчезновения одних и появления других политических акторов. Попытки вертикальной мобилизации исполнительной власти в центре и регионах вступали в противоречие с остатками еще «перестроечной» горизонтальной структуры бюрократии в лице реформированных советов различных уровней.

Развернувшийся в 1993 г. конституционный кризис стал одним из ключевых моментов в современной истории России. Противостояние Президента РФ и Верховного Совета среди исследователей и политических деятелей оценивается крайне противоречиво. Рассмотрение регионального аспекта этой проблемы составит более полную панораму представлений о политическом кризисе 1993 г. в России.

К середине 1993 г. органы государственной власти и управления областей России имели широкие полномочия по распоряжению региональной собственностью и ведению экономического хозяйства региона в целом, что позволяло им участвовать в приватизационных процессах местного уровня. Возможно, здесь также скрывались пусковые механизмы рассмотренного противостояния [8].

После подписания Б. Н. Ельциным Указа № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в России», в регионах большинство глав администраций поддержали Ельцина, но большая часть представительных органов областей и автономий была на стороне Верховного Совета.

В целом по России, характерной чертой в этот период стала в большинстве своем поддержка главами администраций указа, и его отрицание руководителями Советов [1].

Председатель Самарского областного Совета О. И. Анищик от имени депутатов в принятой 22 сентября 1993 г. резолюции осуждает «антиконституционный» указ Президента РФ, заявляет о неприемлемости любых попыток разрешения существующего политического кризиса неконституционными средствами, и что не мало важно, просит обратиться к органам законодательной и исполнительной власти с требованием об одновременном проведении досрочных перевыборов Президента, народных депутатов

Российской Федерации, а также главу администрации Самарской области 11 – 12 декабря 1993 года. Так же провозглашение депутатами Самарской области «государственно-территориальным образованием, обладающим политическими и экономическими правами республики в составе РФ», показывают общие российские тенденции перераспределения политических и экономических ресурсов начала 1990-х гг. [7].

В Саратове реакцией на президентский указ стало открытие чрезвычайной сессии областного Совета народных депутатов. Его председатель Н.С. Макаревич решительно осудил действия Б. Ельцина, депутаты приняли резолюцию, в которой одобрили постановления ВС РФ о прекращении полномочий Президента и обвинили его в попытке государственного переворота [4].

Отголоском на события в Москве стал пикет на Театральной площади [3, 6]. Затем, возле ГТРК «Саратов» состоялся митинг в поддержку президента, а 4 октября на главной площади города собрался митинг, на котором шла запись новобранцев в армию Руцкого, говорили о «ползучей немецкой автономии», о необходимости создать Волжскую Социалистическую Республику, о жизненном подвиге Нины Андреевой [5]. Однако, подобных акций в широком масштабе по области не наблюдалось.

Указ Президента РФ от 9 октября 1993 г. N 1617 «О реформе представительных органов власти и органов местного самоуправления в РФ» окончательно решил проблему существования системы Советов, так как объявил о реформировании органов представительной власти всех уровней.

В постановлении Администрации Саратовской области № 288 от 12.10.1993 г. «Об образовании временного областного комитета по вопросам реформы органов представительной власти и организации местного самоуправления» говорилось, что областной Совет потерял возможность правомочно функционировать, в связи с этим, Ю. В. Белых постановил, считать прекращенной деятельность областного Совета народных депутатов и его малого Совета, а также заявил об образовании Временного областного комитета по вопросам реформы органов представительной власти и организации местного самоуправления [2].

На основании президентского указа глава администрации Самарской области К.А. Титов также издает постановление от 20 октября 1993 года № 360 «О прекращении полномочий Самарского областного Совета народных депутатов». Затем, после издания Указа Президента РФ № 1617 «О реформе представительных органов власти и органов местного самоуправления в РФ», на его основании избираются новые органы местного самоуправления в Самаре – губернские и городские Думы.

Таким образом, конституционный кризис, разрешившийся трагическими событиями 3-4 октября в Москве, нашел свое отражение в Саратове и Самаре. В результате, произошел демонтаж советской системы управления, как в центре, так и в регионах. Советская система управления была

ликвидирована достаточно быстро и безболезненно. И теперь, отныне исполнительная власть на региональном и городском уровне стала играть преобладающее значение. Именно эти элиты и станут определять повестку дня в последующие годы.

Библиографический список

1. Аленичева Н.В. Конфликт законодательной и исполнительной ветви власти в октябре 1993 года: региональное измерение (на примере Саратовской области) // Проблемы российской цивилизации и методики преподавания истории. Саратов, 2017. Вып. IX.- С. 97-105.
2. Администрация Саратовской области. Постановление № 288 от 12.10.1993 г. // Саратов. 1993. № 175.
3. Голяков А. «Хроника противостояния» // Заря молодежи. 1993. № 39.
4. Климов А. «Советская власть против президента» // Саратов. 1993. № 161.
5. Ключкина О. «Возле памятника Ленину мордобоя не наблюдалось» // Саратов. 1993. № 170.
6. Милкин А. «Митинг на Театральной: ремонт вождя и реставрация социализма» // Саратов. 1993. № 161.
7. Сообщение с мест. Решения советов народных депутатов // Советская Россия. № 115. 1993.
8. Хасин В.В. Власть, собственность и национальная идея. Номенклатурный ответ возрождению немецкой автономии в Поволжье. Практические формы реализации // Немцы России в общественно-политической жизни страны (XVIII – XXI вв.): Материалы 16-й международной научной конференции. Москва, 27–31 октября 2016 г. М.: Русдойч Медиа, 2017. С. 323 – 356.

Д.Е. Гребень

Московский государственный университет

БУДДИЗМ В ТУВЕ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД ГЛАЗАМИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Республика Тыва⁴, наряду с Калмыкией и Бурятией, является субъектом Российской Федерации с буддийским большинством населения. Установление буддизма в регионе произошло в результате трех волн распространения – под тюркским и уйгурским влиянием в VI в., в составе монгольского государства в XIII в. и, наконец, под властью государства Алтынханов в XVI в. [1, с.12]. В середине XVII в. регион отошел в состав Джунгарского царства. После того, как Джунгарское царство перестало существовать, его территория, а вместе с ней и территория современной Тувы, была захвачена маньчжурской династией Цин. Именно в Цинский период буддизм окончательно укрепился в Туве.

На рубеже XIX-XX веков Тува находилась в составе государства династии Цин. После Синьхайской революции тувинский амбын-нойон направил

вил российскому императору прошение о принятии Тувы под российский протекторат и в 1914 году российские власти дали своё согласие [2]. После Октябрьской революции на территории Урянхайского края в 1921 году была образована Тувинская Народная Республика (далее – ТНР), развивавшаяся в русле интересов СССР. В 1944 г. Тува вошла в состав СССР в качестве автономной области, а в 1961 г. была преобразована в Тувинскую АССР. С 1993 года Тува провозглашена Республикой Тыва в составе Российской Федерации.

В являвшейся объектом влияния советской идеологии ТНР институт буддистской церкви сначала был использован в качестве инструмента для установления политического влияния [3, с. 107], а затем – практически полностью разрушен. Имущество монастырей изымалось, высшее ламство оказалось подвергнуто практически полному уничтожению. Люди, связанные с буддистской церковью преследовались как на официальном, так и на бытовом уровне, были вынуждены скрывать своё прошлое, так как ассоциировались, в том числе, и с оппозирующими действующим политическими силами [4]. С вхождением Тувы в состав СССР ситуация не изменилась: проявления религиозности подавлялись, велась активная агитационная работа с населением, однако окончательно истребить потребность людей в отправлении религиозных практик так и не удалось.

Советский этап является поводом для рефлексии современной тувинской интеллигенции. Для её представителей сегодня как никогда актуально обращение к истории. В первую очередь это история собственной семьи: активно ведется поиск информации о репрессированных родственниках, их жизни до революции. Стало возможным публично делиться историями обращения родственников к ламам, шаманам, целителям, историями о людях, тайно продолжавших исповедовать буддизм – это не только не осуждается, но приветствуется: *«Сейчас это все друг другу начали рассказывать. Многие начинают понимать, что вера у нас не была все-таки в таком положении, как вы задали вопрос. Даже мой дядя просто дома сидел, читал, и никакая власть не могла на это повлиять»* [5].

Информантами подчеркивается: несмотря на то, что внешняя, институциональная сторона религии в республике оказалась практически полностью разрушена, буддизм в Туве не был уничтожен окончательно и в повседневной жизни люди продолжали отправлять обряды, проговаривать мантры, тайно посещать буддистских лам. Однако буддизм сохранился крайне неравномерно, как правило, приверженность сохранили представители специфических социальных групп (чаще всего – люди, в роду которых были священнослужители, представители интеллигенции, иногда – политической элиты) и жители определенных географических районов республики (как правило, западных кожуунов и кожуунов, граничащих с Монголией) [6].

Можно говорить о том, что на протяжении последних тридцати лет в рамках процессов деидеологизации и реидеологизации происходит пере-

осмысление исторического прошлого республики. В ходе десоветизации возвращаются имена ранее репрессированным деятелям, ведётся поиск «оплотов» буддизма – выдающихся личностей, сохранявших буддистское учение, несмотря на преследования. Официально подавляемая в течение нескольких десятилетий религия становится одним из определяющих образов республики символов и важной составляющей самоидентификации большинства тувинцев.

Библиографический список

1. Монгуш М.В. История буддизма в Туве (вторая половина VI – конец XX в.). Новосибирск, 2001.
2. Вайнштейн С.И. История Тувы. Т. 2. Новосибирск, 2015.
3. Москаленко Н.П. Этнополитическая история Тувы в XX веке. М., 2004.
4. ПМА: Л.А. – детский психолог, пенсионер.
5. ПМА: Е.А. – А.А. – сотрудница Центра тувинской культуры.
6. ПМА: У.Б. – ученый-этнограф, филолог, сотрудница ТИГПИ.

С.В. Синица

Санкт-Петербургский государственный университет

САПФО И СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК: ИНТЕРЕС К ОБРАЗУ

Серебряный век хронологически охватывает период примерно с конца 80-х гг. XIX в. до (в самом широком смысле) 30-х гг. XX в. За это время многие русские поэты в своём творчестве обращались к стихам Сапфо и её образу. Выделим среди них С. Я. Парнок [7; 9], М.И. Цветаеву [10], П.С. Соловьёву (Allegro), А. К. Герцык [1] и О. Э. Мандельштама [6], в произведениях которых Сапфо представлена с разных точек зрения.

Помимо обращений к фигуре архаической поэтессы, в указанный период, вследствие обнаруженных Оксиринхских папирусов, появляются переводы ранее неизвестных фрагментов Сапфо: В.И.Иванов [4] и В.В.Вересаев [3] знакомят русскоязычного читателя с новыми текстами.

Интересно, что в 1895 г. во Франции вышел стилизованный под Сапфо сборник-мистификация «Песни Билитис», написанный Пьером Луисом. Сборник также мог повлиять на восприятие российской интеллигенцией образа Сапфо.

Следует отметить и неопубликованный труд заведующего общим архивом Министерства императорского двора А.В. Половцова о Сапфо [8], написанный историком на рубеже XIX-XX вв. В предполагаемой монографии содержатся доскональные изыскания в античных источниках и работах зарубежных авторов, находки мельчайших сюжетов, связанных с жизнью и творчеством Сапфо.

Для представителей Серебряного века обращение к образу Саффо и её творчеству не было единичным случаем. Различная интерпретация произведений лесбосской аристократки способствовала многогранному восприятию её поэзии.

Интерес к Саффо не угасает до сих пор.

Библиографический список

1. Sub gosa: Аделаида Герцык, София Парнок, Поликсена Соловьева, Черубина де Габриак. Москва: Эллис Лак, 1999. 800 с.
2. Бургин Диана Л. София Парнок. Жизнь и творчество русской Сафо. СПб.: ИНАПРЕСС, 1999. 512 с.
3. Вересаев В.В. Полное собрание сочинений: Эллинские поэты. Т. 10. М.: Недра, 1929. 269 с.
4. Иванов В.И. Алкей и Саффо: Собрание песен и лирических отрывков в переводе размерами подлинников Вячеслава Иванова со вступительным очерком его же. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1914. 216 с.
5. Лаппо-Данилевский К.Ю. «Алкей и Сафо» Вяч. Иванова в рецепции современников (Кузмин, Ходасевич и др.) // Михаил Кузмин: Литературная судьба и художественная среда. СПб. «Ренومه», 2015. С.119-131.
6. Мандельштам О.Э. Полное собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. М.: Прогресс-Плеяда, 2009. 808 с.
7. Парнок С.Я. Собрание стихотворений. Вступительная статья, подготовка текста и примечания С. Поляковой. СПб.: ИНА-ПРЕСС, 1998, 560 с.
8. Половцов А.В. Сафо. Машинопись и рукопись // РНБ. Ф.601. №133.
9. Полякова С.В. Две Софии // София Парнок. Собрание стихотворений. Вступительная статья, подготовка текста и примечания С. Поляковой. СПб.: ИНА-ПРЕСС, 1998. 560 с.
10. Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 т. М., «Эллис Лак», 1994-1995.

А.П. Слащина

Самарский филиал Московского городского педагогического университета

ПРАВОСЛАВНЫЕ МИССИОНЕРЫ И МУСУЛЬМАНЕ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Миссионерская деятельность РПЦ оказывала огромное влияние на формирование религиозной идентификации местных народов. Однако вплоть до сегодняшнего дня история миссионерской деятельности в Самарской Епархии остается недостаточно исследованной.

В настоящее время в Самарской области проживает около 200 000 так называемых этнических мусульман (татары, башкиры, казахи, узбеки и пр.). При этом сохранилась и зона компактного проживания татар-кряшен

в селе Назаровка Клявлинского района. Но когда они начали жить обособленно от своих соседей-мусульман? На этот вопрос нам дает ответ изучение миссионерской деятельности в Самарской Епархии на рубеже XX в.

Миссионерская деятельность в Самарской Епархии была учреждена Указом Святейшего синода от 27 октября 1866 г., в соответствии с которым было учреждено пять миссионерств для обращения в православие язычников, магометан и раскольников. Было учреждено пять миссионерских станов: в Самаре и Николаевске (для раскольников и молокан), в Ставрополе и Бугульминском мужском монастыре (для магометан) и в Бугуруслане (для язычников).

В конце 80-х гг. XIX в. была введена должность епархиального миссионера, деятельность которого заключалась в выполнении поручений Самарской духовной консистории по делам миссии. Благодаря архивным источникам, удалось установить, что ежемесячное жалование миссионеров в 70-е годы XIX в. составляло 10 рублей серебром⁵.

Для подготовки к миссионерской деятельности в Самаре работали миссионерские курсы. Миссионерские курсы проходили в течении 30 дней, число слушателей превышало 30 человек [1, с.73].

Одним из основных методов в деятельности православных миссионеров в рассматриваемом периоде выступала просветительская деятельность: ставка делалась на церковные школы, занятия в которых проводились на местных языках по системе Н.И. Ильминского, одного из самых известных просветителей того времени. В конце XIX в. на средства Миссионерского комитета и Самарского Епархиального комитета в Самарской Епархии начинается строительство школ с целью «предотвратить отпадение крещенных татар от православия». Нам удалось обнаружить сведения о работе следующих школ: Казябашская церковно-приходская школа Бугульминского уезда; Измайловская миссионерская школа грамоты Бугульминского уезда; школа села Казанки Николаевского Собора Бугульминского прихода; Забугоровская школа грамоты.

Знание русской грамоты также играло большую роль в успехе миссионерской деятельности. Так, сельский священник Ставропольского уезда в своем рапорте Самарской духовной консистории «о присоединении к православию» от 25 января 1867 г. писал об отставном солдате, татарине изучившем русскую грамоту в христианской среде и пожелавшем принять христианство [2, Л.1].

О масштабах просветительской деятельности на территории Самарской области можно судить по литературе, затребованной Самарской духовной консисторией для осуществления миссионерской деятельности. Известный казанский миссионер Е.А. Малов регулярно высылал литературу для нужд Самарской духовной консистории [4, Л.1]. А в 1874г. по инициативе Самарского протоиерея Д.Н. Орлова создается миссионерская «противосектантская и противораскольническая» библиотека. Миссионерские библиоте-

ки действовали во всех уездах Самарской епархии: в 1912 г. их насчитывалось 55 [1, с.73].

Но все же основным орудием в просветительской деятельности миссионеров Самарской губернии была проповедь или так называемое «увещевание». Прекрасным подтверждением этого служат материалы местных архивных фондов. Одним из наиболее активных миссионеров в губернии в татарской среде был К.Н. Старостин. Надо сказать, что география его передвижений была довольно внушительна: только за период с 1 августа по 1 декабря 1874 г. он преодолел 313 километров по 23 селениям Ставропольского уезда, населенных татарами.

Так в 1873 г. миссионер К.Н. Старостин прибыл в деревню Новый Салаван Самарского уезда Степно-Шенталинской волости (сейчас – село Вороний Куст Новомалыклинского района Ульяновской области), в котором из «старокрещенных татар» к исламу вернулось 26 человек. Стоит отметить, что материалом для бесед с «отпавшими» было не только Священное писание: в распоряжении Старостина был «Миссионерский противомусульманский сборник», состоявший из статей и исследований об исламе студентов миссионерского противомусульманского отделения Казанской духовной академии. Старостин мог использовать целый набор книг, имевших миссионерский характер. Это подтверждается журналом Самарской духовной консистории от 31 января 1874 г. содержащим следующую запись: «затребовать по приложенному объявлению для уездов Ставропольского, Самарского и Бугульминского по одному экземпляру каждой книги, всего на 23 р. 10 коп. на счет миссионерской суммы и, по присылке, выдать, для употребления в потребных случаях, Протоиреям Помряскинскому, Федорову и миссионеру Старостину» [4, Л.3].

Несмотря на усилия и активность Старостина, результаты его деятельности оценивались Самарской духовной консисторией неудовлетворительно. В журнале консистории от 24 января 1875 г. значилось: «объявить ему, чтобы он на будущее время оставил уже свое миссионерское поприще, как не озаменованное им должным успехом» [3, Л.38].

В ответ миссионер пишет вышестоящему руководству прошение, в котором указывает, что занимался миссионерской деятельностью в течении года и 10 месяцев и был уполномочен вести беседы с татарами в селениях Самарского и Ставропольского уездов. Причины, по которым его деятельность была малоэффективной, он видел в следующем: «во-первых, не было у меня книг для руководства по этому делу, а получил я эти книги в прошлом 1874 г. в мае месяце и нужно было их прочитать и усвоить приемы против магометанского закона, во-вторых, я разъезжал по разным селам, выписывал, из метрических книг, начиная с 1820-го года, по духовным переписям, сколько в котором поселении находится крещенных татар» [3, Л.41об].

Защищая себя и свою работу Старостин писал, что его отношения с татарами вошли в нужное русло: крестьяне стали доверчивее к нему, относятся, приезжали к нему на беседы и живо интересовались Евангелием. «Я, кроме бесед, снабжаю их книгами, а особенно они уважают Евангелие и желают его узнать, о чем оно учит, которого они до сих пор не видали, а в их Коране написано, чтобы всякому мусульманину должно знать Евангелие, Пятикнижие Моисея и всех пророков» [3, Л.42]. Миссионер видел в этом положительную сторону, так как после прочтения этих книг татары уже не так ревностно относились к Корану. Таким образом, создавались предпосылки для их перехода в православие. В том же письме он просил разрешить ему хотя бы еще год без выплаты жалования продолжать поездки по тем селениям, в которых он работал с мусульманами. Окончательная причина его увольнения тем не менее остается неясной.

Тем не менее, благодаря осмысленной деятельности Старостина и его коллег миссионерам удалось создать довольно устойчивую субэтническую группу кряшен о чем свидетельствует их дальнейшее, обособленное от татар-мусульман положение.

Библиографический список

1. Якунин В.Н. История Самарской епархии. Тольятти, 2011.
2. Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. 32. Оп. 1. Д. 1942.
3. ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2291.
4. ЦГАСО. Ф. 32. Оп.1. Д. 2295.

Научное издание

ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

XXIV Всероссийская конференция молодых историков
(Самара, 7–8 декабря 2018 г.)

Материалы и доклады

Публикуется в авторской редакции

Титульное редактирование *Л.В. Крылова*
Художественный редактор *Л.В. Крылова*
Компьютерная верстка, макет *Л. Н. Законовой*

Подписано в печать 15.03.2019.

Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл.-печ. л. 13,25. Уч.-изд. л. 14,25. Гарнитура «Newton».

Тираж 100 экз. Заказ № 0049

Самарская гуманитарная академия,
443011, Самара, ул. 8-я Радиальная, 31.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в цифровой типографии ООО «Прайм»
Самарская обл., Волжский р-н, с. Курумоч, ул. Полевая, д. 49.

